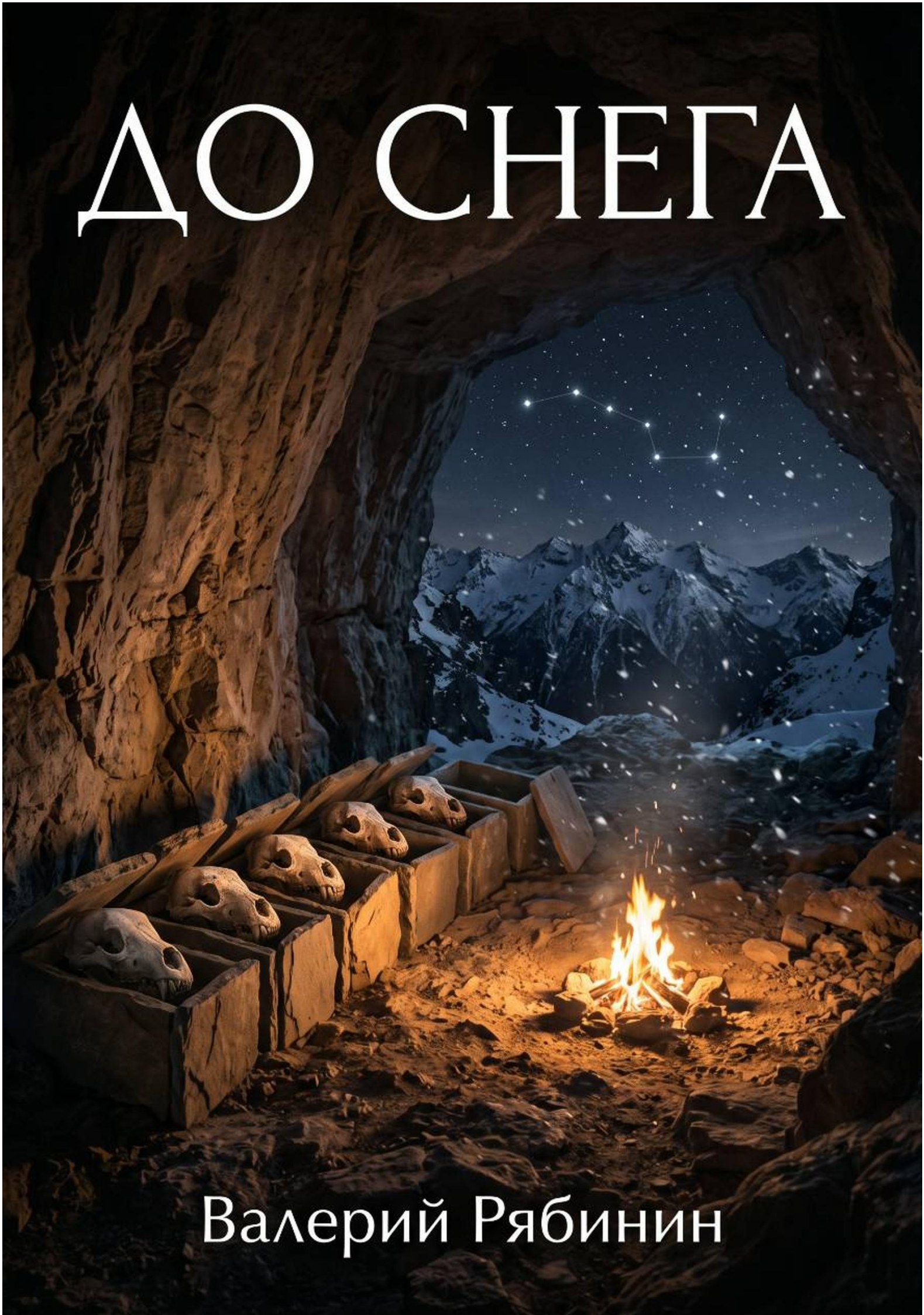
ДО СНЕГА



Валерий Рябинин

Валерий Рябинин

ДО СНЕГА

«Автор»

2026

Рябинин В.

ДО СНЕГА / В. Рябинин — «Автор», 2026

Многие тысячелетия медведи и люди живут рядом. В пещерах Альп древние охотники каменного века складывали медвежьи черепа в каменные ящики. Князья ставили города там, где убивали медведя. Солдаты брали медвежонка в роту, дети засыпают в обнимку с плюшевым мишкой, а биржа зовёт падающий рынок медвежьим.Осенью 2026 года медведи по всей стране ведут себя так, как никогда ранее. Они выходят к сёлам и дорогам, к школам и воинским частям, лезут в отели, стоят у заборов и подолгу смотрят на людей. За этими могучими животными давно и скрытно следят швейцарская Ложа, московский подвал без вывески и американская служба, которая смотрит на мир глазами плюшевых медведей. Каждый знает свою часть правды, и целиком её не знает никто.Что связывает Челябинский метеорит, стратегический бомбардировщик ТУ-95, пещеру в Альпах и панд московского зоопарка? И почему отвечать нужно до первого снега?Роман-расследование, в котором история длиной в пятьдесят миллионов лет укладывается в одну осень.

© Рябинин В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Часть первая. Шум 6
Пролог. Лёд 6
Глава 1. Посев 9
Глава 2. Палец 11
Глава 3. Злая гора 15
Глава 4. Глаз 19
Глава 5. К нам пришли выбирать 22
Глава 6. Таблица 25
Глава 7. Писец 32
Глава 8. Остров посреди реки 35
Глава 9. Седьмой 40
Глава 10. Второй лист 43
Глава 11. Полуночная 48
Глава 12. Спящий 52
Глава 13. Двести шесть 55
Глава 14. Ковш над Енисеем 60
Глава 15. Три гостя 63
Глава 16. Приказ номер один 67
Глава 17. Вознесеновка 70
Глава 18. Медвежий Лог 74
Глава 19. Счёт не может уменьшиться 79
Глава 20. Двадцать третий 83
Часть вторая. Сигнал 86
Глава 21. Забор 86
Глава 22. Ящик, которого не было 90
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Валерий Рябинин
ДО СНЕГА

От автора

Роман «До снега» — художественное произведение. Все персонажи, организации и события в нём вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, и с реальными организациями случайны. Реальные лица, события и места упоминаются в художественном контексте, и всё, что им приписано в романе, создано воображением автора. Эпизоды с нападениями медведей основаны на открытых источниках, но их обстоятельства и участники изменены. Полная правовая оговорка приведена в конце книги.

Часть первая. Шум

Пролог. Лёд

5 января 2026 года. Таймыр

 # 5 января. Лёд у посёлка Мысок, Таймыр. Белый медведь напал на семью на зимней рыбалке. Рыбаки отогнали его рёвом моторов. Ранены трое, среди них ребёнок.

Два «Бурана» выходят из Мысока в половине одиннадцатого утра и через минуту тонут в темноте. Полярная ночь держит Таймыр шестую неделю. Солнце осталось за краем земли, и до середины января его здесь вспоминают по календарю.

Впереди идёт отец: широкая спина, ружьё в чехле поперёк нарт, ледобур, пешня, ящик под рыбу. Следом мать с рацией на груди, а за её спиной в нартах сидит сын одиннадцати лет, закутанный в оленью шкуру по самые глаза.

Мороз под сорок. Выхлоп встаёт за машинами белыми столбами и висит в воздухе до самого края света фар. Гусеницы визжат по насту. Фары режут темноту на два узких коридора, и по каждому навстречу бежит ровный, как столешница, лёд Енисейского залива.

Глубоко под гусеницами бьёт выстрел - гулко, с раскатом, на весь залив. Сын вскакивает в нартах.

- Пап!

- Лёд, - бросает отец через плечо. - Мороз его рвёт. Сиди.

Второй выстрел уходит вдаль, к невидимому берегу.

Стреляет.

Мать, глядя вперёд, ловит сына за капюшон и рывком усаживает обратно. Небо над заливом чистое и чёрное, звёзды висят низко, крупные, как шляпки гвоздей на крышке сундука.

- Семь! - кричит сын сквозь мотор. - Мам, вон семь, поварешкой!

- Ковшом, - поправляет мать. - Большая Медведица.

- А медведь где?

- На небе. Там ему и место.

Огни Мысока за спиной гаснут один за другим, и вокруг остаётся только залив.

Место отец находит по вешке: шест с рваной тряпкой, вмёрзший в лёд ещё в декабре. В шестистах метрах дальше горят фары соседей - Кузьмич с Ерохиным приехали раньше и уже сидят над лунками.

Ледобур входит в лёд с хрустом, как в сахар. Толщина - в руку от плеча до пальцев: отец меряет пешнёй и довольно хмыкает. Из лунки поднимается чёрная вода и парит, будто под заливом топят баню.

Сеть уходит под лёд. Через час на свет фары выползает первый сиг, бьётся на снегу и затихает, схваченный морозом за минуту. В ящик он падает со стуком, как деревяшка.

К полудню над южным краем залива проступает полоса серебра. Остальное небо густеет чернилами, и полчаса мир стоит синий, как в бутылке. Потом синева уходит.

Рация на груди у матери хрипит.

- Сиг у вас какой? - спрашивает голос Кузьмича.

- Мелкий, как твои шутки, - отвечает отец.

- Значит, крупный. - Кузьмич смеётся, потом добавляет другим голосом: - Тихо сегодня. Даже песца нету.

Отец оборачивается к темноте за кругом света. Через полчаса оборачивается ещё раз. Мать трёт сыну щёки варежкой до красноты.

К двум часам темнота встаёт вокруг стеной, и свет держится только у фар. Сын поднимается: термос с чаем остался в нартах у второго «Бурана», за краем света. Шаги хрустят по насту и уходят из круга.

У нарт темно. Сын шарит рукой по шкурам, находит термос и выпрямляется.

Рядом дышат.

В луч фары сначала вплывает пар - густой, тёплый, на высоте его лица. Пар клубится, тает и вплывает снова. Следом из темноты выдвигается голова: узкая, длинная, жёлтая от старости, с чёрным мокрым носом.

Медведь.

Термос падает и катится по льду, выпуская тонкую струйку пара. Запах доходит раньше зверя: мокрая шерсть, рыба, тяжёлое звериное тепло.

- Пап!..

Отец уже бежит с пешнёй в руке и орёт на бегу так, что рвёт голос:

- В нарты! Под нарты, кому сказал!

Медведь бьёт лапой по нартам, и они переворачиваются, накрывая мальчишку шкурами.

Удар.

Второй достаётся отцу: его швыряет на лёд, шапка улетает в темноту, пешня со звоном отлетает в сторону.

Мать подлетает с ледобуром и бьёт зверя в плечо со всего маху, как колют лёд. Медведь разворачивается к ней медленно, всем телом. Лапа приходит ей в бок, и мать падает рядом с мужем.

Отец на четвереньках дотягивается до ящика и швыряет его зверю в морду. Сиги разлетаются по льду и блестят в свете фары, как лезвия. Медведь отворачивает голову и нюхает рассыпанную рыбу.

Мать рычит. Без слов, по-звериному, поднимаясь на колени, тянется к ледобуру.

Медведь делает шаг к ней и задевает плечом «Буран». Машина заваливается набок, фара упирается в небо.

Рация, отлетевшая в снег, шипит голосом Кузьмича:

- Эй! Чего там у вас? Слышите?

Из-под шкур кричит мальчишка:

- Мама!

Фара на боку светит прямо вверх, в чёрное небо, туда, где горят семь звёзд ковша.

Кузьмич стоит над своей лункой с рацией в кулаке и смотрит, как вдали у соседей пляшет и гаснет свет. Из рации рвётся детский крик.

- Слышь? - Ерохин роняет удочку. - Это у них.

- Заводи! - Кузьмич уже бежит к вездеходу. - Всё заводи, что есть! Гудок дави!

Мотор. Второй. Сирена. Гудок.

Два «Бурана» и старый вездеход срываются с места и идут по льду на дальнем свете, с рёвом, с воем, будто на войну. Ерохин давит гудок ладонью и держит. Кузьмич стоит на подножке вездехода и палит из ракетницы в небо. Красная ракета повисает над заливом, и лёд под ней наливается тёмно-красным, как угли.

Медведь поднимает голову в шум. Дальний свет бьёт ему в глаза, и зверь щурится, как человек, которому посветили фонарём в лицо.

Шаг назад. Ещё шаг.

- Медведь шум не любит! - орёт Кузьмич сквозь рёв. - Он тишину любит! Дави, Ерохин, дави!

Ракета догорает над медведем и гаснет.

На границе света зверь останавливается. Моторы ревут, гудок воет без перерыва, а медведь стоит спокойно, боком к людям, и поднимает нос.

Нюхает ветер с юга. Долго, внимательно, как пёс у калитки.

В зубах у него сиг.

Потом он поворачивается и уходит. На юг, по льду, туда, где Енисей поднимается к Дудинке, к Туруханску, к Красноярску, за две тысячи километров, против течения.

Кузьмич глушит вездеход. За ним Ерохин. Становится слышно, как тикает остывающий мотор и как всхлипывает под шкурами мальчишка, прижимая к груди разбитую руку.

Отец зажимает варежкой бок жены, другой рукой тянет к себе сына.

- Куда он? - хрипит отец.

Кузьмич долго смотрит в темноту.

- Белый на юг не ходит. Ему на юге делать нечего.

- Значит, есть чего, - говорит Ерохин.

На льду, в свете фар, остаётся цепочка следов, огромных, с бороздами от когтей. Она уходит на юг, против течения, под семью звёздами ковша.

Глава 1. Посев

50 000 000 лет до н. э. Будущие Альпы

Море было тёплым, как кровь, и таким же солёным. Над ним стояло солнце эоцена, ещё не знавшее, что его когда-нибудь станут обожествлять и бояться, и под этим солнцем тянулся архипелаг низких островов, похожих на спины задремавших зверей. Мангры уходили корнями в илистую воду, по отмелям бродили голенастые птицы, в пальмовой чаще что-то шуршало и замирало, и весь этот мир, огромный, влажный и равнодушный, дышал так медленно, что одного его вдоха хватило бы на всю будущую историю человечества.

Жара стояла на всей Земле, от края до края. Полюса стояли голые, без льда. Далеко на севере, там, где через пятьдесят миллионов лет от мороза станет стрелять лёд и люди станут сверлить его ради рыбы, тёплые волны набегали на берег, поросший пальмами, и крокодилы лежали на песке под летним солнцем, которое неделями кружило над краем моря. На западе, где однажды встанет город туманов с часами на башне, шумели мангровые пальмы, и их тяжёлые орехи плыли по течению, покачиваясь, как поплавки.

Мир цвёл, гнил, рождался и умирал, равнодушный к завтрашнему дню.

Над островами Тетиса опускался вечер.

В тот вечер свет погас не сразу. Сначала у восточного края неба потемнела вода, будто в неё уронили каплю чернил, потом тень легла на острова, и птицы поднялись все разом, без крика.

Проступили звёзды, крупные и близкие. Медведица на этом небе ещё только ждала своего часа: семь звёзд, которым однажды суждено сложиться в ковш, горели в разных концах неба, далёкие друг другу, как чужие.

По воде пошла рябь - против ветра. Над морем прошло что-то тяжёлое и беззвучное, без огня и без следа, и ушло вниз, в серый ил, копившийся на дне со времён, которым никто не вёл счёта. Море сомкнулось над ним, как смыкается над брошенным камнем.

На берегу, в корнях мангра, сидел зверёк ростом с куницу: длинный, гибкий, с острой мордой и короткими цепкими лапами. Миацид. От таких, как он, через миллионы лет пойдут все хищные звери Земли - кошки и собаки, куницы и тюлени, волки и медведи.

Зверёк поднял нос.

Он нюхал воздух над тем местом, где сомкнулось море, долго, вздрагивая всем телом, и шерсть на загривке поднялась у него гребнем. Волны снова бежали по ветру, а он всё сидел в корнях и тянул носом темноту, до последнего света на воде. Потом чихнул, попятился и исчез.

К ночи птицы вернулись на отмели, и для них этот вечер ничем не отличался от других.

Камень запомнил его навсегда.

Ил ложился на то, что легло на дно, слой за слоем. Сверху, из светлой толщи воды, всё время сыпалось: раковинки мельче песчинки, чешуя, крошки водорослей, всё мёртвое и лёгкое. Морской снег. Он шёл днём и ночью, тысячу лет и ещё тысячу, и под ним то, что пришло в тот вечер, уходило всё глубже в темноту, становясь частью дна, частью камня, частью самой Земли.

Слой за слоем. Ладонь ила за тысячу лет. Слой за слоем.

О том, что легло на дно, море забыло на следующий день. Камень молчал и хранил. Внизу, под толщей воды и времени, стояла глухая тьма, без единого огня.

Прошли миллионы лет. Острова менялись, как облака: одни уходили под воду, другие поднимались из неё, и по их берегам теперь ходили другие звери.

Тяжёлые, широкогрудые, с медвежьим телом на толстых лапах и длинной собачьей мордой, полной зубов, они бегали вдоль кромки прибоя и брали всё, что могли догнать. Люди,

которые найдут их кости через десятки миллионов лет, назовут их амфиционами, а попросту - медведесобаками.

Самец гнал по отмели лошадку ростом с собаку. Брызги, хрип, короткий удар лапой, хруст. Медведесобака придавила добычу к мокрому песку и подняла голову.

Ветер шёл с моря.

Зверь втянул его ноздрями, раз и другой, и замер. Он смотрел туда, где под водой и под тысячами лет ила лежало то, что пришло однажды вечером, и стоял так долго, что добыча успела остыть у его лап. Потом взял её зубами и ушёл в заросли.

Так выглядел первый черновик. Мощный, быстрый, с носом, который чуял сквозь воду и время, и с лапами, умевшими только рвать. Черновик вышел неудачным. Медведесобаки вымрут, и их кости лягут в тот же ил, что хранит посылку. Но ветвь, к которой они принадлежали, разойдётся надвое и натрое: одни её побеги станут медведями, другие - волками и собаками, третьи уйдут в море тюленями. И медведь с собакой однажды ещё вспомнят, что они родня.

Земля тем временем двигалась. Африка ползла на север медленнее, чем растут ногти у человека, и всё же ползла, год за годом, и у камня впереди лежала вся вечность. Камень умел ждать. Однажды раковины со дна этого моря найдут на высоте двух тысяч четырёхсот метров, среди снега, в пещере, где зимуют звери.

Через двадцать миллионов лет Африка упрётся в Европу плечом, дно моря пойдёт складками, как скатерть под ладонью, и то, что легло в ил в этот вечер, поднимется к облакам, в темноту горы, которой ещё нет.

Глава 2. Палец

20 февраля 2026 года. Приморье, деревня Дубравное

 # 20 февраля. Дубравное, Приморье. Гималайская медведица у берлоги откусила охотнику большой палец. Ранен один.

Дубравное спит в распадке под шапкой печного дыма, когда охотник выходит за околицу и встаёт на лыжи. Двадцать четыре года, ружьё за спиной, нож на поясе, в рюкзаке приманка для ловушек и сухари. Впереди по брюхо в снегу прыгает лайка, рыжая, с белой грудью и хвостом колечком.

Последняя неделя сезона. До конца февраля соболь ещё идёт в ловушки, а с марта путик закрывается до осени. Тянется он по распадку километров на пятнадцать: тридцать ловушек, тридцать зарубок на стволах, тридцать раз нагнуться, проверить, заправить.

Мороз под двадцать. Небо над сопками светлеет, и в восемь из-за хребта вываливается солнце, огромное, красное, и бьёт в снег так, что режет глаза.

Тайга здесь богаче таймырской тундры и злее. Корейские кедры стоят в два обхвата. Монгольские дубы держат сухие листья до весны, и листья шуршат на ветру, как бумага. По стволам вьются лианы лимонника, голые, рыжие, похожие на старые корабельные канаты.

В кармане куртки оживает рация.

- Ну что, соболятник, - голос у дядьки сиплый, утренний. - Идёшь?

- Иду, дядь Паша. Третью прошёл, пусто.

- Тигра не видал?

- Пока бог миловал.

В четвёртой ловушке сидит соболь. Тёмный, почти чёрный, с рыжим пятном на горле, застывший за ночь в тугую дугу. Охотник стягивает перчатку, дышит на пальцы и большим пальцем отжимает пружину. Пружина тугая, с морозным скрипом. Соболь ложится в рюкзак, а ловушка снова встаёт на взвод: щелчок, кусок рябчика на крючке, еловая лапа сверху.

Лайка нюхает рюкзак и чихает.

На морозе пальцы деревенеют быстро. Охотник сжимает и разжимает кулак, хлопает ладонью о ладонь, и большой палец ноет, будто его прищемили дверью.

На пятом километре лайка замирает посреди лыжни, и шерсть на загривке поднимается у неё щёткой.

Поперёк путика идёт след. Круглый, как блюдце, четыре пальца без когтей, края ещё острые, свежие, утренние.

Тигр.

Охотник присаживается и кладёт в след ладонь в перчатке. Ладонь помещается в нём целиком, с запасом.

- Видал, - говорит он в рацию. - След. Свежий.

- Вот и не лезь к нему. Он сегодня главный.

- А я кто?

- А ты соболятник. Иди к соболям.

Охотник смеётся, свистит собаке и идёт дальше. Лайка долго оглядывается на след, потом срывается вперёд и пропадает за кедром.

Лай доносится из-под сопки, от ручья. Злой, захлёбывающийся, на одной ноте: так лайка лает на зверя, а на белку лает весело, с переливом.

Охотник сворачивает с лыжни и идёт на голос.

У ручья стоит липа. Старая, огромная, в три обхвата, с корой в трещинах, как ладонь старика. Внизу, у самых корней, в стволе чернеет лаз шириной в плечи. Лайка мечется перед ним, рычит и отпрыгивает.

Над лазом висит белая бахрома. Иней, мохнатый, длинный, как борода. Куржак. Такой иней нарастает там, где из-под снега выходит тёплое дыхание.

Бахрома шевелится.

Охотник жмёт тангенту.

- Дядь Паша. Лайка у старой липы держит, у ручья. Там дупло.

Рация молчит секунду.

- Куржак над дуплом есть?

- Есть.

- Отойди. Слышишь меня? Отойди от дерева и собаку уводи.

- Да гляну только.

- Отойди, я сказал!

Рация уходит в карман.

Охотник подходит ближе. Отводит рукой плеть лимонника, встаёт на толстый корень над самым лазом и наклоняется. Из темноты тянет тёплым, прелым, звериным. На коре вокруг лаза свежие борозды, длинные, светлые, будто дерево точили изнутри.

- Тихо, - говорит он собаке. - Тихо, сказал. Кто там у тебя?

Лай обрывается.

Лайка пятится от дерева, поджав хвост, и садится в снег у его ног.

Из лаза вылетает чёрное.

Медведица выходит из дерева, как пробка из бутылки, разом, всей тушей, и корень уходит у охотника из-под ног. Спиной вперёд он летит в снег. Ружьё соскальзывает с плеча и отлетает к ручью.

Чёрная, лоснящаяся, с узкой мордой и большими круглыми ушами. На груди у неё белый полумесяц, яркий, как вырезанный из бумаги.

Полумесяц.

Лайка бросается молча, вцепляется медведице в загривок и висит, рыча сквозь шерсть. Медведица дёргает плечом, и собака летит в сугроб, кувыркаясь.

Охотник успевает перевернуться на бок и выставить руку.

Удар.

Лапа, тяжёлая, как бревно, прижимает его к снегу. Медведица берёт зубами правую руку. Хватка короткая, точная, без рывка.

Хруст.

Крик уходит по распадку и возвращается эхом от сопки. Левой рукой охотник скребёт наст, бьёт медведицу по морде, снова скребёт. Перед глазами у него белый полумесяц, близко, во весь мир.

Лайка снова кидается сбоку и виснет у медведицы на задней лапе. Медведица смотрит только на человека. Ружьё лежит у ручья в трёх шагах, стволом в снег. Охотник тянется к нему, и тяжёлая лапа ложится ему на грудь.

Медведица отпускает руку.

Добивать она медлит. Стоит над ним, и пар из пасти оседает инеем на его ресницах. Смотрит. Глаза у неё маленькие, карие, внимательные, как у человека, который считает в уме.

Снег под его рукой краснеет.

Медведица поднимает голову. В зубах у неё палец.

Потом она пятится. Шаг за шагом, высоко держа голову, и палец белеет у неё между передними зубами. Несёт бережно, как несут подарок: так собака несёт хозяину птицу с охоты, так кошка несёт котёнка.

У липы медведица оборачивается в последний раз. Потом уходит за дерево, в заросли лимонника, и рыжие плети лиан смыкаются за ней.

Лайка выбирается из сугроба и, хромая, ковыляет к хозяину. Тычется носом ему в лицо, скулит.

Охотник садится, зажав правую руку левой. Зубами стаскивает с пояса ремень, перетягивает запястье, затягивает узел зубами же. Рация в кармане цела.

- Дядь Паша… - голос у него чужой, высокий. - Дядь Паша, медведица. Палец откусила.

- Живой?

- Живой.

- Ремнём перетяни. Жди. Еду.

В распадок возвращается тишина. Ручей журчит подо льдом. Над сопкой кричит кедровка.

Дядька приезжает через час на «Буране», с аптечкой и карабином. Шестьдесят лет, борода в инее, ушанка на затылке. Глушит мотор у ручья, смотрит на снег, на липу, на племянника, и лицо у него каменеет.

Руку перевязывает молча, туго, умело, как перевязывал себе и другим за сорок лет тайги. Колет обезболивающее прямо через штанину. Племянник шипит сквозь зубы.

- Гималайка? - спрашивает дядька.

- Гималайка. С полумесяцем.

- С медвежатами была?

- Не знаю. Из дупла вылетела.

Дядька долго смотрит на липу, на чёрный лаз, на борозды на коре.

- С медвежатами она бы тебя порвала, - говорит он наконец. - Насмерть. Я таких видел.

- Где?

- На Бикине, в девяносто восьмом. - Дядька смотрит мимо липы, в лимонник. - Серёга, друг мой, полез в дупло за медвежатами. Перекупщики тогда за медвежонка хорошо давали. Она его из дупла за голову вытащила. Хоронили в закрытом гробу.

Племянник молчит. Пальцы левой руки сами тянутся к перевязанной правой.

- А она палец взяла.

- Вот и я думаю. - Дядька трёт бороду. - Зачем ей палец?

- Может, съела?

- Гималайка мясом брезгует. Жёлудь ест, орех, ягоду. - Он помолчал. - Ты видел, что она с ним сделала?

- Унесла.

- Вот. Унесла.

Дядька стягивает рукавицу и смотрит на свою ладонь. Сгибает большой палец. Разгибает. Сгибает снова.

Лайка сидит у ног охотника и смотрит туда, где за липой сомкнулись плети лимонника. Шерсть на загривке у неё стоит щёткой.

- Поехали, - говорит дядька. - До темноты в больницу надо. Пальцы, говорят, пришивают. Если есть что пришивать.

- Нечего, - говорит охотник.

Дядька заводит «Буран» и, уже сидя, оборачивается.

- В охотнадзор сообщить надо.

- И что я им скажу? Медведица палец украла?

- Так и скажешь.

- Засмеют.

- Пусть смеются. - Дядька смотрит на липу. - Запишут, и ладно. Пусть хоть где-то будет записано.

«Буран» уходит по распадку, и лайка бежит следом, то и дело оглядываясь на старую липу.

Над чёрным лазом в стволе снова нарастает куржак.
В дереве дышат.

Глава 3. Злая гора

22 февраля 2026 года. Склон Малого Ямантау, Башкирия

 # 22 февраля. Склон Малого Ямантау, Башкирия. Шатун напал на тридцатилетнего горнолыжника. Ранен один.

От стоянки у подножия до вершины Малого Ямантау четыре часа хода, если идти так, как ходит Ильдар. Уфимцу он обещал пять.

Двое поднимаются через ельник на лыжах с камусами. Впереди Ильдар: за пятьдесят, сухой, как жердь, в выгоревшей штормовке, с термосом, притороченным к рюкзаку. Следом уфимец: тридцать лет, новый красный комбинезон, новые широкие лыжи для целины и улыбка, которую он с утра несёт в гору и растерял пока только наполовину.

Ели стоят под кухтой, тяжёлые, белые, похожие на людей в тулупах, которые замерли посреди склона на полуслове. Ветер с гольцов сбивает с веток снежную пыль, и она висит в воздухе, сверкая на солнце. Камусы шуршат по насту. Дыхание у обоих белое, частое.

- Слушай, - уфимец догоняет проводника на крутяке. - Утром ты сказал: злая гора. И засмеялся. Почему злая-то?

- Ямантау, - отвечает Ильдар через плечо. - По-башкирски «плохая гора». Деды так назвали. Им виднее.

- А почему назвали?

- Дойдём наверх - скажу.

- Интригуешь.

- Дыхание береги. Тебе ещё два часа интриговаться.

Склон становится круче. Ельник редеет, между стволами проглядывает небо, синее, морозное, без единого облака.

На середине склона Ильдар останавливается так резко, что уфимец утыкается лыжей ему в пятку.

Поперёк лыжни идёт след.

Широкий, косолапый, с ямками от когтей впереди пальцев. Петляет он без всякой цели: вправо, влево, к ели, от ели, назад, по кругу, как у пьяного, который потерял дорогу домой.

Ильдар присаживается на корточки и трогает край следа перчаткой. Край рассыпается: свежий, утренний.

- Медведь, - говорит уфимец и улыбается шире. - В феврале? Они же спят.

- Этот не спит.

Шатун.

- Разбудили его, - Ильдар поднимается, отряхивает колени. - Или сам встал. Жира с осени мало набрал, вот и бродит. Голодный, злой. Хуже зверя нет.

- Ну, нас двое.

- Нас двое. А он у себя дома.

Ильдар долго смотрит вверх по склону. Потом сворачивает с прямой лыжни и уводит в сторону, широкой дугой, к открытому гребню, где ельник редеет и видно далеко во все стороны. Гребень длинный, ветреный, в наддувах, и камусы на нём то и дело проскальзывают назад. Уфимец догоняет проводника, и шутки у него кончаются.

След уходит наискосок через ельник, вверх, туда же, куда идут они.

Вершина встречает ветром.

Скалы в инее, курумник под снегом, каменный тур, к которому привязаны выцветшие ленты, синие, белые, красные. Ветер треплет их, и они щёлкают, как флажки на трассе.

Внизу, сколько хватает глаз, тянутся хребты, белые, складчатые, похожие на смятую простыню. А напротив, через долину, поднимается Большой Ямантау: тёмный, широкий, тяжёлый, как спина зверя, который лёг поперёк неба.

Уфимец фотографирует всё подряд: тур, ленты, Ильдара, себя на фоне Большого Ямантау. Ильдар наливает чай из термоса в крышку, смотрит на часы и вполголоса ругается по-башкирски.

- Там, - Ильдар кивает за хребет, где в синей дымке проступает долина, - город. Туда без пропуска не пустят. Говорят, гора внутри пустая.

- Шутишь.

- Я? - Ильдар отпивает чай. - Я тебе про дивов обещал.

- Ну. Давай про дивов.

Ильдар садится на камень спиной к ветру.

- Давно это было. Людей на земле мало, а дивов много. Дивы - это… - он ищет слово, - змеи не змеи, звери не звери. Голов у них по многу, и в каждой пасти зубы, как у пилы. Людей ели, скот ели, воду из рек пили, пока реки не высыхали. И пришёл на эту землю батыр. Урал. Сильный, как гора, и терпеливый, как гора. Бился он с дивами долго, по всей этой земле. И где див падал, там гора вставала. Кровь в землю уходила, тело каменело, и стояла потом гора, где раньше зверь лежал.

Ладонью он хлопает по камню.

- Вот под нами, считай, див. Мёртвый. И там, - подбородком на Большой Ямантау, - ещё один, побольше. Поэтому и злая гора. Мёртвая, а злая.

- Красиво, - говорит уфимец.

- Красиво. - Ильдар закручивает термос. - Только старики говорят, Урал-батыр не всех добил.

Солнце садится за хребет. Снег на склонах наливается синевой, Большой Ямантау тонет в тени, и над ним проступает первая звезда.

- Пора, - Ильдар встаёт. - В сумерках спустимся, налобники наденем. Держись за мной. Слышишь? За мной.

Последний свет уходит с вершины, и ленты на туре гаснут одна за другой.

Над хребтом на западе висит луна, узкий серп, тонкий, как обрезок ногтя. Снег в сумерках светится сам, ровным синим светом, и открытый склон видно без фонаря.

В ельнике темно. Спускаться здесь - работа на ощупь. Луч налобника прыгает по стволам и выхватывает то ветку, то сугроб, то лыжню Ильдара, синюю в синем снегу.

Первые полчаса уфимец держится сзади. Потом склон выполаживается, ели расступаются, и он уходит вперёд широкими дугами, с гиканьем, и снег летит из-под лыж белым веером.

- Не гони! - кричит Ильдар. - Слышишь? Не гони!

- Да тут же поляна!

Гиканье уходит вниз, к ельнику.

Из ельника сбоку выходит тень.

Луч налобника упирается в неё и вязнет: тёмная свалявшаяся шерсть, впалые бока, худая длинная морда, глаза, в которых свет фонаря вспыхивает зелёным.

Медведь.

Уфимца сбивает с лыж, как кеглю. Склон крутит их обоих: человек катится вниз, медведь катится вместе с ним, и снег вокруг них вскипает.

Треск ткани. Хрип. Глухие удары по пуховой куртке, будто выбивают ковёр.

Ильдар сбрасывает лыжи и бежит по пояс в снегу.

- Пошёл! - Он хватает снег горстями и швыряет в медведя. - Пошёл отсюда! Пошёл!

Медведь пропускает снег мимо, как дождь, и снова наклоняется к человеку. Уфимец закрывает голову руками. Красный комбинезон на спине висит клочьями.

Ильдар шарит рукой в сугробе.

Палка.

Выдёргивает её из снега, лыжную, длинную, со стальным наконечником, и перехватывает двумя руками, как копьё.

Удар.

Наконечник проходит по медвежьей морде наискось, от глаза к носу. Палка гнётся в руках, как прут, и звенит.

Шатун замирает с рассечённой мордой.

Над уфимцем стоит зверь, огромный, тёмный, и с морды на снег капает чёрное. Ильдар держит перед собой согнутую палку. Уфимец лежит на спине и смотрит снизу вверх: на медвежью морду, на пар, на свет своего налобника, бьющий в небо.

Медведь поднимает голову.

Морда уходит вверх, всё выше, до самого неба, и замирает.

Над Большим Ямантау стоит ковш. Семь звёзд, крупных, ясных, вечерних, ручкой к горе.

Медведь смотрит на них.

Смотрит долго. Пар из пасти поднимается столбом и тает в свете налобника. На морде блестит свежая полоса, от глаза к носу, и с неё срываются тёмные капли.

- Замри, - шепчет Ильдар. - Замри. Дыши тихо.

Уфимец перестаёт дышать совсем.

Проходит минута. Или две. В ельнике щёлкает от мороза ветка, и звук летит по склону, как выстрел.

Медведь опускает голову. Переступает через сломанную лыжу, мимо человека, мимо Ильдара, так близко, что пахнет мокрой шерстью и кровью, и уходит в ельник, вверх по склону, неторопливо, как уходят с работы.

Ветка, задетая плечом, роняет кухту, и снег долго сыплется в луче фонаря.

Ильдар разводит костёр у поваленной ели. Руки у него ходят ходуном, спички ломаются одна за другой, и только третья вспыхивает.

Уфимца он перевязывает, разрезав ножом рукав. Укусы на плече, царапины на спине сквозь пух, кровь на снегу тёмная, как брусничный сок.

Телефон показывает пустую шкалу. Ильдар достаёт из клапана рюкзака оранжевый маячок, сдвигает крышку и жмёт кнопку. На маячке начинает мигать зелёный огонёк: раз в секунду, ровно, как пульс.

- Спасатели придут, - говорит Ильдар. - Часа через три. Или к утру.

- Он вернётся?

- Не знаю.

Уфимец лежит у костра на еловом лапнике, укрытый Ильдаровой штормовкой, и смотрит в небо.

- Он на небо смотрел.

- Медведи на небо не смотрят.

- Этот смотрел. Ты видел.

Ильдар молчит. Подкладывает в огонь ветку, другую. Потом говорит, глядя в огонь:

- Злая гора. Я тебе говорил.

Огонь трещит. Внизу, в долине, лает собака.

Уфимец поднимает здоровую руку и показывает вверх.

- Вон он. Ковш.

- Ковш, - соглашается Ильдар. - Семь звёзд.

- Он прямо на него смотрел. Как на часы.

Ответа уфимец ждёт долго. Ильдар поднимается, подходит к краю света от костра и стоит там, глядя в ельник, куда ушёл медведь.

Над Злой горой стоит ковш, и под ним мигает зелёный огонёк маячка, раз в секунду. В ельник, вверх по склону, уходит цепочка следов.

Глава 4. Глаз

1 марта 2026 года. Заброшенная деревня Агафоновка, Смоленская область

 # 1 марта. Агафоновка, Смоленская обл. Рано проснувшийся медведь прокусил мужчине плечо, повредил глаз. Ранен один.

Асфальт кончается у последней остановки, где ржавый павильон стоит без стёкол и без автобуса лет десять. Дальше «Нива» ползёт по колее, полной талой воды, и на подъёмах мотор воет, как обиженная собака.

За рулём отец: пятьдесят пять лет, кепка, седая щетина, обе ладони на руле, как в автошколе. Рядом сын: двадцать пять, наушники на шее, телефон в руке, где связь то вспыхивает одной палочкой, то гаснет.

Мартовская оттепель. Снег по обочинам серый, ноздреватый, осевший, из-под него лезет прошлогодняя трава. На голых берёзах сидят вороны, по три, по пять, и провожают машину взглядами.

- Пап, - сын смотрит в экран. - Ну кто в марте крыши проверяет?

- Тот, у кого весной крыша упадёт.

- Там двадцать лет никто не живёт.

- Бабка твоя там живёт. - Отец смотрит на дорогу. - На кладбище за околицей.

Сын убирает телефон в карман.

Лес расступается. На бугре у въезда стоит покосившийся деревянный крест, серый от дождей, а на перекладине сидит ворона.

За крестом Агафоновка. Дюжина домов вдоль одной улицы, тёмные срубы, провалившиеся крыши, пустые рамы окон. Черёмуха в палисадниках вымахала выше труб. Над трубами пусто.

Отец глушит мотор.

Тишина.

Вороны поднимаются с крыш разом, без крика, и уходят за лес.

Кладбище за околицей, на взгорке, под старыми берёзами. Отец идёт туда первым, по колено в мокром снегу. Кресты торчат из сугробов косо, как мачты затонувших лодок. Бабкин - железный, крашенный голубой краской, облупившейся до ржавчины.

Сняв кепку, отец стоит у креста. Сын топчется рядом и смотрит под ноги.

- Здравствуй, мам, - говорит отец кресту. - Крышу вот приехали глянуть. Внук вырос. Видишь, какой.

По улице идут посередине, где снег плотнее. Справа и слева стоят дома, и темнота в окнах такая густая, что её хочется потрогать рукой.

Отец называет дома вслух, как людей: здесь Тимофеевы, здесь тётка Нюра, здесь клуб, а здесь жила учительница, которая однажды влепила ему двойку за «карову» через «а».

- Школу закрыли в девяносто шестом, - говорит он. - Фельдшерский пункт в двухтысячном. Последней тётка Нюра жила, одна на всю улицу, до восьмого года. Потом и её увезли. - Он оглядывает улицу. - А была деревня. Сорок дворов. Свадьбы играли.

Бабкин дом предпоследний, с резными наличниками, от которых уцелела половина. Калитка висит на одной петле.

Во дворе сын останавливается.

Снег у крыльца истоптан. Следы крупные, широкие, с вмятинами когтей впереди, свежие: в каждом стоит талая вода.

- Пап.

- Лось, - говорит отец, разглядывая крышу.

- Лоси с когтями не бывают.

- Значит, собаки. Одичали.

- Пап, это не собаки.

Отец поднимается на крыльцо. Дверь в сени выломана и висит, привалившись к стене, а на косяке светлеют свежие царапины, длинные, на высоте человеческого роста.

В доме пахнет сырой печью, мышами и ещё тяжёлым, тёплым, звериным. Кухня встречает сорванными половицами. Посреди пола чернеет дыра в подпол, и оттуда тянет теплом, как из погреба, где зимой хранят картошку. Из красного угла смотрит тёмная икона без оклада.

Отец подходит к дверному косяку между кухней и горницей и гладит его пальцем. На косяке зарубки, тёмные, затёртые, с цифрами карандашом: шесть, семь, восемь, десять. Последняя - на уровне его плеча.

- Это я, - говорит он. - Бабка мерила. Каждое лето.

- Пап. Пойдём отсюда.

- Сейчас. Гляну только, что там с полом.

Сын светит фонарём телефона в дыру. Луч упирается в темноту и тонет.

Из темноты доносится звук. Низкий, ровный, с присвистом на выдохе, как храп за перегородкой в поезде.

- Пап, - шепчет сын. - Там кто-то храпит.

- Домовой, - говорит отец. - Бабка говорила, у неё в подполе домовой живёт. Я в детстве ему молоко ставил.

Отец уже стоит на коленях у края, забирает у сына телефон и наклоняется над подполом.

Луч уходит вниз, в сырую темноту, и находит там глаза.

Два зелёных огня. Неподвижные. Прямо в свет.

Глаза.

Пол взрывается снизу.

Половицы вздымаются и летят в стороны, и из подпола в облаке пыли и трухи поднимается медведь. Худой после зимы, взъерошенный, с мокрым носом и маленькими злыми глазами, огромный в низкой кухне, как шкаф.

Удар.

Лапа проходит отцу по лицу наискось. Телефон кувыркается в угол, и свет фонаря мечется по потолку. Отец валится на спину, медведь наваливается сверху.

Плечо.

Зубы проходят сквозь ватник, как сквозь бумагу. Отец кричит, и крик глохнет под тушей.

Сын хватает первое, что попадается под руку у печи. Лом. Ржавый, тяжёлый, бабкин, которым когда-то кололи лёд у колодца.

- Пусти! - Сын бьёт плашмя, по хребту, по боку, по голове, зажмурившись, как бьют в стену. - Пусти его! Пусти!

Медведь отпускает плечо и поворачивается к парню. Мгновение они смотрят друг на друга сквозь облако пыли: зверь и мальчишка с ломом.

Отец на четвереньках ползёт к двери. Сын с поднятым ломом пятится следом.

Медведь вылезает из пролома тяжело, по-стариковски, и встаёт в дверях кухни. Свет из выбитого окна падает на него сбоку.

Зверь смотрит на отца. Долго, внимательно, прямо в лицо, туда, где из-под ладони течёт кровь.

Потом поворачивается, проходит через сени, через двор, мимо колодца, и ровным шагом уходит в лес за огородами.

С крыши за ним съезжает пласт мокрого снега и тяжело падает в сугроб.

К машине сын ведёт отца, обняв за пояс. Отец прижимает к лицу свёрнутую кепку. Кепка темнеет.

«Нива» заводится со второго раза.

Связь появляется на бугре у креста, одной палочкой. Сын кричит в трубку название деревни, давно стёртой с карт, и объясняет дорогу: от трассы налево, сорок минут по колее. Скорая выезжает навстречу.

«Нива» прыгает по колее, вода из луж летит на стёкла. На каждой кочке сын бьёт ладонью по рулю.

- Я ему в нору фонарём, - говорит отец из-под кепки, - а он мне в глаз. По-честному, выходит.

- Пап, молчи.

- Ты видел? Он на меня смотрел. Когда уходил. Как будто запоминал.

- Пап!

- Молчу, молчу.

Единственным глазом отец смотрит в заднее окно: на дом за деревьями, на крест на бугре, на чёрные окна.

Агафоновка уходит за лес, и над ней снова поднимаются вороны.

Ночь. Двадцать три сорок по красноярскому времени.

Дом на высоком берегу Енисея. Под обрывом дымит паром река: ниже плотины вода тёплая, и Енисей здесь всю зиму течёт открытый, чёрный, под белым туманом. Над туманом висит луна.

В доме горит одна лампа. Тикают ходики. Печь гудит ровно, как трансформатор.

За столом сидит грузный бородатый человек. Перед ним ноутбук, банка мёда с воткнутой ложкой, кружка остывшего чая.

На экране короткая новость, в три строки: Смоленская область, заброшенная деревня, рано проснувшийся медведь, мужчина ранен, глаз.

Человек читает её дважды. Потом открывает новый файл.

Набирает заголовок: «Медведи, 2026: хроника нападений». Под заголовком - колонки. Дата. Место. Что произошло. Жертвы. Обстоятельства. Теги.

Пальцы у него толстые, а печатают быстро и точно.

Первая строка ложится в таблицу ровно, как запись в журнале: «1 марта. Агафоновка, Смоленская обл. Рано проснувшийся медведь прокусил мужчине плечо, повредил глаз. Ранен 1».

В последней колонке курсор останавливается.

Над пустой клеткой человек сидит долго. Потом печатает одно слово.

«Странность».

Ниже, через пустую строку, человек пишет мельче: «Не вошли (до 1 марта)». Переносит туда три зимних случая, давно лежащих у него в закладках: Таймыр, январь, белый медведь на льду; Приморье, февраль, откушенный палец; Ямантау, февраль, шатун.

Сохраняет файл. Отпивает холодный чай, морщится, ставит кружку обратно.

Во второй строке таблицы мигает курсор.

Глава 5. К нам пришли выбирать

1 сентября 2026 года. Саянская тайга, заимка отшельника

 # 15 июля. Изба в 40 км от Магадана. Мужчина за шестьдесят, живший в лесной избе, найден мёртвым. Медведь или нет - неясно. Погиб один, спорно.

В шесть тридцать Сергей Фокич Ведерников выходит на метеоплощадку, как выходил вчера, и позавчера, и сорок лет подряд.

Будка на ножках, белая, облезлая, с жалюзи. Внутри термометры, сухой и смоченный, и старый волосяной гигрометр. Рядом дождемер, пустой: августовские дожди кончились.

Открыв дверцу будки, Ведерников наклоняется и поправляет очки. Дужка у очков перемотана синей изолентой, стёкла толстые, как донышки бутылок.

Плюс три. Влажность восемьдесят шесть. Ветер северо-западный, слабый. На бруснике иней.

Записывает в журнал карандашом, привязанным к корешку бечёвкой. Журнал сорок первый по счёту. Первые сорок стоят в избе на полке, корешками наружу, и почерк в них идёт от твёрдого к дрожащему, как кардиограмма.

Первый иней, и рано. Погода к перемене. Значит, кедровка с утра заорёт.

Огород: картошка ещё в земле, капуста в росе, лук под рогожей. За огородом ручей, а у ручья, на мокром песке, свежие следы.

Ведерников присаживается и трогает след пальцем. Передняя левая вдавлена слабее: Сосед, хромой старик, его медведь, сорок лет как сосед через ручей. Ходил ночью пить. Опять.

- Пить ходил, старый, - говорит Ведерников следу. - Совести у тебя нет, всю ночь шуршать.

Глеб давно молчит. Весной писал про свои таблицы: числа, сводки, медведи по всей стране. Мальчик считает. Всю жизнь считает. Пусть.

К полудню тайга смолкает.

Тихо.

Кедровка срывается с кедра над избой и молча уносится за ручей.

У изгороди стоит медведь.

Ведерников видит его от поленницы и опускает охапку дров на землю. Медленно, полено за поленом.

Медведь огромный. Тёмный, почти чёрный по хребту, с проседью на загривке. Стоит ровно, на всех четырёх, и передние лапы у него одинаковые.

Чужой.

- Ты чей будешь? - спрашивает Ведерников негромко. - Сосед где? Ты его съел, что ли?

Медведь смотрит.

С крыльца Ведерников берёт кастрюлю и поварёшку и бьёт, как в колокол. Звон катится по поляне, отскакивает от кедров, уходит в распадок.

Медведь смотрит.

Карабин висит в сенях на гвозде, заряженный холостыми с прошлой осени. Сняв его, Ведерников выходит на крыльцо и поднимает ствол в небо.

Выстрел.

Эхо гуляет по распадку и возвращается. Уши у медведя стоят неподвижно.

Петарды остались от лесников: прошлым летом оставили связку, на всякий случай. Ведерников поджигает одну от спички и бросает к изгороди. Петарда трещит, прыгает, плюётся искрами, и сизый дым ползёт по траве.

Медведь садится. По-собачьи, на зад, передние лапы прямо, и смотрит поверх дыма на дверь избы.

Сидит.

- Холостые, брат, у меня кончаются, - говорит Ведерников, переламывая карабин. - А терпение ещё нет. Посидим.

На ступеньку крыльца он садится сам, кладёт карабин на колени и протирает очки краем рубахи.

Солнце переваливает через голец. Тень от кедров ползёт через поляну и дотягивается до изгороди.

К четырём часам медведь ложится, кладёт морду на лапы и смотрит на дверь.

На закате голец над заимкой загорается розовым и гаснет.

Ведерников зажигает керосиновую лампу, выходит на крыльцо и садится на верхнюю ступеньку. Лампу ставит у ног.

Медведь поднимается.

Подходит ближе. Ещё ближе. Останавливается в пяти шагах, и свет лампы ложится ему на морду: широкий лоб, маленькие глаза, нос мокрый, чёрный, подрагивающий.

Старик и зверь смотрят друг на друга долго.

Очки Ведерников снимает. Без стёкол мир плывёт, зато глаза зверя видны прямо, без всякой оптики.

Выбирает. Пришёл и выбирает.

- Ты вот что, - говорит Ведерников, и голос у него ровный, лекторский, как на полевых занятиях. - Ты, брат, ошибся с репером. Я старая тренога. Меня в поле больше не ставят: ноги разъезжаются, винты заржавели. Спина у меня, - он хлопает себя по пояснице, - как теодолит после сплава. Глаза как у крота. Восемьдесят один год. Я комету Галлея видел, понимаешь? Восемьдесят шестой год, март, голец, минус тридцать. С тех пор я тут. А следующую мне уже не увидеть.

Медведь слушает.

- Найди молодого, - говорит Ведерников тише. - У молодых и спина гнётся, и глаза видят. А я своё отсмотрел.

Зверь делает ещё два шага и оказывается у самого крыльца. Ведерников протягивает к нему руку ладонью вверх, как протягивают хлеб.

Нос касается ладони.

Мокрый, холодный, шершавый. Дыхание тёплое, тяжёлое, пахнет травой и землёй. Медведь нюхает его ладонь долго, как читают письмо. Потом поднимает морду, смотрит на старика ещё раз, поворачивается и уходит к кедрам, и сумерки принимают его без звука.

Лампа у ног старика горит ярче.

В избе Ведерников зажигает вторую лампу и садится к столу. Достаёт из ящика лист миллиметровки, точит карандаш ножом, пробует грифель на ногте.

Пишет долго. Ходики тикают. Чай в кружке остывает и затягивается плёнкой.

Здравствуй, Глеб.

Пишу тебе первого сентября, в день знаний, хотя знаний у меня сегодня прибавилось ровно настолько, чтобы понять, как мало я знаю.

Утром был иней, первый в этом году, недели на две раньше нормы. Плюс три, влажность восемьдесят шесть, ветер северо-западный. Запиши себе, ты любишь цифры.

Днём ко мне пришёл гость. Медведь, но не Сосед - ты про Соседа знаешь, он хромой и деликатный. Этот чужой. Здоровый, как трактор, и вежливый, как налоговый инспектор: сел у изгороди и ждал, пока я выйду. Я его и кастрюлей, и холостыми, и петардами, которые мне лесники оставили. Ноль внимания. Сидит, смотрит на дверь.

Вечером мы с ним поговорили, как два старых инженера на пенсии: он молчал, я жаловался на здоровье. Потом он понюхал мою ладонь и ушёл. Я, Глеб, сорок лет живу с медведями

через ручей и скажу тебе как геодезист, без всякой мистики: приходил он не за едой и не из любопытства.

К нам пришли выбирать.

Не спрашивай меня, кто и зачем. Я записываю наблюдения, выводы - твоё дело.

Ты ведёшь свои таблицы. Запиши и моего гостя. Жертв нет, теги - на твоё усмотрение.

И не волнуйся за меня. Наша с тобой дружба по переписке - лучшая защита от медвежьей услуги: на таком расстоянии никто никому муху на лбу не прихлопнет.

Ковш сегодня стоит над гольцом низко. К зиме поднимется.

Обнимаю.

С. Ф.

Ведерников перечитывает, зачёркивает одно слово, потом над зачёркнутым пишет его снова. Складывает лист вчетверо и надписывает конверт знакомым адресом.

Гасит лампы. В окне над гольцом стоит ковш.

Утром второго сентября над гольцом нарастает гул, и на поляну у заимки, пригибая траву, садится вертолёт лесной охраны.

Из двери выпрыгивают двое лесников в зелёных куртках. Старший, рыжий, придерживает кепку, младший тащит мешок с крупой и сахаром.

- Сергей Фокич! - кричит рыжий сквозь винты. - Живой?

- Живой, Коля. Чай будешь?

- Некогда. У кордона второй день медведь бродит. Здоровый, чужой, на людей смотрит, как прокурор. К тебе не заглядывал?

- Был вчера. Вежливый.

Лесники переглядываются.

- Давай с нами, Фокич. Вывезем, перезимуешь в посёлке, у меня комната есть.

- Я сорок лет здесь зимую, Коля. - Ведерников достаёт из-за пазухи конверт. - Вот, возьми. Глебу. В Красноярске на почту брось.

Рыжий прячет конверт в нагрудный карман и застёгивает клапан.

Вертолёт поднимается, кренится и уходит за голец. Придерживая шапку, Ведерников машет вслед до последнего гула.

На опушке над заимкой, у крайних кедров, сидит чужой медведь и смотрит вертолёту вслед.

Глава 6. Таблица

3 сентября 2026 года. Дом математика на Енисее

 # 3 сентября. Потёсово, Красноярский край. Две пенсионерки, 67 и 73 лет, ушли за грибами порознь. Тела в 30–40 м друг от друга. Погибли двое.

Глеб Аркадьевич Берестов просыпается без будильника, в пять пятьдесят, за десять минут до рассвета. Летом он спит, как все люди, семь часов. Зимой - по четырнадцать, и про зиму у него отдельная тетрадь.

Дом стоит на высоком берегу Енисея, между Красноярском и Сосновоборском, на самом краю обрыва. Место когда-то выбрал отец, лоцман, и выбрал так, чтобы из окна просматривалась вся река, от поворота до поворота. Лоцман знает цену хорошему обзору.

Встаёт Глеб тяжело, в два приёма: сначала садится, потом поднимается. Большой, грузный, борода с ранней сединой, руки, которым больше подошёл бы топор, а держат они всю жизнь карандаш.

Чайник на плиту. Банка мёда на стол: мёд таёжный, тёмный, тягучий, от пасечника с того берега, полуторалитровая банка на месяц. Ложка стоит в мёде торчком и падает медленно, как стрелка барометра.

За окном туман. Енисей под обрывом невидим, только слышно, как он идёт: ровно, широко, без плеска. Ниже плотины вода всю зиму течёт открытая, а в сентябре по утрам река парит, и туман поднимается с неё медленно, слоями, как тесто.

Видимость в окрестности нуля. К восьми, по индукции, рассеется: так случилось вчера и позавчера.

Выше по течению, за городом, стоит плотина, и с тех пор как её построили, Енисей у Красноярска разучился замерзать. Отец застал реку другой: помнил ледоход, помнил, как по льду ходили на тот берег пешком. Глебу досталась полынья длиной в сотни километров, утки, зимующие в пару, и туман над городом в сорокаградусный мороз.

Бинокль висит на гвозде у окна, рядом с отцовской лоцманской фуражкой, выгоревшей до серого. Глеб снимает бинокль, открывает форточку и ждёт.

К семи туман редеет. Сначала проступают бакены, красный и белый, потом вода, тёмная, гладкая, потом утки.

Туман сходит в семь ноль восемь. Это тоже ложится в тетрадь.

Счёт идёт сам. Гоголи - восемнадцать. Крохали - шесть. Кряквы - пара у самого берега. Чайки - сколько успевает, пока они сидят на воде. Глеб записывает огрызком карандаша в тетрадь осеннего пролёта, мелко, в столбик, рядом с датой и температурой.

На стене напротив окна висит карта России, большая, школьная, на четырёх кнопках. В карту воткнуты булавки. Красные стоят там, где люди погибли. Синие - там, где выжили. С марта булавки разбрелись россыпью от Смоленщины до Камчатки, и гуще всего их у Енисея.

Солнце пробивает туман и падает на стену. На Смоленщине вспыхивает синяя булавка, самая первая.

Тетради стоят в горнице на полке, корешками наружу, в три ряда.

Первая - отцовская. Лоцманский журнал восемьдесят шестого года в клеёнчатой обложке, в пятнах машинного масла. Уровни воды по постам, номера бакенов, перекаты, погода, ветер. Почерк крупный, упрямый, с нажимом. А на полях, между отцовскими цифрами, другие цифры: мелкие, кривые, детские. Шестилетний Глеб переписывал за отцом всё подряд, сидя в рубке на ящике с ветошью.

- Кто считает, тот не тонет, - говорил отец и стучал по журналу согнутым пальцем.

Дальше идут свои. Перепись уток, зимующих на незамерзающем Енисее: тридцать две тетради, с девяносто пятого года, каждый январь, в одно и то же утро, с одной и той же точки

на обрыве. Журнал кромки льда: где кончается полынья, на каком километре ниже плотины встаёт лёд, - с две тысячи третьего. Тетрадь гроз. Тетрадь ледостава. Тетрадь первого снега.

Январский счёт - главный день года. Сорок градусов, пар над водой стоит стеной, и утки в нём то появляются, то пропадают, как цифры на испорченном табло. Считать приходится по головам, по кругам на воде, по крику. В лучший год вышло тысяча двести гоголей, в худший - триста. Причину Глеб ищет до сих пор и пока просто записывает: тысяча двести, триста.

Кромка льда за двадцать лет отошла вниз по течению на сорок километров. Мир меняется медленно, и видно это только в столбце.

Последняя - в ноутбуке. Файл «Медведи, 2026», открытый ещё с вечера.

Тетрадь «Сон» стоит с краю, тонкая, в серой обложке.

Глеб открывает её и листает. Зимние месяцы, по дням: лёг, встал, сколько часов. Десять. Двенадцать. Четырнадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

И между ними пустые строки.

Третье января двадцать третьего года - пусто. Девятнадцатое февраля двадцать пятого - пусто. Ещё два дня в декабре. Ещё один в марте. Дата стоит, а дальше чистая клетка, и на месте этих дней в памяти лежит ровная белая гладь, как снег без следов.

Погрешность наблюдения. Выброс. Вырожденный случай.

Тетрадь он захлопывает и ставит на полку корешком внутрь.

В девять Глеб садится за стол у окна и открывает почту.

Работы два вида, и обе удалённые. Первая - проверка олимпиадных задач для краевого центра одарённых детей. В этом году одну и ту же задачу решали сорок восьмиклассников, сорок решений, фамилии закрыты шифрами.

Тридцать девять решений идут на три страницы: перебор, ветвление, исправления, снова перебор. Сороковое умещается в три строки. Шифр ведёт в дальнее село, в школу на два десятка учеников.

Три строки Глеб перечитывает дважды и улыбается в бороду. На полях пишет: «Красиво. Необходимо и достаточно». Ставит высший балл и ещё минуту сидит над решением, как сидят у окна в хорошую погоду.

В комментарий для жюри он добавляет две фразы: «Автора сорокового решения - на краевой тур без конкурса. Остальным: изящество тоже входит в условие задачи».

Вторая работа - расчёт для страховой компании. Частоты страховых случаев по районам, сезонность, хвосты распределений. Цифры чужие, сухие. Глеб считает быстро, без черновиков, и к одиннадцати отправляет таблицу.

Ближе к полуночи звонит телефон. Номер с университетским кодом: раз в год, в сентябре, оттуда зовут вести спецкурс.

Мелодия доходит до второго круга. Глеб переворачивает телефон экраном вниз.

Телефон жужжит по столешнице, ползёт к краю, замирает. Потом снова жужжит. Голос в трубке - шум с неизвестной дисперсией, а шум Глеб пропускает.

Телефон лежит экраном вниз, и в комнате снова тикают ходики.

В половине первого у калитки гремит ведро.

Гена, сосед снизу, у самой воды, приходит без звонка, как приходит к этому дому сорок лет, ещё к отцу: стучит ведром о штакетник и кричит через весь двор.

- Глеб! Живой там? Рыбу возьми, а то протухнет!

За семьдесят, резиновые сапоги до колен, телогрейка, кепка козырьком назад, папироса в углу рта. В ведре бьётся ленок, пятнистый, тугой, с красными пятнами на боках.

- Бери, бери. Утром троих взял, мне одного хватит.

- Спасибо, Гена. - Глеб принимает ведро на вытянутых руках. - Я в долгу. Асимптотически.

- Чего?

- Навсегда, говорю.

- А. - Гена сплёвывает в лопухи. - Слыхал, в Потёсове две бабки потерялись?

- Нет.

- Третий день ищут. За грибами пошли, в воскресенье. Порознь пошли: одна с утра, другая в обед. И обе с концами.

- Порознь хуже, - говорит Глеб. - Два поиска вместо одного, а людей на них столько же.

- Ты, Глеб, как скажешь… - Гена закуривает. - Кум из Енисейска звонил. У них, говорит, медведь на кладбище спал, прямо меж оградок. Сторож утром пришёл, а он лежит.

- По моей таблице медведей у жилья в этом году вдвое больше среднего. В окрестности Енисейска - втрое.

- По таблице! - Гена хохочет и тут же заходится кашлем. - А кедр-то не уродил. И ягоду в мае заморозком побило, я ещё говорил тебе. Голодный зверь, вот и лезет.

- Голод - условие необходимое. Достаточное ли - посмотрим.

- Батя твой такой же был, - говорит Гена. - Всё в тетрадку. Бакен, перекат, уровень. Я ему: Аркаша, река и без тетрадки течёт. А он мне: течёт, Гена, да не туда, куда ты думаешь.

- Посчитай, посчитай. - Гена выпускает дым. - А зиму ты опять проспишь? Я ж вижу: в декабре свет у тебя горит два часа в сутки.

- Это экономия.

- Экономия… - Гена качает головой. - Сыч ты, Глеб.

По тропе он спускается к лодке, придерживаясь за кусты. Через минуту на реке заводится мотор.

Звук мотора уходит вниз по течению и тонет в остатках тумана.

В три часа дня новость приходит в ленту короткой строкой, через полчаса - заметкой.

Двух пенсионерок из Потёсова нашли. В трёх-четырёх километрах от посёлка, в лесу. Мёртвыми.

Шестьдесят семь и семьдесят три года. Ушли за грибами в воскресенье, тридцать первого августа, порознь: одна утром, другая в обед. Лежали в тридцати-сорока метрах друг от друга.

Глеб читает заметку и сидит перед экраном, пока экран гаснет сам.

На плите свистит чайник. Глеб встаёт, снимает его с огня и ставит на подставку. Кружка так и стоит пустая.

У окна он стоит долго. Внизу идёт река, вверх по течению, против солнца, тянет баржа с лесом, и над ней кружат чайки. Потёсово отсюда в трёхстах километрах вниз по Енисею, чуть выше Енисейска.

Одна ушла утром. Другая в обед. Порознь. Нашли рядом.

К столу Глеб возвращается медленно и открывает таблицу.

Строку он набирает без сокращений, как набирают имя на памятнике. Дата: третье сентября. Место: Потёсово, Красноярский край. Что произошло: «Две пенсионерки, 67 и 73 лет, ушли за грибами порознь. Тела в 30–40 м друг от друга». Жертвы: «Погибли двое».

В колонке «Теги» курсор мигает долго. «Отпор» - мимо. «Чудом спасся» - мимо. Палец замирает над словом «странность» и уходит с клавиатуры. Колонка остаётся пустой.

На полях тетради осеннего пролёта, прямо под утками, карандашом, ложится одно слово: «пара?» Глеб смотрит на него и оставляет нетронутым.

В ленте за день ещё три строки. Байкал: медведь напал на мужчину на крыльце гостевого домика. Вологодская область, деревня Ходырево: человек увидел медведицу с медвежонком в трёхстах метрах от дома, залез на дерево и кричал на всю округу, и звери ушли. Пировское, свой край: медведь ломился в дом, где прятался человек, и его застрелил полицейский.

Все три Глеб вносит ровно, без сокращений, каждую в свою строку.

Потом Глеб прокручивает таблицу вверх и считает строки по месяцам. Март - одна. Апрель - одна. Май - одна. Июнь - четыре. Июль - две. Август - семь. Сентябрь третий день, а строк уже четыре за одни сутки.

Кривая загибается вверх, как склон перед гольцом.

Коробка с булавками стоит на подоконнике, жестяная, из-под леденцов. Глеб выбирает две красные и подходит к карте.

Енисейск он находит сразу. Потёсово слишком мало для школьной карты, приходится прикидывать на глаз, по излучине, чуть выше по реке.

Первая булавка входит легко. Вторая упирается в толстую бумагу и гнётся. Толстыми пальцами Глеб выпрямляет её ногтем, долго, тщательно, и втыкает рядом с первой, вплотную, головкой к головке.

Синяя булавка уходит на Байкал. Ещё одна - в Вологодскую область, синяя, хотя человек на дереве цел: Глеб колеблется и вынимает её обратно. Цел - значит, без булавки.

В доме тихо. Ходики. Река.

На карте у Енисейска стоят две красные булавки, головками друг к другу.

В половине шестого у калитки тормозит УАЗ. Зелёный, с эмблемой лесной охраны на двери, в пыли по самые окна.

Из кабины выбирается рыжий парень лет тридцати, в зелёной куртке, с кепкой в руке.

- Берестов здесь живёт?

- Здесь.

- Тебе. - Парень протягивает конверт. - От Фокича.

Конверт Глеб берёт двумя пальцами, за угол, как берут хрупкое.

- Он жив?

- Живее нас с тобой. Велел на почту бросить, а я почте не доверяю. Мне всё равно в Красноярск, крюк небольшой.

- Спасибо… - Глеб поднимает глаза. - Как вас зовут?

- Коля.

- Спасибо, Коля.

Адрес на конверте выведен печатными буквами, ровными, будто по линейке: так пишут люди, которые привыкли, что их почерк станут разбирать в поле, на ветру, при плохом свете.

- К нему медведь приходил, - говорит Коля. - Чужой. Здоровый, тёмный, с проседью. Полдня сидел у изгороди. У нас у кордона второй день тоже такой бродил, может, тот же. Прилетаем мы к Фокичу - а он нам чай. Говорит: вежливый. А у нас нынче медведи собак не боятся. Лайки лают, а он идёт себе мимо, как мимо радио.

- Медведь полдня у изгороди - это вне всякого доверительного интервала.

- Чего?

- Так не бывает, говорю.

- Вот и я говорю. - Коля мнёт кепку. - Ты бы его уговорил выехать, а? Девятый десяток разменял, один в тайге. Тебя он, говорят, слушает.

- Меня он двадцать лет слушает и делает наоборот. Это у нас константа.

- Чего?

- Не уговорю, говорю.

Коля смеётся, надевает кепку козырьком вперёд и лезет в кабину. УАЗ разворачивается, буксуя в сухой пыли, и уходит к трассе.

Пыль оседает на дорогу. Глеб стоит у калитки и взвешивает конверт на ладони, будто прикидывает, сколько в нём граммов.

Чай Глеб пьёт с «Мишкой на Севере». Конфеты в доме одни и те же лет десять: раз в месяц в городе он покупает килограмм, и ему хватает.

Он разворачивает фантик, отламывает половину конфеты, а бумажку разглаживает ногтем на столешнице. На фантике белые медведи на голубых льдинах.

Конверт он вскрывает ножом, по краю.

Лист миллиметровки, сложенный вчетверо. Почерк Фокича, мелкий, ровный, наклонённый вперёд, будто строки идут против ветра.

Про иней Глеб читает с улыбкой: на две недели раньше нормы, значит, снег ляжет рано. Про гостя читает дважды. «Вежливый, как налоговый инспектор» - смеётся вслух, один в пустой комнате, и сам вздрагивает от этого смеха.

Потом доходит до строки, которая стоит отдельно.

«К нам пришли выбирать».

Её Глеб перечитывает. Ещё раз. Кладёт письмо на стол и смотрит на строку сверху, как смотрят на задачу, у которой условие ясное, а вопрос задан на чужом языке.

Кто - «мы». Кто - «выбирать». И зачем Фокич, человек без мистики, геодезист, сорок лет пишущий в журнал температуру и влажность, пишет фразу, похожую на начало сказки.

Дальше шутка про медвежью услугу, и Глеб улыбается снова, но уже иначе, краем рта.

В шесть лет Глеб с отцом ночевал на катере у бакена под Казачинским. Керосиновая лампа качалась под потолком каюты, за бортом шумела вода, и отец читал вслух Крылова, потому что книг на катере держали две: лоцию и Крылова.

Глеб слушал про стрекозу и муравья, про ворону и лисицу, про квартет. А потом отец читал про пустынника, который подружился с медведем, и про муху, севшую спящему на лоб, и про камень, которым медведь эту муху прихлопнул.

Мальчик в каюте окаменел. Лампа качалась. Вода шумела.

- Пап… а пустынник?

- Всё, сын. - Отец закрыл книгу. - Это про дружбу. Про то, что сила без ума хуже врага.

Тот самый томик стоит на той же полке, что и тетради, в зелёном картонном переплёте с оторванным углом. Глеб снимает его и находит басню. На полях отцовская карандашная галочка, жирная, с нажимом.

Мораль у Крылова стоит в самом начале, словно он торопился предупредить: «Услужливый дурак опаснее врага».

Глеб переводит глаза со строки на галочку, с галочки на письмо Фокича. Встаёт и натягивает свитер, хотя печь натоплена жарко.

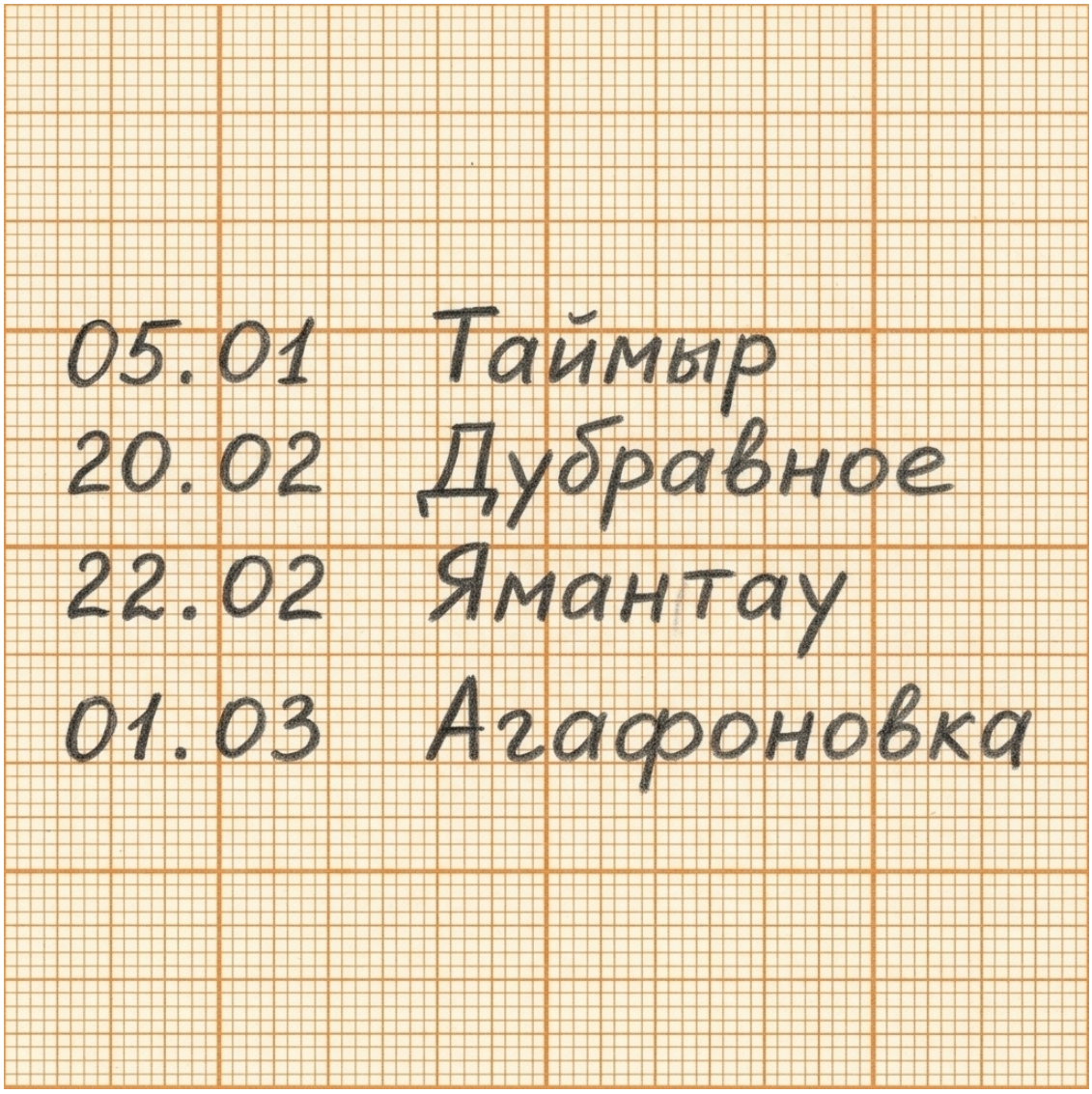
Письмо лежит на столе под лампой, строкой «К нам пришли выбирать» вверх.

В девять вечера Глеб открывает таблицу.

Первая строка - первое марта, Агафоновка, глаз. Ниже, через пустую строку, приписка «Не вошли (до 1 марта)»: три зимних случая, вынесенные отдельно, потому что таблица началась позже них. Таймыр, пятое января: белый медведь на льду. Приморье, двадцатое февраля: откушенный палец. Ямантау, двадцать второе февраля: шатун.

Из ящика стола он достаёт лист миллиметровки. Пачка куплена давно, для графиков, и почти целая: к миллиметровке Глеба приучил Фокич.

Даты ложатся столбиком, цифрами, как в журнале.

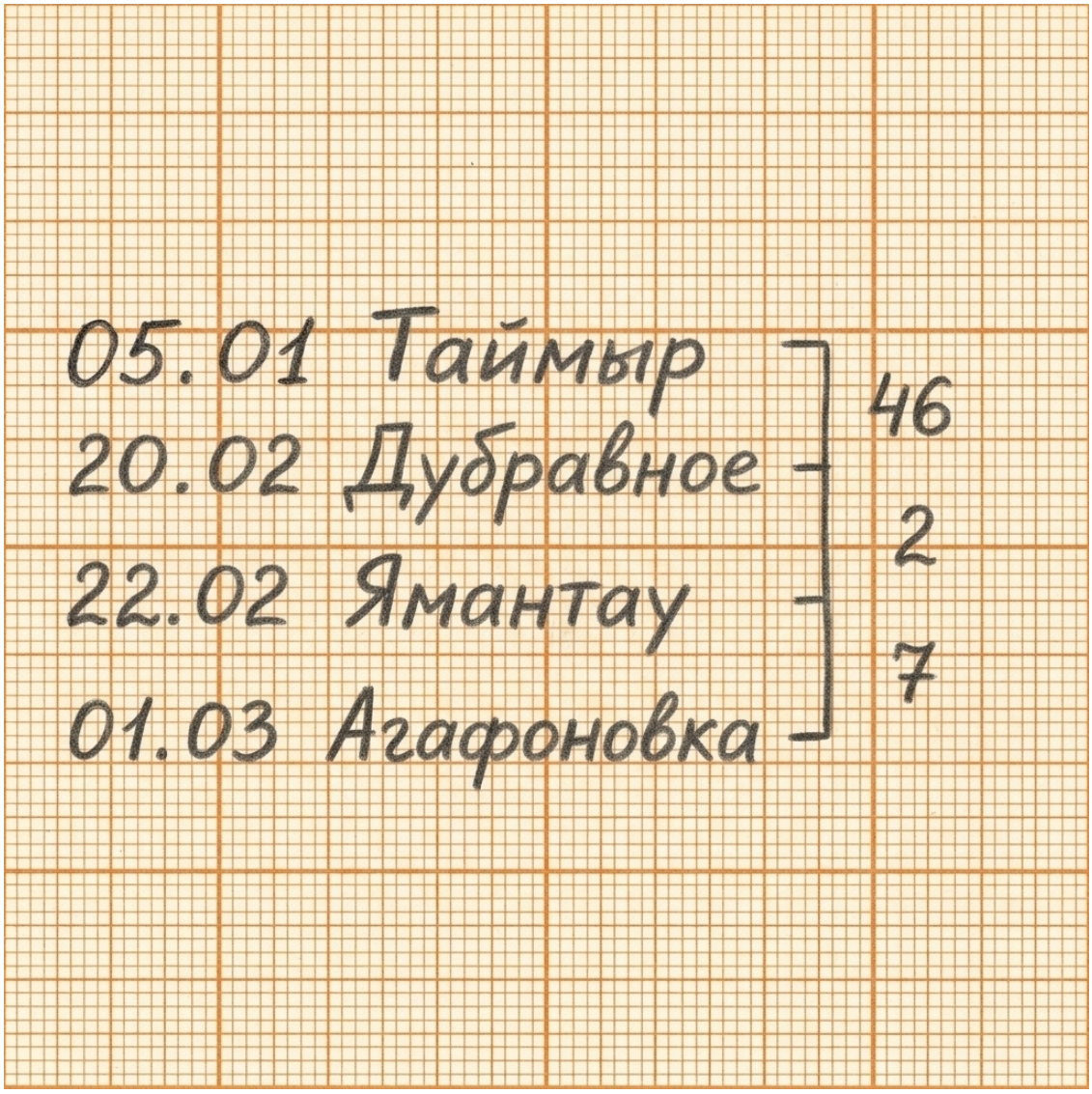


От пятого января до двадцатого февраля: в январе тридцать один день, от пятого до конца месяца - двадцать шесть, плюс двадцать в феврале. Сорок шесть.

От двадцатого до двадцать второго - два.

От двадцать второго февраля до первого марта: год невисокосный, в феврале двадцать восемь, значит, семь.

Карандаш проводит скобки и ставит числа справа.



Проверка по календарю. Проверка по таблице. Проверка на пальцах, как в детстве, загибая и разгибая. Сходится.

Сорок шесть. Два. Семь.

Два - пара. Семь - неделя, или нота, или чудо света, семёрок в мире много, к медведям отношения ноль. А сорок шесть Глеб уже видел. Давно, в другой таблице, в чужой.

Он встаёт и идёт к окну. Внизу ночь, река, огонёк бакена мигает зелёным: раз, пауза, раз. Глеб возвращается. Садится. Снова встаёт.

Карандашом обводит сорок шесть кружком. Рядом ставит знак вопроса.

Лист ложится на стол рядом с письмом Фокича: миллиметровка к миллиметровке, клетка к клетке.

Почти двенадцать. Глеб гасит лампу, и свет бакена с реки ложится на стол, на лист, на кружок.

Знак вопроса возле сорока шести Глеб обводит второй раз.

Глава 7. Писец

80 год н. э. Рим

Я, Гай Октавий Секунд, вольноотпущенник и писец при зверинце, записываю, как мне велено, всех, кто вышел сегодня на песок. Пишу стилем по воску, а к полудню воск плывёт от жары, и цифры приходится процарапывать заново. Над трибунами хлопает полотнище тента, моряки Мизенского флота тянут канаты, на нижние ряды брызгают водой с шафраном, и к вечеру запах шафрана так смешивается с запахом крови, что их уже не различить.

Сегодня первый день. Амфитеатр ещё пахнет известью, мокрым травертином и свежим деревом скамей, которые плотники сколачивали до последней ночи. Строили его без малого десять лет, на месте пруда при Золотом доме Нерона: начал отец нынешнего императора, закончил сын. Рим ждал этого дня, как больной ждёт лекаря. В прошлом году гора у Неаполитанского залива засыпала пеплом целые города, весной в самом Риме три дня и три ночи горело всё, от Капитолия до Марсова поля, и народу нужна радость. Сегодня ему отмеряют её полной мерой.

С рассвета на трибунах пятьдесят тысяч человек, и ещё столько же стоят снаружи и слушают. Когда император входит в ложу, рёв поднимается такой, что у меня на табличке дрожит стиль.

Император невысок, плотен, с круглым лицом, которое народ любит больше, чем любил суровое лицо его отца. Он машет трибунам, как машут соседям через улицу.

Потом с галерей в толпу летят деревянные шарики. На каждом надпись: одежда, серебряная чаша, раб, ужин, конь. Кто поймал, тот получит. Один шарик падает к моим ногам, и я поднимаю его. «Конь». Держать коня мне негде, и я отдаю шарик мальчишке-водоносу, а тот смотрит на меня, как на безумного.

А потом начинают выпускать зверей.

Они идут через ворота подо мной, волной, стадом, сворой. Олени. Кабаны. Быки. Медведи. Журавли, которые бьются между собой прямо в воздухе, и перья летят на песок, как снег, которого в Риме никто не видел годами. Четыре слона, серых, как скалы, и песок под ними гудит. Опись говорит: пять тысяч голов за один день.

За двадцать лет службы я ни разу не написал на табличке неточного числа. К полудню я понимаю, что не успеваю. Воск течёт, стиль скользит, звери идут быстрее, чем я считаю.

На табличке я пишу: «сколько успел». И подчёркиваю дважды.

В полдень зверей уводят, и начинается время казней. Людей мне считать не велено. Я сижу в тени под трибуной, ем хлеб с оливками и смотрю на свои пальцы, чёрные от воска. Сверху ревут, и этот рёв я не записываю.

На двенадцатую ночь мы со смотрителем идём в зверинец у Пренестинских ворот.

Смотритель - старый нумидиец Мисаген, чёрный, сухой, с белой бородой и серебряной серьгой в ухе. Он возит зверей из Нумидии тридцать лет и говорит по-латыни так, будто каждое слово взвешивает на ладони. Факел у него в руке чадит, и по стенам бегут наши тени, огромные, как у зверей.

Вечером из Остии пригнали партию. Медведи с гор Атласа: невысокие, рыжие снизу, тёмные по хребту, с короткой мордой. В клетках они лежат тихо, будто ещё качаются на корабле.

Ловили их в горах ямами и сетями, везли на мулах до Цезареи Мавретанской, оттуда морем до Остии, а из Остии на баржах вверх по Тибру. Половина пути - вода, говорит Мисаген, а медведь воду не любит.

- Опись говорит: сорок две головы, - говорю я.

- Опись говорит, сколько заплачено. - Мисаген поднимает факел. - Медведи говорят, сколько доехало.

Я считаю. Тридцать девять. Трёх, говорит Мисаген, выбросили за борт ещё под Остией.

- Сто медведей выставили в цирке больше ста лет назад, - говорит Мисаген, гладя прутья клетки, как гладят бок лошади. - Эдил выставил, а с ними сто охотников-эфиопов. Дед мой говорил: после того года в горах Атласа стало тише. А потом возили и возили. Каждый год меньше.

В дальней клетке, у стены, сидит медведица. Сидит на заду, как собака, передние лапы прямо, и смотрит вверх, туда, где в крыше над клеткой выломана доска.

- Она и дома ночами смотрела вверх, - говорит Мисаген. - Я её у самой берлоги взял, высоко в горах. Сидела на скале и смотрела в небо. Мы ещё смеялись: звездочёт.

Факел трещит и гаснет. В темноте слышно, как дышат звери. Медведица в дальней клетке сидит неподвижно, и в проломе над ней стоят звёзды.

Двенадцатый день игр. С утра выпустили медведей из Нумидии, тех самых, из зверинца. Распорядитель велел писать сорок две, потому что так заплачено. Я написал двумя столбцами, по описи и по своему счёту, и пусть в канцелярии решают, какой из них правда.

На песок вышел лучший венатор Рима. О нём уже пишет стихи поэт с испанским выговором, и на трибунах выкрикивают его имя. Короткий хитон, голые руки, копьё для медведей - с перекладиной под наконечником, чтобы зверь, насаженный на железо, не дошёл по древку до руки.

Медведей выпускали по одному. Первый бросился сразу. Второй тоже. Толпа считала вслух, и я считал вместе с толпой, и стиль мой шёл по воску в такт её рёву: семь, восемь, девять.

Одна медведица не побежала. Она встала посреди арены, в самом пекле, и долго смотрела вверх, туда, где сквозь щель в полотнище виднелось небо. Толпа ревела, как прибой у Мизена, а медведица стояла так, будто вокруг была тишина. Я записал её отдельной строкой и не знал, что поставить в графу «причина».

Венатор подошёл к ней через весь песок. Головы она так и не опустила.

Графа «причина» у меня осталась пустой.

Ночью в моей комнате, на четвёртом этаже инсулы на Субуре, горит масляная лампа. Я переношу записи с воска на папирус. Чернила я растираю сам, из сажи и камеди, и они пахнут дымом. Внизу ревёт Субура: пьяные, повозки, собаки, торговец гарумом, который закрывает лавку, и от его бочек тянет тухлой рыбой.

Стучат. На пороге вольноотпущенник распорядителя игр: хорошая тога, перстень, запах розового масла.

- Мне сказали, ты пишешь двумя столбцами, Секунд.

- Пишу.

- Пиши одним. Как заплачено.

- Доехало меньше.

- Народу всё равно, сколько медведей, - говорит он. - Народу нужна радость.

- Народу - радость. Мне платят за медведей.

- Тебе платят, чтобы сходилось.

Я растираю чернила, глядя в плошку.

- Сходится то, что было, - говорю я. - Я пишу тех, кто был.

Он смотрит на меня долго и улыбается одними губами.

- За такие колонки, Секунд, отправляют в каменоломни Луны. Там считать нечего. Там только мрамор.

Он уходит. Я обмакиваю калам и переписываю оба столбца набело, рядом, ровно, как колонны в портике. Потом дую на чернила, пока они сохнут, и руки у меня дрожат только теперь, когда некому это видеть.

Сотый день.

Опись за сто дней говорит: девять тысяч зверей. По моему счёту выходит меньше, и насколько меньше, я пишу во втором столбце, мелко, своим почерком. Разница каждый день своя и ни разу не сходится.

Медведи из Нумидии вышли на песок все до одного, сколько доехало. Обратно в ворота не ушёл ни один.

Я думаю о том, что через сто лет, через двести кто-нибудь возьмёт мою первую колонку, а кто-нибудь вторую, и спорить им будет не о чем, кроме моего почерка. Пусть спорят. Я записал тех, кто был.

К вечеру трубы смолкают. Песок грязный, гирлянды на ограде арены завяли, тент обвис. После ста дней рёва тишина звенит в ушах, как вода.

Император встаёт в ложе. Я сижу на нижнем ряду, у самых звериных ворот, и вижу его лицо.

Он плачет.

Плачет при всех, открыто, горько, как ребёнок, и пятьдесят тысяч человек смотрят на него и молчат. Никто не знает почему. Он молод, он здоров, он только что подарил Риму сто дней радости.

На табличке я пишу одну строку: «Император плакал».

Графа «причина» стоит пустая.

Ночью я поднимаюсь на самый верх, на последний ярус, куда пускают женщин и рабов. Здесь пахнет остывшим камнем. Внизу белеет разровненный граблями песок, тент свёрнут, и над ареной открыт чёрный овал неба. На пустых трибунах шуршат крысы, за стенами лают собаки.

На севере, над Эсквилином, стоят семь звёзд. Мы зовём их Семью быками: они ходят по кругу, как быки на току, вокруг невидимого кола, и от них наше слово для севера. При быках пастух, Волопас, а в нём яркая звезда, которую греки называют Стражем Медведицы. Потому что сами эти семь звёзд греки зовут Медведицей.

Я сажусь на холодную мраморную ступеньку и смотрю вверх, как смотрела медведица из Нумидии.

Над пустой ареной стоят Семь быков. А греки говорят: Медведица.

Глава 8. Остров посреди реки

6–10 сентября 2026 года. Красноярск

 # 6 сентября. Прииск Южный, Красноярский край. Медведь убил вахтовика, 40 лет, шедшего через лес в магазин. Погиб один.

Понедельник начинается с кофе из автомата, который пахнет жжёной пробкой. Редакция занимает половину этажа в стеклянной башне у реки: тридцать столов, жалюзи, гул кондиционера, на стене телевизор с выключенным звуком, где беззвучно спорят люди в студии.

Ася Вешнякова садится за свой стол у окна. Отсюда видно Енисей, мост и часовню на Караульной горе, белую, маленькую, как кусок сахара. Три вкладки: лента, почта, таблица.

Таблица у Аси простая, без формул. Дата, место, кто, что случилось. С января, задним числом, двадцать семь строк. Погибших в ней десять, из них два со знаком вопроса: в одном случае человек умер дома после встречи со зверем, в другом тело нашли в лесной избе, и медведь ли это, спорят до сих пор.

В блокноте в клетку - то же самое, только с именами. Имена Ася выписывает из районных газет, из сообщений сельсоветов, из комментариев под новостями, где пишут родственники. В блокноте их восемь. Ещё два - со знаком вопроса.

В субботу на прииске Южном медведь убил вахтовика: сорок лет, шёл через лес в поселковый магазин. Ася пишет заметку, три абзаца, сухо, как положено. Строку вносит в таблицу. Имя - в блокнот, мелко, печатными буквами.

Грызёт ноготь на большом пальце и щёлкает ручкой: щёлк, щёлк, щёлк.

- Вешнякова, - говорит из стеклянной будки главред. - Зайди.

Валерию под шестьдесят: очки на лбу, рубашка навыпуск, лицо человека, который двадцать лет пересказывает чужую беду в трёх абзацах и устал от неё больше, чем от своей. Он разворачивает к Асе монитор.

- Смотри. Одно агентство пишет: пять погибших за год. Следователи - семь. Энциклопедия у них там какая-то - шесть. А у тебя в утреннем дайджесте - десять.

- Десять, - соглашается Ася.

- Читатель кому верит?

- Тому, кто их по именам знает.

- Имена мы не публикуем.

- Я и не публикую. Я считаю.

- Считай про себя. - Валерий снимает очки со лба и трёт переносицу. - В тексте пиши, как у следователей.

- А если у следователей мимо?

- Тогда пиши: «по данным следователей». И спи спокойно.

- Я сплю спокойно, - говорит Ася. - Это у них счёт плохо спит.

Валерий смотрит на неё поверх очков, давно сдвинутых на лоб, и вздыхает. За его спиной в окне медленно идёт по Енисею баржа.

- Иди, Вешнякова. Работай.

Из кабинета Ася выходит и захлопывает блокнот, как дверь.

Курилка у них на крыше, за вентиляционными коробами, где ветер и голуби. Ася стоит у парапета, курит и смотрит на город. Внизу ползут по мосту машины, за рекой встают сопки правого берега, синие, с первой рыжиной на берёзах. Пахнет табаком и тёплым битумом.

Димка-фотограф поднимается следом, щёлкает зажигалкой.

- Опять Валера?

- Опять.

- Медведи?

- Медведи.

- Ну, - Димка выпускает дым, - хоть не выборы.

Он докуривает быстро и уходит, а Ася остаётся.

В августе она дежурила в ночь. Без пятнадцати два пришла молния из Республики Алтай: палаточный лагерь у горной реки. Ася писала текст до четырёх утра. Сам текст она уже почти забыла. Помнит другое: утреннюю фотографию, которую прислали из района к шести. Пустая палатка на галечном берегу, вода, туман, сосны. На фотографии только это, и этого хватает.

С той ночи Ася считает.

Каждый случай, каждый регион, с января, задним числом, по крупицам. Зачем - объяснить себе Ася пока затрудняется. Может, затем, чтобы пустой палатке нашлось место в таблице, среди других строк, где ей теплее, чем на холодном берегу.

Пальцы сами находят в телефоне галерею. Август. Папка «Алтай». Палец замирает над ней.

Ася закрывает телефон и прижимает его экраном к груди.

Во вторник в восемнадцать сорок городской чат взрывается: медведь в парке на острове.

Остров стоит посреди Енисея, напротив набережной, - длинный, зелёный, с беговыми дорожками, велосипедными тропами и ивняком по берегам. Летом там загорают, осенью бегают, зимой катаются на лыжах. Сейчас на острове медведь.

Ася хватает куртку и бежит. До набережной от редакции восемь минут быстрым шагом. Она добегает за пять.

На набережной уже толпа. Люди стоят вдоль парапета плотно, как на салюте, с телефонами над головами. Над островом висят полицейские дроны, три, четыре, гудят, как осы над вареньем, и мигают красными огоньками. По мосту с острова тянутся бегуны в лосинах, мамы с колясками, велосипедисты, их выводят полицейские в жёлтых жилетах.

- Вон он! - кричит мальчишка рядом. - Вон, у воды!

В ивняке на дальнем конце острова шевелится тёмное. Пропадает. Снова появляется. Солнце садится за правый берег, и последний свет ложится прямо на него: спина бурая, тяжёлая, медленная, как у старой лодки, вытащенной на берег.

Ася включает прямой эфир.

- Остров посреди Енисея, восемнадцать сорок пять, - говорит она быстро. - Медведь в парке. Парк закрыт, людей выводят. Над островом полицейские дроны. Медведь ведёт себя спокойно. Повторяю: спокойно.

- Его усыпят или застрелят? - спрашивает за её спиной женщина.

- Он же сам переплыл, значит, обратно переплывёт, - отвечает мужчина.

- А если на набережную?

- Тогда на набережную.

Комментарии в эфире бегут быстрее, чем Ася успевает их читать: сердечки, медвежьи морды, «где это», «бедный мишка», «стрелять надо». Дрон снижается над ивняком, и медведь поднимает голову, смотрит на него долго и спокойно, как смотрят на назойливую муху.

Рядом с Асей, справа, стоит большой неподвижный человек. Она замечает его только сейчас: вся толпа вокруг шевелится, вытягивает руки, толкается, а он стоит, как столб, и смотрит на остров.

- Двадцать четыре, - говорит он вполголоса.

Ася опускает телефон.

Человек рядом огромный, грузный, с бородой, в которой ранняя седина. На плече у него холщовая сумка, из сумки торчат пачки бумаги и горло стеклянной банки с тёмным мёдом. За ухом огрызок карандаша.

- Двадцать четыре - это что? - спрашивает Ася.

Человек поворачивает голову медленно, будто нехотя.

- Строки. С первого марта.

- Какие строки?

- Нападения. Случаи, где медведь вплотную к человеку. - Он кивает на остров. - Этот пока вне выборки. Пока никого.

- Вы считаете?

- Я всё считаю. Это у меня с детства, хроническое.

- У меня двадцать семь, - говорит Ася. - Я с января.

- Тогда сходится. Три зимних я вынес отдельно, до первого марта у меня таблицы ещё не было.

Сходится. От этого слова у Аси теплеет в груди, как от горячего чая на морозе. Три недели она сводит свою таблицу одна, ночами, на кухне, и три недели все вокруг твердят ей одно: расходится.

- Значит, мы в одной выборке, - говорит он.

- В чём?

- Считаем одно и то же. Только вы, видимо, с именами.

Ася молчит. Откуда он знает про имена.

- В сентябре, - говорит он, глядя на воду, - у меня строк в сутки больше, чем в июне за неделю. Третьего числа - четыре за один день. Это уже вне всякого среднего.

На острове медведь выходит из ивняка, спускается к воде и заходит в Енисей. Плывёт. Голова над чёрной водой, тяжёлая, круглая, и течение сносит её вниз, к северу. Дроны висят над ним, как осы над пчелой. Толпа ахает разом.

- Уходит, - говорит мужчина в кепке. - Вниз пошёл.

- На Сосновоборск, - говорит человек рядом, будто сверяет по карте.

Ася достаёт из кармана куртки визитку, мятую, с загнутым углом.

- Вот. Если насчитаете то, чего нет в сводках, напишите.

Визитку он берёт двумя пальцами, за угол, как берут хрупкое, и читает, шевеля губами.

- Вешнякова, - читает он. - Анастасия.

- Ася.

Он кивает, убирает визитку во внутренний карман и уходит вдоль набережной. Сумка с банкой мёда покачивается у его колена. Голова медведя всё меньше и меньше на тёмной воде.

Ася смотрит ему в спину и понимает, что забыла спросить его имя.

В среду в семь тридцать утра Ася уже на правом берегу.

Частный сектор под горой: деревянные дома, заборы из профнастила, огороды с картофельной ботвой, ранетки, усыпанные мелкими красными яблочками, и за каждой калиткой собака. Собаки лают все разом, на одной ноте, с самого рассвета. Пахнет мокрой травой, печным дымом и порохом.

У одного двора толпа. Соседи в куртках поверх халатов, дети с телефонами, полицейская машина с мигалкой без звука, белая «Нива» охотнадзора, забрызганная до крыши.

Во дворе, у курятника, лежит брезент, мокрый от росы по краю. Из-под брезента торчит лапа: подошвой вверх, широкая, тёмная, с пятью пальцами, как ладонь человека в кожаной перчатке.

Ася поднимает телефон, наводит камеру и опускает его обратно.

Хозяйка двора, женщина за шестьдесят, в фартуке поверх куртки, мнёт фартук обеими руками и повторяет одно и то же каждому, кто подходит.

- Он к курам пришёл. Я в окно глянула, а он на меня смотрит. Стоит у курятника и смотрит, как сосед через забор. Я мужу кричу: Вася, медведь! Вася за телефон, а он стоит. Стоит и смотрит.

Охотинспектор, молодой, небритый, в камуфляже, курит у забора и стряхивает пепел в лопухи. Ася подходит, показывает удостоверение.

- Это тот, с острова?

- Тот ночью ушёл. - Инспектор выпускает дым. - Вплавь, вниз по Енисею. Дроны вели его до Сосновоборска, там потеряли. На север пошёл, как по делу.

- А этот?

- Этот местный. С горы спустился. Ранетки ел, потом к курам.

- Сколько их сейчас у города?

- Кто ж их считал, - говорит инспектор и бросает окурок в лопухи.

Ася записывает в блокнот: «Кто ж их считал». Подчёркивает.

У брезента стоит девочка лет восьми, в розовой куртке, и плачет. Мать тянет её за руку к калитке, девочка упирается обеими ногами.

- Он же ничего не сделал! Он только курицу!

- Пошли, кому сказала.

- Он только курицу!

Сосед в тельняшке смеётся. Хозяйка мнёт фартук. Собаки лают. Над курятником кружит ворона, садится на конёк крыши и смотрит вниз, на брезент.

Ася пишет три абзаца прямо в машине, на коленях. Абзацы выходят сухими, без девочки и без лапы, похожей на ладонь. Девочку и лапу Ася уносит с собой.

К полудню она доезжает до входа в «Столбы».

Заповедник начинается сразу за городом: сосны, скалы-столбы над лесом, туристы с термосами и палками для скандинавской ходьбы. Сегодня туристов мало. На воротах у кассы приколота распечатка, одна кнопка в верхнем углу: «В связи с активностью медведей вход на территорию заповедника в ночное время закрыт».

Охранник в будке пьёт чай из термоса.

- Ночью закрыто, - говорит он. - Днём - пожалуйста. Только лучше бы и днём дома сидели.

Ася фотографирует распечатку.

Ветер дёргает лист, и распечатка трепещет на воротах, прижатая одной кнопкой.

Вечером Ася звонит бабушке.

Бабушка живёт в деревне под Енисейском, в старом доме с палисадником, где растёт черёмуха выше крыши. Связь там плохая: голос приходит кусками, как из-под воды, и между кусками трещит.

- Асенька! - У бабушки на фоне бормочет радио и квохчет курица. - А я как раз думаю: позвонит или нет.

- Баб, как вы там?

- Как, как. Живём. - В трубке трещит. - Медведи по огородам ходят, вот как. У Клавдии пёс пропал, с цепи сорвался - и с концами. По ночам вёдрами гремят. Я в сенях топор держу.

Ася ходит по кухне, прижав телефон плечом, и обрывает сухой лист у фикуса. Потом второй. Потом третий.

- Баб, переезжай ко мне до весны.

- А картошку кто выкопает? Медведь?

- Я серьёзно.

- И я серьёзно. Я тут восемьдесят лет живу, и медведь тут жил. Договоримся.

- С кем договоримся?

- С ним. Раньше договаривались.

Трещит связь. Бормочет радио. Курица квохчет и затихает.

- Я их обеих знала, Асенька, - говорит бабушка тише. - Потёсовских. На одной свадьбе плясали, в семьдесят девятом. Одна пела хорошо, высоко так, все замолкали. Другая всё смеялась. Над чем ни скажешь - смеётся.

Ася садится на пол кухни, спиной к холодильнику. Холодильник гудит у неё в позвоночнике. Рукав куртки темнеет от мокрого.

- Ты там поплачь, если надо, - говорит бабушка. - А я пойду кур запирать. Темнеет.

- Баб…

- Звони, Асенька.

Бабушка кладёт трубку первой. Ася ещё долго держит телефон у уха и слушает, как гудит холодильник.

В четверг с утра Ася собирает недельную сводку.

По краю. Медведь у школы в районном центре: дети на перемене, вахтёр с ведром, медведь ушёл через стадион. Медведь у заправки на трассе: ночью, камера сняла, как он обходит колонки. Медведь у кладбища под Енисейском: спал между оградками. Медведь у ограждения воинской части в Енисейском округе: часовой доложил, дежурный вызвал охотнадзор.

Над строкой «воинская часть» курсор задерживается. Ася перечитывает её, пожимает плечами и оставляет.

По стране. Медведь бродил по служебным коридорам пятизвёздочного отеля на Красной Поляне. В Бурятии мужчина умер в больнице после нападения из зарослей черёмухи. На Байкале нашли тело туриста-одиночки. Под Братском ранен охотник из бригады отстрела.

На планёрке в переговорной гудит проектор, на слайде моргает таблица, в углу хрустят сушками. Валерий сидит во главе стола, очки на лбу.

- Вешнякова, у тебя что?

- Текст. «Счёт, который не сходится». Все источники, все цифры, рядом. С января. Пусть читатель сам видит, где дыры.

- Это не новость, Вешнякова. Это таблица.

- Таблица и есть новость. Только её никто не сводит.

Спортивник Женя, в толстовке с эмблемой хоккейного клуба, откидывается на стуле.

- Медведь в пятизвёздочном отеле - вот новость. Номер от тридцати семи тысяч, а он бесплатно.

За столом смеются. Ася смотрит на Женю, и смех гаснет сам.

- Медведя в отель берём, - говорит Валерий. - Таблицу - нет. Следующий.

После планёрки Ася сохраняет черновик «Счёт, который не сходится» в папку «Не взяли».

Домой она приходит уже за полночь. Однокомнатная квартира на девятом этаже панельного дома на левом берегу: диван, стол, полка с книгами, фикус без трёх листьев, балкон с видом на реку.

На балконе холодно. Ася закуривает и смотрит вниз. Енисей идёт чёрный, широкий, в огнях мостов. Остров посреди реки тёмный, без единого фонаря: парк закрыт.

В городском чате пишут, что медведя с острова видели под утро у Сосновоборска, на берегу: вышел из воды, отряхнулся, как собака, и ушёл в лес. Ася смотрит на сообщение, пока экран гаснет сам.

За стол она садится уже без сигареты и открывает блокнот.

Неделя: прииск Южный. Бурятия. Байкал. Три строки, три имени. Ася вписывает их мелко, печатными буквами, медленно, как вписывают в тетрадь по чистописанию. Потом перечитывает последние десять строк. Потом ещё раз.

«Двадцать четыре». «Сходится». «Мы в одной выборке». «Вы, видимо, с именами».

Почта открыта в соседней вкладке. Входящие: рассылки, пресс-релизы, письмо из бухгалтерии. От бородатого человека с мёдом - пусто.

Ася грызёт колпачок ручки. Потом на полях блокнота, у края страницы, пишет три слова.

«Борода. Мёд. Считает».

Глава 9. Седьмой

9 сентября 2026 года. Сосновоборский округ

 # 9 сентября. Сосновоборский округ, Красноярский край. Погиб пастух. В СМИ информации нет. Погиб один.

В шесть десять пастух выгоняет стадо.

Деревня просыпается под мычание. Калитки скрипят одна за другой, хозяйки в галошах выводят коров на дорогу, и стадо собирается само, как вода в ручей: три десятка голов, бурые, пёстрые, рыжие, с колокольчиками на шеях.

Пастуху за шестьдесят. Кирзовые сапоги, брезентовый плащ, кнут через плечо, в кармане краюха хлеба. Пасёт он тридцать лет, с тех пор как развалился совхоз, и знает каждую корову по имени, по голосу, по походке.

Рядом бежит лайка Дымка, серая, с белыми бровями, и то и дело заглядывает хозяину в лицо.

Выпас тянется вдоль бетонного забора. Забор длинный, серый, с колючей проволокой поверху, и уходит до самого горизонта, где за ним начинается закрытый город. Что там, за бетоном, в деревне знают по слухам. Пастуху хватает травы по эту сторону.

Утро сырое. Роса садится на сапоги, туман лежит в низинах, как молоко в блюдце. Коровы идут вдоль забора и жуют, колокольчики звенят вразнобой. Над бурьяном тянет полынью и дымом из деревенских труб.

К девяти коровы начинают жаться к деревне. Пасутся вполглаза, то и дело поднимают головы и смотрят в березняк, и колокольчики звенят чаще обычного, нервно, как будильники. Дымка стоит у кромки берёз и тихо рычит в чащу.

- Лиса там, - говорит пастух. - Лиса, Дымка. Пускай гуляет.

Дымка садится, мордой к березняку.

- Зорька, куда? Ну куда ты, дура рогатая? - ворчит пастух вполголоса, и Зорька возвращается.

К полудню солнце выжигает туман. Пастух садится на пенёк у своей избушки на опушке - сруб в одно окно, дверь на щеколде - и делит краюху пополам, себе и Дымке.

В половине второго он пересчитывает стадо. Пересчёт выходит на одну голову короче: тёлка Майка ушла.

Следы уводят в березняк, к забору.

- Дымка, со мной. - Пастух поднимается и сматывает кнут. - Пошли, дурёху вернём.

Спина в брезентовом плаще уходит в березняк, и лайка ныряет следом.

В половине восьмого вечера стадо приходит в деревню само.

Пыль висит над дорогой золотая, низкое солнце бьёт коровам в спины. Идут они, как ходят каждый вечер, по привычке, мимо магазина, мимо колонки, и расходятся по дворам, каждая к своей калитке. Мычат: доить пора.

Позади стада только пыль.

Хозяйки выходят к калиткам и смотрят на дорогу, где эта пыль медленно оседает.

Старуха с крайнего двора, у которой пастух берёт молоко, выходит с пустым бидоном и долго стоит у колонки, глядя туда, откуда пришло стадо.

- Пастух-то где?

- Зорька пришла, а пастуха нет.

- И собаки нет.

- К березняку идите! Вдоль забора, он всегда там пасёт!

Мужики берут фонари. Идут вдоль забора цепочкой, светят в бурьян, кричат. Голоса уходят в сумерки и возвращаются эхом от бетона.

Из темноты, со стороны березняка, доносится лай.

Лай.

Хриплый, сорванный, на одной ноте, будто собака лает уже давно, с самого дня.

Мужик с крайнего двора крестится.

Фонари уходят в березняк цепочкой и гаснут один за другим за белыми стволами.

В двадцать два сорок в дверь дома на высоком берегу Енисея стучат.

На крыльце стоит Гена, в телогрейке, с фонарём в руке. Сапоги мокрые по колено: от своей избы у воды он шёл берегом, по росе и по мелководью.

Глеб открывает дверь и заслоняет собой свет. Вокруг фонаря вьётся мошкара.

- Свояченица звонила, - говорит Гена. - Из-под Сосновоборска. Пастуха у них задрал. Медведь.

- Когда?

- Днём. В березняке, у самого забора. Нашли уж затемно. Собака рядом сидела, выла, никого к нему не подпускала. Мужики её еле оттащили.

Гена мнёт кепку в руках.

- Тридцать лет стадо пас. Я его знал маленько. Молчун.

- Это будет в новостях?

Гена пожимает плечами.

- Кому он нужен, пастух. Скажут: несчастный случай. И всё.

- Собака его так у забора и сидит, - добавляет Гена. - Домой гнали - вернулась. Сидит и смотрит на бетон.

Глеб держится рукой за косяк. Пальцы белеют на старом дереве.

- Спасибо, Гена.

- Чего спасибо-то. Ты ж у нас считаешь - вот и посчитай его. - Гена надевает кепку. - Двери на ночь запирай. Он, говорят, к реке пошёл.

Фонарь Гены уходит вниз по тропе, к реке, и гаснет у воды.

Ноутбук на столе светится в темноте.

Глеб вбивает в поиск: «пастух медведь Сосновоборск». Агентства за сутки - пусто. Краевые газеты - остров посреди Енисея, медведь на правом берегу, «Столбы» закрыты по ночам. Пастух в лентах отсутствует.

Лента издания с мятой визитки, что лежит у ноутбука, - остров, правый берег, «Столбы». О пастухе и там пусто.

Глеб меняет слова. «Пастух погиб». «Медведь задрал». «Сосновоборский округ». Щёлкает, закрывает вкладки, открывает новые. Ходики на стене отбивают полночь.

В районном паблике под постом о ремонте дороги - две строчки в комментариях. «У нас пастуха медведь задрал». «Царствие небесное». Под ними свечка.

В сорок минут первого на сайте краевой прокуратуры появляется строка. По факту гибели мужчины в результате нападения дикого животного в Сосновоборском районе организована проверка. В строке только район, «мужчина» и «дикое животное». Деревня, имя, тридцать лет со стадом остались за её краем.

Глеб открывает таблицу и набирает строку сам.

9 сентября | Сосновоборский округ | Погиб пастух. В газетах нет | Погиб 1

В последней колонке курсор стоит недолго. Глеб печатает одно слово.

Красную булавку он втыкает у Сосновоборска. Это первая булавка так близко к дому: её головка почти касается кнопки, которой карта приколота к стене.

Четыре строки за девять дней, и все в одном крае, вдоль одной реки.

В последней колонке стоит: «странность».

Во втором часу ночи Глеб выходит на крыльцо.

Ночь ясная, холодная. Внизу течёт Енисей, чёрный, без единого огня. Над рекой, низко, стоит ковш.

Глеб смотрит на ручку. Средняя звезда в ней яркая, ровная. А рядом, совсем близко, едва различимо, висит вторая. Слабая, как пылинка на стекле. Её видно, только если смотреть чуть в сторону, краем глаза. Стоит посмотреть прямо - пропадает.

Глеб щурится. Трёт глаза кулаком. Смотрит снова, чуть мимо.

Вот она.

С того берега долго лает собака.

Глеб смотрит на слабую звезду, пока глаза слезятся.

Глава 10. Второй лист

12–16 сентября 2026 года. Енисей, протока ниже Сосновоборска

 # 16 сентября. Красноярье, Иркутская обл. Два медведя одновременно напали на сборщиков ягод. Двое, 55 и 65 лет, погибли, третий убежал. Погибли двое.

Гена зовёт Глеба на свою протоку четырнадцать лет, с тех пор как тот поселился в отцовском доме. Каждую осень одно и то же: «Сыч, поехали». Каждую осень Глеб обещает: «В следующем году».

В пятницу вечером Гена стучит ведром о штакетник и сообщает через забор, что погода стоит последнюю неделю. Потом дожди, потом снег, а там и до Нового года рукой подать.

- Поеду, - говорит Глеб.

Гена роняет ведро.

В субботу в половине шестого «Казанка» уже стоит у берега под обрывом: нос в песке, корма в воде. Лодка старая, клёпаная, крашенная столько раз, что борта стали толще на палец. Мотор «Вихрь» - ровесник Гены и по годам, и по характеру.

Глеб спускается по тропе с рюкзаком. Свитер, тетрадь, два карандаша, термос, банка мёда. В нос лодки Гена усаживает его, как усаживают груз - для равновесия.

Мотор заводится с третьего рывка, кашляет синим дымом и ревёт.

Енисей в этот час серый, широкий, весь в клочьях тумана. Лодка режет его наискось, вниз по течению, и брызги летят в лицо, холодные, как из колодца. Справа тянутся скалы, рыжие, с соснами на уступах. Берёзы по берегам желтеют прядями, будто седина пробивается в бороде.

- Сыч из дупла вылетел! - кричит Гена сквозь мотор. - Я уж думал, не доживу!

- Вероятность была отличная от нуля!

- Чего?

- Я сам удивлён, говорю!

Обеими руками Глеб держится за борта. Лодку подбрасывает на волне от встречной баржи, и в желудке у него всё подпрыгивает вместе с лодкой.

Дом на обрыве становится всё меньше: изба, коробка, спичечный коробок. Окно, из которого Глеб двенадцать лет смотрит на эту реку, теперь смотрит на него.

За поворотом дом исчезает.

Протока прячется за длинным островом, километрах в шестидесяти ниже по реке. Вода в ней стоит, как в пруду, тёмная, гладкая, и в ней вверх ногами растут ели.

Зимовьё Гены - сруб из лиственницы, почерневший от времени, на сваях, чтобы паводок проходил под полом. Внутри нары, печка из железной бочки, стол, закопчённый чайник, на гвозде старый транзистор.

Гена ставит закидушки ловко, быстро, глядя на воду, а руки работают сами, и при этом рассказывает, как в девяносто восьмом вытащил здесь тайменя на двадцать кило. Глеб за это время успевает запутать леску вокруг удилища, вокруг пальцев и один раз - в бороде.

- Математик, - вздыхает Гена и распутывает.

Первый хариус бьётся на песке, сизый, с огромным спинным плавником, раскрытым, как парус. Глеб держит его двумя руками и долго смотрит, как солнце играет на чешуе.

К вечеру они возвращаются к зимовью с полным ведром, и Гена останавливается на полушаге.

У двери, на мокром песке, следы. Крупные, косолапые, вдавленные глубоко. Рядом стоит железная бочка, где Гена держит соль и крупу. Крышка с неё сдвинута.

- Хозяин заходил, - говорит Гена спокойно.

Глеб присаживается и кладёт ладонь в след, как кладут ладонь в след охотники. Ладонь помещается в нём целиком, и ещё остаётся.

- Сорок сантиметров.

- Ты его ещё запиши.

- Уже записал.

Крышка бочки, сдвинутая лапой, стоит наискось.

Пока в котелке закипает вода, Гена чистит рыбу на мостках и рассказывает, глядя на протоку.

- Батя твой сюда со мной ходил. Аркадий. На лоцманском катере, по большой воде. Встанет на якорь у острова и сидит на палубе с тетрадкой. Я ему: Аркаша, ты рыбу ловить приехал или писать? А он: Гена, на реке кто считает, тот не тонет.

- Он и мне так говорил.

- Ну. - Гена кидает рыбьи потроха чайкам, и чайки дерутся над водой. - Дело батя говорил.

Глеб смотрит на воду, где дерутся чайки, и молчит.

Вечером варят уху. Гена крутит ручку транзистора, и сквозь треск прорывается краевая станция: погода, курс валют, сводка.

«…в Иркутской области пенсионер уехал в лес за грибами на мотоцикле и не вернулся. Сначала поисковики обнаружили на лесной дороге мотоцикл, позже - тело…»

Гена убавляет звук. Глеб тянется за рюкзаком и достаёт тетрадь.

Ноутбук остался дома, таблица осталась дома. Поэтому на первой странице тетради Глеб пишет: «Полевой журнал». Ниже - строку про Иркутскую область. А ещё ниже, столбиком, все возрасты этого года, какие помнит: 52, 56, 40, 59, 67, 73, 50, 12, 68, 30, 52, 56.

Пишет быстро, без пауз, уткнувшись в тетрадь.

- Ты всё это наизусть, что ли? - спрашивает Гена.

- Это несложно. Числа сами держатся.

- А как меня по отчеству, помнишь?

Глеб открывает рот и закрывает.

- Степанович я! - хохочет Гена. - Тридцать лет соседи, а ты мне цифры!

Уха кипит. Печка трещит. Транзистор шипит на краевой волне, и голос диктора тонет в треске.

Гена гасит свечу. Столбец возрастов остаётся в темноте.

На рассвете туман лежит над протокой так плотно, что нос лодки уходит в него и пропадает. Глеб сидит в носу с удочкой в одной руке и тетрадью в другой. Удочка ему для вида.

Столбец возрастов он переписывает по порядку, от меньшего к большему. Двенадцать. Тридцать. Сорок. Пятьдесят. Пятьдесят два. Пятьдесят два.

Карандаш замирает.

Пятьдесят два - в мае, в тайге у Тельдека, на юге Томской области. И пятьдесят два - шестого сентября, раненый охотник под Братском. Полгода. Две тысячи километров.

Дальше. Пятьдесят шесть. Пятьдесят шесть.

Пятьдесят шесть - апрель, Мыльва, Коми. И пятьдесят шесть - седьмого сентября, Хуртай, Бурятия, заросли черёмухи.

Глеб проводит стрелку через полстраницы, от числа к числу. Потом вторую. Пальцы у него деревенеют от холода, и стрелки выходят дрожащие.

Пары. Одна строка весной, другая осенью, тот же возраст, через полстраны. Будто сверяют записи: здесь вписали, там проверили.

На корме Гена тянет удочку двумя руками, удилище гнётся дугой, вода кипит.

- Подсак! Глеб! Подсак, кому говорю!

Глеб хватает подсак, роняет тетрадь на дно лодки, поскальзывается, и его удочка, прислонённая к борту, соскальзывает в воду.

Ленок выходит из воды огромный, пятнистый, с красными боками, бьётся в подсаке так, что брызги летят Гене в лицо. Гена хохочет и ругается одновременно.

- Ты рыбу-то лови, бухгалтер!

- Пары, Гена. - Глеб поднимает с днища мокрую тетрадь. - Числа ходят парами.

- Рыба тоже парами ходит. - Гена кивает на воду. - Вон, вторая плещет.

Удочка Глеба уплывает по течению, медленно разворачиваясь, а он смотрит в тетрадь.

В понедельник Глеб ловит своего первого хариуса сам. Леска дёргается, удилище гнётся, и Глеб тянет, ахнув, обеими руками, как тянут ведро из колодца. Хариус небольшой, с ладонь, сизый, с парусом на спине.

Глеб держит его в мокрых пальцах и смотрит, как ходят жабры.

Потом опускает руки в воду и разжимает пальцы.

- Ты чего? - Гена роняет папиросу. - Это ж рыба!

- Это выборка из одного, - говорит Глеб. - На уху мало, на статистику тоже.

Гена смотрит на него долго, потом машет рукой и хохочет.

После обеда в протоку заходит катер рыбнадзора, белый, с синей полосой. На палубе двое в форме, один с биноклем на груди.

- Здорово, Степаныч! - кричит тот, что с биноклем. - Сетки ставил?

- Удочками! Совесть имею!

- Знаем мы твою совесть. - Инспектор перегибается через борт и оглядывает лодку, садок, мостки. - Ладно. Мы по делу. На верхнем острове медведица с двумя медвежатами. Позавчера у мужиков рыбу из лодки таскала, прямо из-под рук. Наглая. Вы тут поаккуратнее.

- Видали следы, - кивает Гена. - Хозяин заходил.

- Хозяйка, - поправляет инспектор. - Ну, бывайте.

Катер разворачивается, оставляя на тёмной воде белую дугу, и уходит вниз по протоке. Волна от него долго качает мостки и садок.

Садок с рыбой Гена держит у мостков, прямо в воде: проволочная клеть, в ней ленки и хариусы, живые до утра.

В ночь на вторник, во втором часу, за стеной лязгает железо и плещет вода.

Гена садится на нарах, как пружина. Глеб - следом, медленнее, в два приёма.

- Сиди тут, - шепчет Гена.

- Я с тобой.

Луч фонаря из окна выхватывает мостки, чёрную воду и медведя.

Медведь стоит по брюхо в протоке и тянет садок на мостки, как тянут ведро из колодца. Клеть гремит о доски, рыба бьётся, вода летит брызгами в луче фонаря.

Гена хватает кастрюлю и половник, распахивает дверь и колотит изо всех сил. Звон катится по протоке и отскакивает от острова. Медведь оборачивается на звон, смотрит и снова наклоняется к садку.

За спиной Гены стоит Глеб с поленом в руках. Полено он сжимает так, что пальцы болят.

- Ты с поленом, - шепчет Гена. - Это хорошо. Пусть видит.

Ракетница висит на гвозде у двери. Гена срывает её, выходит на порог и стреляет в небо.

Ракета.

Красный свет заливает протоку, мостки, мокрую медвежью шерсть, воду. Медведь поднимает морду к ракете. Потом наклоняется, выхватывает из садка самого большого ленка и вразвалку уходит с ним в кусты.

- Ленка моего! - орёт Гена ему вслед. - Самого большого!

В кустах хрустит и затихает.

Гена опускает ракетницу. Глеб опускает полено.

- Ну хоть закусит, - говорит Гена хрипло. - Вкусный был ленок.

После ракеты над протокой висит темнота, гуще прежней.

В среду утром транзистор приносит две новости подряд.

«…на юге края, в предгорьях Саян, в селе Верхний Кедеж медведь выломал окно частного дома и напал на хозяйку. Шестидесятишестилетняя женщина погибла…»

Гена перестаёт резать хлеб.

«…в Иркутской области у села Красноярье два медведя одновременно напали на сборщиков ягод. Двое погибших, пятидесяти пяти и шестидесяти пяти лет. Третьему удалось убежать…»

Глеб открывает тетрадь. Записывает обе строки. Потом, ниже, отдельно, два слова: «работают парами». Подчёркивает дважды.

Гена выключает радио.

В зимовье тихо. На столе остывает чай. За окном над протокой поднимается утренний пар, и в нём, как вчера, плещет рыба.

- В доме, - говорит Гена. - В своём доме, Глеб.

- Окно - это граница. Он её перешёл.

- Собирайся. Домой.

Леску Гена сматывает на мотовило так туго, что она режет ему пальцы. Глеб складывает в рюкзак свитер, тетрадь, банку мёда, которую так и забыл открыть.

С крыши зимовья капает роса, и в тишине слышна каждая капля.

Обратно идут против течения. «Вихрь» ревёт на полном ходу, а берега ползут мимо медленно, как во сне. Глеб сидит в носу, лицом вперёд, тетрадь на коленях.

На двадцатом километре Гена кивает на правый берег.

У самой воды стоит медведь. Стоит и смотрит на лодку.

Глеб пишет: «12.09–16.09. Медведи на берегу - 1».

На осыпи под скалой - второй. Тёмный, на светлых камнях. Тоже смотрит.

«2».

На мысу, у старого бакена, третий. Сидит, как собака у калитки.

- Третий, - говорит Гена. - Глянь, и этот смотрит.

- Я считаю.

- Ты всегда считаешь. - Гена сплёвывает за борт. - А они нас - тоже?

Глеб поднимает голову от тетради. Медведь на мысу медленно поворачивает морду вслед лодке, как поворачивается стрелка компаса за железом.

«3».

К дому подходят в сумерках. Дом на обрыве растёт из спичечного коробка в коробку, из коробки в избу, и окно в нём тёмное.

Гена придерживает лодку у берега, пока Глеб выбирается на песок с рюкзаком.

- Спасибо, Гена Степанович.

Гена смотрит на него, потом хохочет на всю реку.

- Запомнил! Ну, сыч!

Дома Глеб включает свет, снимает с подоконника жестяную коробку с булавками и подходит к карте. Красная - на юг края, в предгорья Саян. Две красные - рядом, вплотную, в Иркутскую область, у Красноярья.

Потом садится к столу и берёт лист миллиметровки. Переносит из мокрой тетради всё, что нашёл в лодке.

Стрелки с тетради переходят на лист ровнее: здесь пальцы тёплые.
На полях, у самого края, Глеб дописывает два слова и ставит после них знак вопроса.
«Сверяют записи?»

Глава 11. Полуночная

18–20 сентября 2026 года. Дом математика

 # 20 сентября. Камчатка. Медведь сломал ограждение и убил сторожа котельной, 73 года. На лай собак не реагировал. Погиб один.

В пятницу вечером лента приносит строку из Томской области.

Деревня на севере области, у Оби. Вчера утром мужчина сорока четырёх лет ушёл в лес искать корову, отбившуюся от стада. Ушёл и пропал. Сегодня утром за ним пошёл второй, сосед, сорока шести лет. И тоже пропал.

Ищут обоих.

Деревня называется Полуночная. Название цепляет слух, как заусенец цепляет нитку, и Глеб перечитывает его дважды.

Строку он вносит, пока без итога. Дата. Место: Полуночная, Томская область. Что произошло: «Мужчина, 44 года, ушёл искать корову и пропал. Назавтра за ним ушёл второй, 46 лет». В колонке «Жертвы» Глеб ставит знак вопроса.

Второй пошёл по следу первого. Условная вероятность: если первый пропал в лесу, второму стоило бы сначала посчитать, потом идти. Только в деревне считают по-другому: сосед в лесу - значит, идёшь.

Сорок четыре. Сорок шесть.

Курсор в строке таблицы застывает после числа сорок шесть.

Сорок шесть.

Из ящика стола Глеб достаёт первый лист. Даты столбиком, скобки, интервалы, и вокруг сорока шести кружок со знаком вопроса, обведённым дважды. Сорок шесть дней - от Таймыра до Приморья. Сорок шесть лет - второй из Полуночной.

Где он видел это число. Видел давно, ещё до всех таблиц.

Память подаёт картинку неохотно, кусками. Кабинет биологии в школе, третий этаж. На стене плакат: ряды тёмных палочек, похожих на рассыпанные спички, попарно, по номерам. Учительница с указкой.

Кариотип человека.

В шкафу у отца до сих пор стоят его школьные учебники: отец хранил всё сыновнее, до последней тетради. Глеб находит биологию за девятый класс, обтрёпанную, с чернильным пятном на обложке. Листает. Вот.

Двадцать три пары. Сорок шесть хромосом. Двадцать две пары одинаковые у всех - сорок четыре аутосомы. Двадцать третья - половая, у женщин XX, у мужчин XY.

Сорок четыре и сорок шесть.

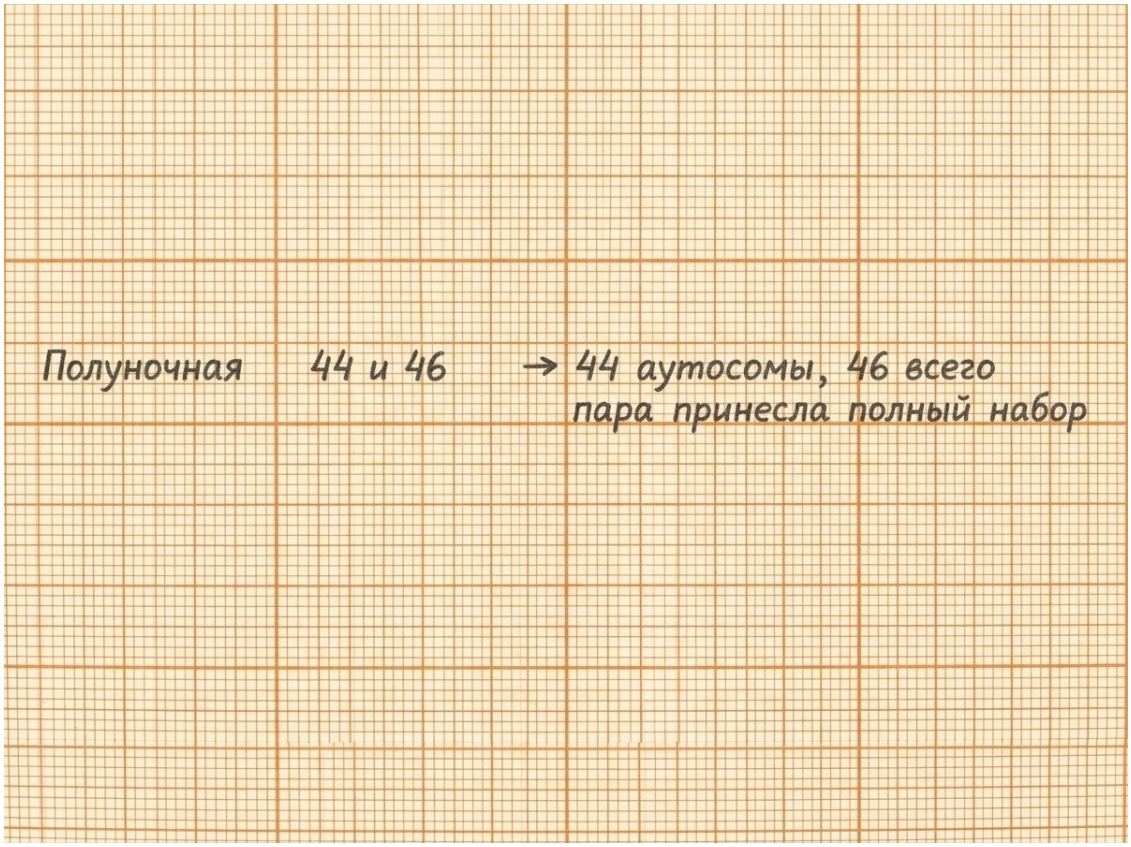
Хромосомы.

Глеб встаёт. Садится. Снова встаёт и идёт к окну, хотя за окном только темнота и огонёк бакена.

Двое из Полуночной. Сорок четыре - столько у человека аутосом. Сорок шесть - столько хромосом всего. Два возраста, и вместе они записывают человека числом. Любого человека.

Это бред, говорит он себе, с точностью до знака. Совпадение. Шум.

И берёт миллиметровку второго листа.



На первом листе, рядом с кружком вокруг сорока шести, ложится слово: «хромосомы?»

Учебник лежит открытым на столе. Палец Глеба скользит по парам на рисунке, от первой к последней, и останавливается на двадцать третьей.

В полночь Глеб ложится, как ложится всегда летом, и лежит с открытыми глазами.

Потолок в темноте светлеет трещинами. Глеб считает трещины. Одиннадцать. Считает ещё раз - двенадцать: одна оказывается тенью от ветки за окном.

В час он встаёт и ставит чайник. Ест мёд прямо из банки, ложкой, стоя у плиты. Мёд густой, холодный, тянется за ложкой нитью.

В половине второго считает половицы в горнице. Шестьдесят три. Каждая скрипит своим голосом, и третья от двери - громче всех.

Спать он умеет. Зимой по четырнадцать часов, в любое время, как в омут. А сейчас глаза открыты, как у совы, и сна по эту сторону век хватает только на то, чтобы щипало.

Он достаёт тетрадь «Сон», серую, тонкую. Тетрадь зимняя, летом она стоит на полке без дела. Открывает на чистой странице и пишет: «18.09 - 0».

В третьем часу на столе, возле ноутбука, попадается на глаза мятая визитка. Вешнякова. Анастасия. Номер, адрес почты.

Глеб открывает почту и вписывает адрес. Курсор мигает в пустом письме.

«Здравствуйте, Анастасия. Это человек с набережной. С мёдом».

Перечитывает. Ладони потеют, и он вытирает их о колени.

«Сорок четыре и сорок шесть - это полный набор».

Перечитывает ещё раз. Дописывает: «Вы, наверное, спите». Стирает эту фразу. Потом стирает про мёд. Потом - всё, слово за словом, медленно, будто снимает с крючка мелкую рыбу, которую жалко.

Пустое письмо с её адресом остаётся открытым на экране.

В двадцать минут четвёртого Глеб выходит из дома.

Ночь холодная, ясная. Трава у крыльца мокрая, тапки сразу промокают насквозь. Он идёт к краю обрыва, туда, где растёт старая берёза, и берётся рукой за её ствол.

Внизу течёт Енисей. Чёрная вода, огонёк бакена мигает зелёным: раз, пауза, раз. На том берегу темно, только далеко на северо-западе светится зарево Сосновоборска.

Внизу, под самым обрывом, в темноте у воды плещет. Потом шуршит галька, будто по ней провели тяжёлым.

Глеб вслушивается.

Рыба играет, решает он. Или волна от поздней баржи добежала до берега.

Снова тихо. Только вода.

Стоит он так долго, пока пальцы на берёзовой коре совсем немеют. Потом возвращается к дому.

В темноте дом сливается с небом: тёмный сруб на тёмном. Видно одно окно. Окно горит жёлтым, одно на весь обрыв, как маяк.

Рассвет приходит серый, медленный. Глеб встречает его у окна с кружкой чая, который давно остыл. Веки тяжёлые, глаза режет, будто в них насыпали песку.

В семь внизу, у реки, кашляет мотор «Вихря». Потом глохнет. Голос Гены поднимается по обрыву, как дым.

- Глеб! Живой там?

Глеб выходит на крыльцо. Гена стоит в лодке у самого берега, в телогрейке, с сетью в руках, и задирает голову.

- Ты чего свет всю ночь жёг? Я на рассвете сети смотрел. Гляжу: под твоим обрывом медведь стоит. На твоё окно глядит. Долго глядел. Потом вниз по берегу ушёл, вон туда.

Гена машет рукой вниз по течению.

Перила крыльца под ладонью у Глеба холодные и мокрые от росы. Он держится за них, пока Гена ждёт ответа.

- Когда?

- Да часа в четыре. Только светать начало.

В четыре Глеб стоял на краю обрыва, у берёзы, и слушал, как внизу играет рыба.

- Ты бы свет-то гасил, сыч, - говорит Гена и дёргает стартер. - Медведь, он на свет идёт, как мошка.

Мотор взрёвывает, и лодка уходит вдоль берега.

В восемь лента приносит итог из Томской области. Обоих мужчин из Полуночной нашли в лесу, мёртвыми, недалеко друг от друга.

Глеб возвращается к строке, где вчера оставил знак вопроса, и стирает его. Вписывает: «Погибли двое». В последнюю колонку - «странность».

Коробка с булавками на подоконнике. Две красные - в Томскую область, у Оби, рядом, головками друг к другу.

На карте теперь три пары. Две булавки у Енисейска. Две в Иркутской области, у Красноярья. Две у Оби.

Глеб стоит перед картой, прикрыв рот ладонью, долго.

В воскресенье в одиннадцать - Камчатка.

Медведь сломал ограждение котельной и убил сторожа. Семьдесят три года. Во дворе котельной сидели на цепях собаки и рвались, лаяли на всю округу. Медведь прошёл сквозь лай, как сквозь дождь, глядя только вперёд.

Глеб вносит строку. Тег - «странность».

Потом берёт второй лист и на полях, сбоку, заводит отдельный список. Сверху пишет: «Собаки».

Дымка у забора под Сосновоборском. Лаяла в березняке, а потом до ночи стерегла хозяина. Лай опоздал. Глеб пишет: «мимо».

Кордон у Коли, где медведь бродил второй день. Лайки лают, а он идёт себе мимо, как мимо радио. «Мимо».

Камчатка. Собаки на цепях. «Мимо».

Список короткий. Слово в нём одно.

Тысячи лет у человеческого огня сидела собака, и медведь, услышав её, разворачивался. Теперь собака лает, а медведь идёт.

И второе. Семьдесят три. Глеб листает таблицу вверх. Потёсово, третье сентября: две женщины, шестьдесят семь и семьдесят три. Камчатка, двадцатое: семьдесят три.

На втором листе ложится строка: «73 - дважды».

Внизу у реки Гена чинит сеть на мостках и, заметив Глеба в окне, машет рукой. Глеб машет в ответ.

В списке «Собаки» сверху донизу одно слово: «мимо».

Вторую ночь Глеб снова ворочается без сна. Ходики, половицы, мёд, холодный чай.

Около полуночи он натягивает отцовский бушлат и выходит на крыльцо.

Небо ясное, звёздное, холодное. Над рекой, низко, ровно на севере, стоит ковш. Огонёк бакена мигает под ним зелёным, а с того берега лает собака и тут же замолкает.

Полночь.

Отец называл северный ветер «полуночником». «Полуночник задул, - говорил он, глядя на реку, - к утру волна будет». В старых лоциях, которые отец держал на катере, стороны света писались по-старому: «на полдень» - на юг, «на полночь» - на север. Полуночные страны - северные страны.

Полуночная.

Деревня с названием Северная. Двое из неё ушли в лес, один за другим, и принесли полный набор.

Глеб засовывает руки в рукава бушлата, как в муфту, и долго смотрит на ковш, стоящий ровно над полуночью.

Потом возвращается в дом, садится к столу и на полях второго листа, под списком «Собаки», пишет одну строку.

«Полуночная - значит северная».

Глава 12. Спящий

24 000 лет до н. э. Дон, Костёнки

Степь лежала от края до края, жёлтая, промёрзшая, и ветер гнал по ней лёссовую пыль, тонкую, как мука. Под травой земля мёрзла насквозь и навсегда: летом оттаивала на ладонь и снова каменела. Небо стояло низкое, серое, и под этим небом шли стада. Мамонты, бурые, косматые, с бивнями, загнутыми к небу. Лошади, мелкие, злые, гривастые. Олени. Бизоны. Мир входил в самый долгий холод, какой ему выпадет, и шёл в него медленно, как стадо идёт к водопою.

У Дона, на высоком берегу, стояло кольцо. Люди сложили его из костей мамонтов, которые собирали по оврагам, где великаны умирали веками: черепа, челюсти, бивни, лопатки - плотно, стеной, широким кругом, и входа в это кольцо чужой глаз отыскать бы затруднился. Рядом под шкурами, натянутыми на рёбра, жили люди. Дым их огня пах жиром и жжёной костью, и ветер уносил его в степь.

Огонь кормили деревом, пока было дерево, и костью, когда дерева становилось мало.

За костями ходили далеко, в овраги, где весной вода вымывала из склонов целые скелеты, и тащили их волоком на шкурах, по десять человек на один череп. Лишние кости сваливали в ямы вокруг кольца, про запас, и засыпали землёй. Лето год от года становилось короче, зима длиннее, и старики помнили, что когда-то у реки росло больше деревьев.

Шили костяными иглами с ушком, тонкими, как стебель травы. Шкуры сшивали жилой, мехом внутрь, и в таких шкурах можно было пережить ночь, от которой трескался лёд на реке.

У огня женщина резала из бивня фигурку: тяжёлые груди, круглый живот, голова без лица. Сдувала стружку, поворачивала фигурку к свету и резала дальше. Мальчик рядом нанизывал на жилу зубы песца, по одному, и каждый пробовал на зуб.

У огня лежали волки. Настоящими волками они давно перестали быть: ели из рук, спали у шкур, лаяли на чужих. Люди звали их по-своему, и волки откликались.

Под вечер волки разом подняли головы и уставились в сторону реки.

С меловых обрывов над Доном спускался медведь.

Огромный, выше лошади в холке, с тяжёлой лобастой головой и сединой по загривку, такой старый, что шерсть на боках вылезла клочьями. Такие медведи когда-то жили в каждой пещере от моря до моря. Этот, может быть, остался один.

Волки взвыли, поджали хвосты и полезли за спины людей. Мужчины схватили копья с кремнёвыми наконечниками. Женщины потащили детей к шкурам.

Из крайнего жилища вышел Спящий.

Старший из охотников увидел его и поднял руку. Копья опустились.

Он шёл к зверю один, без копья, в медвежьей шкуре на плечах, и мёрзлая трава хрустела у него под ногами. Медведь остановился. Спящий подошёл вплотную, так близко, что пар из звериной пасти оседал ему на лицо, и положил ладонь медведю на нос.

Зверь стоял.

Человек стоял с закрытыми глазами. Пальцы его чуть дрожали на влажном чёрном носу, и в степи стало так тихо, что слышно было, как сыплется мел с обрыва.

Потом медведь повернулся и ушёл обратно к обрывам, и мел сыпался из-под его лап белыми струйками.

Его звали Спящим, и другого имени у него уже никто и не помнил.

Каждую осень, с первым снегом, он уходил к медведю в берлогу под меловым обрывом и спал там до весны, рядом со зверем, бок о бок. Весной возвращался худой, бледный, с глазами, отвыкшими от света, и запах зверя держался на нём до самого лета.

Стоянка кормила его всю осень лучшим: костным мозгом, жиром, сушёной рыбой. Женщины ставили перед ним миску и отходили. Детей к нему пускали. Собаки шли к нему сами только раз, щенками, а потом обходили его широкой дугой, поджимали хвосты и прижимали уши, будто чуяли в нём того, с кем он спит.

Жены у него не было, детей тоже. Его детьми были все дети стоянки.

В последнюю ночь перед уходом дети сели вокруг него у огня.

Небо было ясное, морозное. Звёзды стояли над Доном крупные, как искры, застывшие на лету.

- Смотрите, - сказал Спящий и поднял руку. - Вон медведица.

Он вёл пальцем по небу, от звезды к звезде.

- Четыре звезды - это она. А за ней, вон, гуськом, три охотника. Гонятся за ней всю ночь. Гонятся и гонятся, а догнать никак.

- А почему никак? - спросил мальчик с зубами песца на шее.

- Потому что она быстрая. И небо круглое.

Дети засмеялись.

- А вон там, - Спящий повёл пальцем в сторону полуночи, на полнеба вверх, - звезда, вокруг которой всё ходит. Небо держится на ней, как олень на ремне: ходит по кругу, а уйти не может. Всю ночь вокруг неё ходят и медведица, и охотники

Он помолчал, глядя вверх.

- А рядом со средним охотником есть ещё один. Маленький. Он несёт котёл, чтобы было в чём варить, когда догонят. Его плохо видно. Его видно, только если смотреть чуть в сторону, краем глаза. Прямо посмотришь - пропадает.

Дети задрали головы и долго сидели молча, щурясь, вытягивая шеи.

- Я вижу, - сказала самая маленькая девочка. - Вижу того, кто с котлом.

- Ты зоркая, - сказал Спящий.

Мальчик с зубами песца потянул его за рукав.

- А почему осенью медведица уходит низко, к самой земле? А весной опять наверху?

Спящий улыбнулся и промолчал.

Звезду-кол, которую он показал в ту ночь детям, люди и сейчас находят над севером почти на том же месте.

Утром пошёл первый снег. Тихий, крупный, без ветра.

Спящий взял шкуру, миску и пошёл к меловым обрывам. Дети проводили его до края стоянки и остановились. Собаки выли.

У края стоянки его догнала женщина, та, что резала из бивня, и молча вложила ему в ладонь фигурку: тяжёлые груди, круглый живот, голова без лица. Спящий подержал её, согрел в кулаке и спрятал за пазуху, к телу.

Медведь ждал у входа в берлогу, в расщелине под мелом, и снег уже лежал у него на спине. Спящий оглянулся один раз. Потом вошёл первым. Медведь - за ним.

Две цепочки следов, человечья и медвежья, уходили в одну тёмную дыру в белой скале.

Снег шёл весь день и к вечеру закрыл вход.

Зима выдалась долгая. Метели шли неделями, снег заметал кольцо из костей до самых черепов, и люди сидели у огня, подкладывая кость за костью. По ночам маленькая девочка выходила из-под шкур, задирала голову и искала в небе того, кто с котлом. Находила, если смотрела чуть в сторону, и возвращалась к огню довольная.

Собаки в такие ночи вставали у края стоянки, мордами к меловым обрывам, и тихо рычали, низко, без лая. Потом ложились обратно, к огню, и долго не закрывали глаз.

Весной снег сошёл, и с мела побежала капель. Из расщелины вышел Спящий, худой, бледный, и щурился на солнце, как щурится зверь, вылезший из норы. Дети бросились к нему через мокрую траву. Собаки - прочь.

Через несколько поколений последних пещерных медведей не станет вовсе.
А семь звёзд над Доном стояли там же, где стояли.

Глава 13. Двести шесть

22–23 сентября 2026 года. Пасека на том берегу Енисея

 # 23 сентября. Потапиха, Красноярский край. Медведь убил лесозаготовителя, охранявшего технику. Возраст: 39 или 69. Погиб один.

Конец сентября - время брать мёд на зиму. Зимой Глеб живёт на мёде: полдня сна, ложка мёда, кружка чая, и снова сон. Мёд он всегда берёт у одного и того же пасечника с того берега.

В восемь утра у калитки фыркает «уазик»-буханка, зелёный, облупленный, с заплатой на боку. В кузове, привязанные верёвкой, стоят алюминиевые фляги с мёдом для городского рынка.

Тимофею за семьдесят. Худой, жилистый, с белой щетиной и красными от ветра руками. На голове кепка, а под кепкой сетка от пчёл, поднятая на макушку ещё с весны.

- Садись, математик! - кричит он, хотя Глеб стоит в двух шагах.

На правое ухо Тимофей глуховат и поэтому говорит громко всегда, на всякий случай.

«Уазик» трясётся по трассе к городу. Фляги в кузове звенят на каждой выбоине, в кабине пахнет бензином, мёдом и махоркой. На мосту через Енисей Тимофей сбавляет ход и долго смотрит вниз по реке, на север, туда, где вода уходит за поворот. Губы у него шевелятся, а слова тонут в рёве мотора.

За мостом трасса уходит вбок, «уазик» сворачивает на грунтовку, потом на лесную колею. Тайга встаёт стеной: сосны, пихты, рыжие пряди берёз.

У колеи стоит берёза с ободранной корой. Задиры свежие, белые, глубокие и начинаются выше кабины. Глеб провожает их взглядом, пока берёза уходит назад.

Дальше вывернутый пень. Разрытый муравейник, рыжая труха разбросана по колее, как после взрыва.

- Хозяйничает, - говорит Тимофей. - Заночуешь у меня?

- Заночую.

- Ну и правильно. Забор у меня под током. А ночью у меня интересно.

У поляны «уазик» глохнет, и становится слышно, как гудят ульи.

Пасека стоит посреди тайги. Три десятка ульев в три ряда, выкрашенных в синий, жёлтый и белый, чтобы пчела отличала свой дом от соседского. По краю поляны натянута проволока электропастуха на пластиковых столбиках. У въезда - омшаник, низкий, на две трети врытый в землю, и избушка с трубой.

Тимофей разводит дымарь: гнилушки, сухая трава, щепоть махорки, и вот уже из носика тянет сладким сизым дымом. Последний взяток кончился в августе, мёд откачан, пчёлы злые, как все, у кого отняли запасы на зиму.

Мёд Тимофей даёт пробовать с ножа. Тёмный, тягучий, с горчинкой: кипрей, донник, немного гречихи с дальних полей. Глеб пробует, жмурится и берёт столько же, сколько берёт каждый год.

На стене омшаника, на толстом нижнем бревне, вырезаны ножом зарубки. Рядом с каждой - дата, карандашом.

- Это вот всё он, - Тимофей стучит по бревну костяшкой пальца. - Четырнадцать ульев за лето. Раньше брал два-три за год, по совести. А нынче - как с цепи сорвался.

- А электропастух?

- С июля поставил. С июля и пробует. Каждую ночь пробует.

Глеб пересчитывает зарубки. Июнь - две. Июль - три. Август - четыре. Сентябрь - пять.

Арифметическая прогрессия. Плюс один в месяц.

Счёт Тимофея сходится до единицы.

Связь на пасеке ловит в одном месте: на пригорке за омшаником, у старой берёзы, если поднять телефон над головой. Глеб стоит у берёзы с поднятой рукой, как школьник, который знает ответ.

В ленте одна сетевая энциклопедия, которую цитируют все, пишет: за год медведи убили в России шесть человек.

Глеб медленно опускает руку с телефоном и долго стоит у берёзы, один на пригорке, глядя в тайгу. В его таблице погибших почти втрое больше.

К ужину Тимофей варит картошку в мундире, ставит на стол миску мёда и заваривает чай с чабрецом и смородиновым листом. В избушке жарко, на стёклах пот.

- Шесть? - Тимофей щурится над картошкой. - Это где шесть? У меня одних ульев больше десятка.

- Шесть - это у тех, кто считает по бумагам, - говорит Глеб. - У тех, кто считает по зарубкам, всегда больше.

- Вот! - Тимофей поднимает палец. - Я ж говорю.

На печке закипает чайник. За стеной ровно, как часы, тикает электропастух.

Медведь в ту ночь так и обходится без визита. Зато Тимофей зажигает керосиновую лампу, садится к печке на чурбак и начинает рассказывать.

- Деды его по имени не звали, - говорит он. - Скажешь вслух - услышит, придёт. Звали: хозяин. Сам. Косолапый. Лесник. Михайло Потапыч. А «медведь» - это ж тоже кличка, не имя. Мёд ест - вот и медведь.

- Мёд-ед, - говорит Глеб. - Медоед.

- Во! А настоящее имя так долго не говорили, что забыли совсем. Никто теперь и не знает, как его звали.

Шифр, у которого потеряли ключ. Глеб смотрит на огонь в печной щели, а Тимофей уже лезет за икону и достаёт оттуда шнурок.

Коготь. Чёрный, длинный, загнутый, как серп, с дыркой у основания.

- Бабкин, - говорит Тимофей и кладёт коготь на стол. - В хлеву на гвоздике висел. От порчи скотине. Корова, говорила, медведя боится, а порча - ещё пуще. А когда у малых зубы резались, медвежий зуб давали грызть. Чтоб зубы крепкие, как у него.

Глеб берёт коготь и вертит в пальцах. Коготь тёплый от печки и тяжелее, чем обещает на вид.

- На святки парни медведем рядились, - продолжает Тимофей. - Тулуп навыворот, мехом наружу, рожа в саже, и по избам. Девок пугали. Медведь в избу вошёл - к прибытку. К свадьбе.

- А почему к свадьбе?

- А кто его знает. Сильный, мохнатый - значит, к детям. - Тимофей хохочет. - Ещё сказка была. Будто медведь - тот же человек. Был мужик, надел шубу навыворот и пошёл ночью людей пугать. А его взяли и оставили так. В шубе. Навсегда. Потому, говорят, и на двух ногах встаёт, и след у него как у босого мужика. Видал след-то?

- Видал.

- Ну. Пятка, пальцы. Мужик и мужик. - Тимофей подкидывает в печь полено. - Скоморохи медведей по ярмаркам водили. Цепь в нос, и пляши. Народ смеётся, а медведю каково? А у нас, у пасечников, своё говорят: в лесу медведь хозяин, а на пасеке вор. В лес пошёл - шапку сними. А на пасеку пришёл - получай током.

Он смеётся снова, и в печке трещит смола.

Потом гасит лампу. Коготь на столе ещё долго виден в красном отсвете печной щели.

Утро двадцать третьего начинается с инея. Трава на пригорке белая, хрусткая, пчёлы ещё спят в ульях, из трубы избушки тянет дымом.

Папку с листами Глеб теперь берёт всюду, как отец брал лоцию. Он поднимается к старой берёзе, поднимает телефон над головой и ловит одну палочку.

Лента грузится медленно, строка за строкой.

Агентство: семнадцать погибших от медведей с начала года в Сибири и на Дальнем Востоке. Краевые следователи: шесть погибших в Красноярском крае.

Потапиха, Енисейский округ: медведь убил лесозаготовителя, сторожившего технику на делянке. В одной заметке ему тридцать девять лет. В другой - шестьдесят девять.

Вологодская область: охотник ранил медведя, раненый зверь догнал его и убил. Семьдесят три года.

Глеб садится на корень берёзы и раскрывает папку на коленях. Ветер дёргает листы, и он прижимает их ладонью.

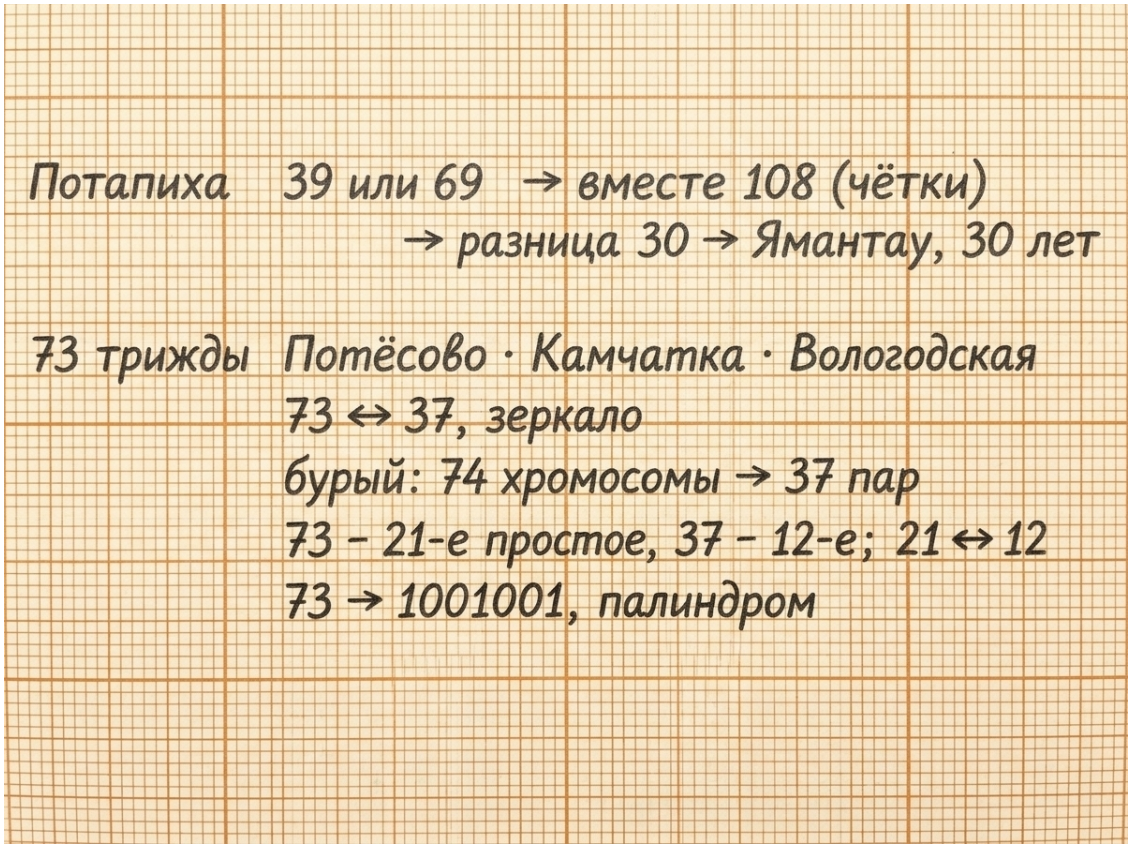
Тридцать девять и шестьдесят девять. Один человек, два возраста. Вместе - сто восемь. Сто восемь бусин в чётках, буддийских, тибетских, у монахов. Разница - тридцать. Ровно тридцать - горнолыжнику на Ямантау, в феврале.

Семьдесят три. Глеб листает таблицу на телефоне. Потёсово: шестьдесят семь и семьдесят три. Камчатка: сторож, семьдесят три. Вологда: семьдесят три.

Трижды.

Семьдесят три в зеркале - тридцать семь. У бурого медведя семьдесят четыре хромосомы. Тридцать семь пар. Семьдесят три - двадцать первое простое число, тридцать семь - двенадцатое: двадцать один и двенадцать, снова зеркало. В двоичной записи семьдесят три - один, ноль, ноль, один, ноль, ноль, один. Читается одинаково слева и справа.

На втором листе ложатся строки.



На листе Глеб обводит «73 трижды» и спускается к избушке, почти бегом, поскальзываясь на инее.

За столом у окна свет хороший. Тимофей ставит чайник и уходит к ульям, а Глеб раскладывает первый лист.

Даты столбиком, скобки, интервалы. Сорок шесть, два, семь.

Сорок шесть - хромосомы. Два - две половые хромосомы: XX у женщины, XY у мужчины. Сорок шесть пополам - двадцать три пары. Семь - семь звёзд ковша.

От первого марта до сегодня Глеб считает по месяцам, вслух, загибая пальцы. Тридцать один, тридцать, тридцать один, тридцать, тридцать один, тридцать один, двадцать три. Двести шесть дней.

Двести шесть костей в скелете взрослого человека.

Сегодня двадцать третье сентября. Двести шестьдесят шестой день года. Двести шестьдесят шесть дней - столько длится беременность от зачатия до рождения.

Глеб кладёт карандаш. Потом берёт снова.

Интервалы: сорок шесть, два, семь, двести шесть. Первое число повторяется? Если прибавить к сегодняшнему дню ещё сорок шесть, выйдет двести шестьдесят шесть плюс сорок шесть, триста двенадцатый день года.

Восьмое ноября.

Чай в кружке остывает и затягивается плёнкой. Кружка полная до краёв.

Дверь скрипит. Тимофей вносит с холода запах дыма и воска, ставит на стол миску с сотами.

- Тимофей, - говорит Глеб. - Восьмое ноября. Что за день?

- Восьмое? - Тимофей щурится, считая про себя. - Так Дмитриев день. А накануне суббота, Дмитриевская, родительская. Своих поминают. Покойников.

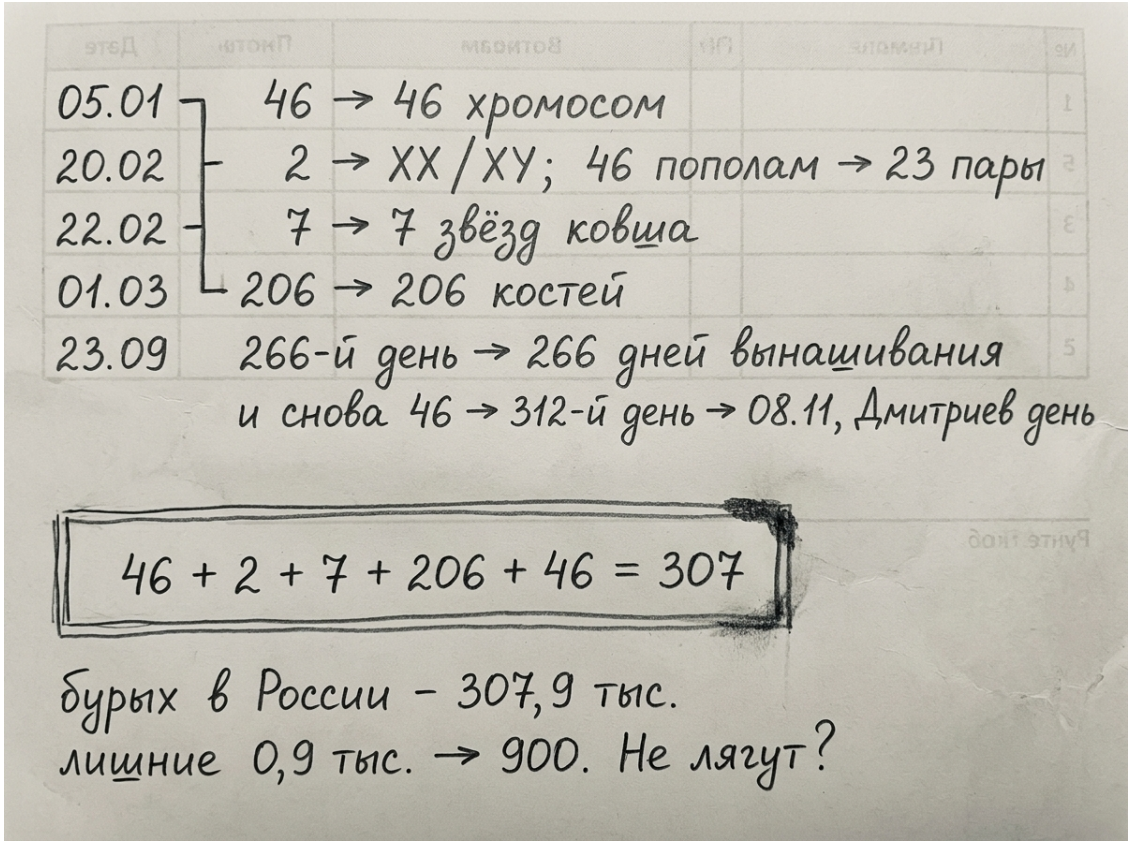
Восьмое.

Глеб складывает интервалы. Сорок шесть, два, семь, двести шесть, сорок шесть. Триста семь.

На пригорке он находил в сети последнюю официальную оценку численности бурых медведей в России. Триста семь тысяч девятьсот.

Триста семь - и ещё девятьсот сверху. Лишние.

В избушке Глеб берёт со стола накладную на мёд, переворачивает чистой стороной вверх и пишет формулу. Обводит её рамкой. Грифель ломается на углу рамки, и он дочищает его ножом Тимофея и обводит рамку второй раз.



Тимофей заглядывает ему через плечо.

- Ты чего, сынок, рисуешь?

- Календарь.

Тимофей хмыкает и уходит обратно к ульям.

Обратно едут в сумерках. Банки с мёдом стоят у Глеба в ногах и тихо звенят на ухабах, фары выхватывают колею, берёзы, тёмный ельник. Тимофей поёт про ямщика, обрывает на полуслове, молчит, снова поёт.

Расспросы Тимофей оставляет при себе. Только на мосту, где Енисей внизу уже чёрный и огни города дрожат в воде, говорит, глядя вперёд:

- Ты на календарь свой не смотри долго. Глаза испортишь.

И снова поёт.

У калитки «уазик» тормозит. Тимофей лезет в кузов, гремит флягами и суёт Глебу ещё одну банку, трёхлитровую, тяжёлую.

- От себя. На зиму.

- Тимофей…

- Бери, бери. Зимой спать сладко надо.

«Уазик» уезжает, фыркая. Глеб стоит у калитки с банкой в руках, в темноте, у своего тёмного дома.

Накладная с формулой в рамке лежит у него в нагрудном кармане, и Глеб прижимает её ладонью через куртку.

Глава 14. Ковш над Енисеем

Ночь на 24 сентября 2026 года. Геодезическая вышка над Енисеем

 # 23 сентября. Вологодская обл. Раненый медведь догнал и убил охотника, 73 года, который в него стрелял. Погиб один.

Банки с мёдом стоят в сенях рядком, накладная с формулой лежит на столе под лампой, и в доме от неё тесно.

Глеб ходит из горницы в кухню и обратно. Ставит чайник и выключает его за минуту до свистка. Садится к накладной, встаёт.

В половине десятого он надевает старую штормовку, берёт фонарь и выходит.

За домом поднимается холм, на холме березняк, а над березняком, в просвете, стоит вышка. Старый геодезический сигнал: железная четырёхногая пирамида в двадцать метров, со скобами по одной ноге и дощатой площадкой наверху. Под ней в бурьяне бетонный столбик пункта с медной маркой. На марке номер и год: 1974.

Тропа к вышке заросла. Ветки бьют по плечам и роняют на штормовку холодные листья.

Скобы ржавые, студёные даже сквозь перчатки. Глеб лезет медленно, тяжело, отдыхая через несколько скоб, фонарь держит в зубах. Внизу шумит березняк. Низко над левым берегом, на западе, горит оранжевый Арктур.

Площадка встречает ветром. Глеб садится на доски, и под ним во всю ширину открывается река.

На стойке площадки, у самого настила, ржавеет кольцо проволоки. Глеб подносит к нему фонарь.

Двадцать лет назад здесь висела банка.

В две тысячи шестом году Глеб, двадцатишестилетний, только что защитивший диссертацию, полез на эту вышку от избытка сил, ради вида, как лазят мальчишки. Наверху, на стойке, прикрученная проволокой, висела жестяная банка из-под чая, со стёртыми слонами на боку. Внутри, завёрнутый в целлофан, лежал листок миллиметровки.

Пункт «Берёзовый», второй класс. Кто дочитал - тот геодезист. Кто долез - тот тем более.

Сезон кончен. Ухожу в Саяны, в тайгу, насовсем. Если найдёшь - напиши. Адрес: лесничество, заимка Ведерникова. Ответ - когда прилетят лесники.

С. Ф. Ведерников, геодезист. Сентябрь 1986 года.

Почерк ровный, наклонённый вперёд, будто строки идут против ветра.

Глеб тогда написал на лесничество, без особой надежды. Ответ пришёл в апреле, через полгода, на такой же миллиметровке, тем же почерком. С тех пор двадцать лет писем, с оказией, с лесниками, по два, по три в год.

Записку Глеб положил тогда в нагрудный карман.

Теперь в нагрудном кармане лежит накладная с формулой. А Фокич один в своих Саянах, восемьдесят один год, и к нему приходил чужой медведь.

Небо над рекой ясное. Луна, почти полная, стоит на юге над городом, и звёзды от неё бледнее, чем могли бы. Но на севере, далеко от луны, ковш держится крепко: семь звёзд над тёмной водой.

По-гречески медведь - «арктос».

Глеб знает это со студенчества, а слышит впервые. Арктика - земля под Медведицей. Антарктика - земля напротив Медведицы. Север мира назван в честь зверя, который ходит по небу над ним.

Внизу течёт Енисей. Течёт с юга на север, от Саян, от Фокича, мимо дома, мимо огней Сосновоборска, к Туруханску, к Дудинке, в Карское море. В Арктику. Прямо под ковш.

Глеб поворачивает голову с юга на север, следя за рекой, пока она уходит в темноту.

Река уходит под ковш и пропадает.

В школьном атласе звёздного неба, который Глеб в детстве выучил наизусть раньше таблицы умножения, к Большой Медведице прилагалась история. Глеб вспоминает её теперь всю, с начала.

Каллисто, охотница, нимфа из свиты Артемиды. Её полюбил Зевс, и за эту любовь Каллисто превратили в медведицу. В одних пересказах это сделала ревнивая Гера, в других сама Артемида, в третьих Зевс, пряча её от жены. Итог один: медведица в лесу.

У Каллисто родился сын, Аркас. Вырос охотником. Однажды встретил в лесу медведицу. Мать узнала сына. Сын видел перед собой только зверя и поднял копьё.

Зевс успел. Подхватил обоих и забросил на небо: её - Большой Медведицей, его - то ли Волопасом, то ли Малой Медведицей, пересказы спорят. А земля, где жил Аркас, стала зваться Аркадией.

Сын с копьём и мать-медведица. Вечная охота над головой.

За ручкой ковша вечером, когда Глеб лез по скобам, горел Арктур. Его имя по-гречески - «страж медведицы». Он идёт за ней по небу всю ночь, будто охраняет. Сейчас над левым берегом пусто.

Страж медведицы ушёл раньше всех.

В третьем часу луна садится за левый берег, и небо темнеет разом, как темнеет комната, когда гасят лампу. Звёзды проступают там, где только что стояла пустая синева. Млечный Путь встаёт над рекой, мутный, как пар над Енисеем зимой.

Ковш на севере теперь яркий, отчётливый, каждая звезда на своём месте.

У средней звезды ручки Глеб снова различает слабую. Ту самую, что видел в ночь пастуха, с крыльца, краем глаза.

Теперь у неё имя. Яркая - Мицар. Слабая рядом - Алькор.

По этой паре проверяли зрение. Кочевники в пустыне, персидские воины, мальчишки, которых брали в дозор. Кто различает Алькор возле Мицара, у того глаз острый. Тысячу лет назад астроном ас-Суфи записал в своей книге звёзд: над Мицаром видна совсем маленькая звёздочка, почти прилипшая к нему, арабы зовут её ас-Суха, и по ней люди испытывают зрение.

Ас-Суха. «Забытая». «Незаметная». Та, которую обходят взглядом.

Глеб смотрит прямо - звезда пропадает. Смотрит чуть в сторону - вот она.

Пастух под Сосновоборском. Тридцать лет со стадом вдоль бетонного забора. Строка, мимо которой прошли все газеты.

Забытая звезда горит у ручки ковша, и Глеб её видит.

Сорок шесть хромосом. Двадцать три пары. Двести шесть костей. Двести шестьдесят шесть дней от зачатия до рождения. Тридцать семь пар хромосом у бурого медведя.

Это числа тел. Человеческого и медвежьего. Числа, которые носит в себе каждый, от младенца до старика, от медвежонка до шатуна, носит молча, всю жизнь.

Письмо, написанное числами тела. Прочитать его можно, только если считать. Всё остальное - шум.

На вышке, в двадцати метрах над спящим домом, Глеб впервые за много лет ясно понимает, что ему нужен второй человек. Тот, кто посмотрит на листы и скажет, где он ошибся.

Визитка лежит в бумажнике, мятая, с загнутым углом. Вешнякова. Анастасия.

Глеб раскладывает на досках накладную и оба листа, прижимает углы коленом и ладонью и фотографирует их с фонариком: накладную с формулой в рамке, первый лист, второй. Пальцы онемели, и экран перестаёт их слушаться. Глеб стягивает перчатку зубами и пишет голым пальцем, медленно, по одной букве.

Анастасия, это человек с набережной, с мёдом. Посмотрите на эти листы. Если я ошибаюсь - скажите где. Если нет - тоже скажите.

Глеб Берестов.

Своё имя он пишет ей впервые.

Палец висит над кнопкой. Внизу, в темноте, течёт река.

Отправлено.

Ковш медленно опускается к реке, поворачиваясь вокруг полюса, будто невидимая рука держит его за ручку и ведёт по кругу.

К пяти на востоке светлеет. Сначала полоса над правым берегом, потом всё небо, и звёзды гаснут одна за другой, начиная с самых слабых. Алькор уходит первым.

Иней ложится на поручни площадки, на доски, на рукава штормовки. В березняке внизу пробует голос первая птица.

Глеб достаёт телефон. Письмо ушло. Во входящих пусто.

Он гасит экран. Зажигает снова. Снова гасит.

Потом прячет телефон в карман и берётся за первую скобу. Скоба белая от инея и обжигает голую ладонь холодом.

Под письмом на экране серым стоит одно слово: «Доставлено».

Глава 15. Три гостя

24 сентября 2026 года. Дом математика, Сосновоборск, трасса

 # 3 сентября. Пировское, Красноярский край. Медведь ломился в дом. Застрелен полицейским. Пострадавших нет.

Глеб спускается с вышки, когда солнце ещё за правым берегом, и выходит из березняка к дому.

Луг вокруг дома седой от инея. По седому идут тёмные следы.

Следы идут кругом. Вплотную к стенам, под окнами горницы, мимо крыльца, мимо поленницы и снова под окнами. Виток, за ним второй, вписанный в первый, третий, четвёртый, тесно и ровно, как годовые кольца на срезе старой лиственницы.

Витков семь.

Семь.

Глеб опускается на ступеньку крыльца. Ступенька мокрая от инея, и холод проходит сквозь штормовку, а он сидит.

Пока он сидел на вышке и смотрел на ковш, зверь ходил вокруг его дома. Под его окном. Семь раз.

Последний виток размыкается у поленницы и уходит от дома вниз, по тропе к реке. Глеб встаёт и идёт по следу. Тропа скользкая, ветки в росе бьют по рукавам. На берегу песок мокрый, тёмный, и следы на нём глубже: зверь шёл тяжело, широко, вразвалку.

У самой кромки, где вода прихвачена тонким ночным ледком, след обрывается. Ледок проломлен, и в проломе стоит чёрная вода.

Тот берег стоит в тумане, белый, пустой.

Медведь вошёл в Енисей.

О медведе у жилья сообщают в охотнадзор. Так написано на листовке, которую Глеб в сентябре снял с почтового ящика у трассы и прилепил на холодильник.

Дежурная на том конце записывает адрес, время, переспрашивает: «Семь кругов, говорите?» - молчит секунду и велит приехать к одиннадцати в районную контору, в Сосновоборск. Инспектор примет.

Машину Глеб продал еще в 2012, вместе с городской квартирой. В половине десятого он стоит на остановке у трассы с папкой под мышкой.

Маршрутка приходит набитая. Бабки с вёдрами клюквы на продажу, парень в наушниках, женщина с кошачьей переноской на коленях. Радио поёт про зону и про маму. Окна запотели изнутри, и мир за ними плывёт, как в аквариуме.

На стекле у двери свежая листовка, ещё пахнущая клеем: «Осторожно! Медведи у жилья!» Ниже телефон охотнадзора, тот самый, по которому Глеб звонил утром.

Маршрутка подпрыгивает на ухабах. Глеб держит папку на коленях обеими руками.

У пятиэтажки, на первом этаже которой висит вывеска «Охотнадзор. Районный отдел», маршрутка тормозит.

В кабинете пахнет пылью и растворимым кофе. На стенах плакаты: браконьер с сетью, перечёркнутый красным; карта района с угодьями, утыканная флажками. На шкафу чучело глухаря, побитое молью.

За столом сидит молодой человек, лет под тридцать, светловолосый, в свитере с оленями, и улыбается так, будто ждал именно Глеба и рад, что тот пришёл.

- Глеб Аркадьевич? Проходите. Денис Корнеев, краевая служба.

Он раскрывает удостоверение в кожаной корочке и держит его открытым чуть дольше, чем нужно.

- Инспектор ваш на выезде. Медведи, сами понимаете. Я за него.

Глеб садится. Денис записывает: адрес, время, семь витков, след в реку. Пишет быстро, ручкой, в блокнот; компьютер на столе спит, погасив экран.

- Семь, значит, - говорит Денис. - Красиво. Медведь любит круглые числа.

- Семь - некруглое.

- Для медведя круглое. Он же по кругу ходил.

Денис крутит ручку в пальцах, как барабанщик палочку.

- Вы не смотрите, что я молодой. Я в медведях разбираюсь. На слух беру, они щёлкают, когда сдаются. - Он улыбается шире. - Я и у хозяина гостил. По работе, конечно. Так что я специалист.

Глеб улыбается. Денис улыбается в ответ. Потом говорит тем же голосом, каким говорил про сейфы:

- Вы ночью отправили письмо журналистке.

Глеб каменеет. Руки сами уходят под стол и сцепляются там в замок.

- Я охотнадзору про письмо ничего не писал.

- Сигналы бывают разные, Глеб Аркадьевич. - Денис по-прежнему улыбается. - Я вас об одном прошу. Не публикуйте. Ни вы, ни она. Не надо пугать людей числами. Граждане у нас в массе своей гуманитарии. Им цифры показывать - что заточку из рукава: вроде ничего не сделал, а всем неспокойно. Листовки видели?

- Видел.

- Вот. А тут ещё вы с арифметикой.

- Это не тайна, - говорит Глеб.

Он достаёт из папки накладную на мёд и кладёт на стол, формулой вверх.

- Это арифметика.

Денис смотрит на формулу в рамке долго, и улыбка у него на это время пропадает. Потом достаёт телефон.

- Можно?

Глеб кивает. Денис фотографирует, раз, другой, уводя телефоном блик от лампы.

- Вот и пусть остаётся арифметикой, - говорит он и отдаёт накладную. - В тетрадке. Подальше от новостной ленты.

И подмигивает.

Обратная маршрутка - в пять.

Сосновоборск строили когда-то вокруг завода: ровные пятиэтажки, широкие улицы, сосновый бор вплотную к домам. Завод давно стоит полупустой, а бор стоит как стоял и подходит к самым подъездам, будто ждёт, когда его пустят внутрь.

На каждой остановке та же листовка. На двери школы - тоже. Мамы ведут детей за руку, крепко, вплотную, и дети идут, задрав головы к соснам.

В ларьке у автостанции Глеб покупает пирожок с капустой и съедает его на скамейке. Вкус проходит мимо.

Телефон в кармане молчит с ночи. Глеб достаёт его и отправляет Асе одно слово: «Получили?» Телефон уходит обратно в карман до самого вечера.

У края площади стоит чёрная машина, большая, с краевыми номерами, такая чистая, что среди сосновоборских луж смотрится чужой, как смокинг на рыбалке. Водитель сидит за рулём и читает бумажную книгу.

Водитель переворачивает страницу.

В сумерках маршрутка высаживает Глеба на его остановке у трассы. До дома отсюда полкилометра грунтовкой вдоль березняка.

Шурша гравием, у обочины тормозит чёрная машина. Та самая.

Из задней двери выходит мужчина лет пятидесяти. Высокий, сухой, гладко выбритый, в тёмном пальто, перчатки в руке.

- Глеб Аркадьевич, - говорит он. - Добрый вечер. Простите за вторжение.

Русский у него безупречный, чуть книжный, с маленькими паузами между фразами, будто каждую он сначала взвешивает на ладони.

- Бернхард Штайнер. Консультант частного фонда. Мы изучаем долгожителей. Уроженцев Енисея, в частности.

- Я обычный.

- Именно поэтому. - Штайнер улыбается одними губами. - Нам нужен простой мазок со щеки. Ватная палочка. Пять минут. Наука.

Из внутреннего кармана он достаёт конверт, плотный, незаклеенный.

- Здесь сто тысяч. За беспокойство.

Глеб держит папку обеими руками, перед собой, как щит.

- Мои хромосомы не продаются. Их сорок шесть, и все в единственном экземпляре.

- Нам ни к чему все сорок шесть, - мягко говорит Штайнер. - Нам нужно убедиться.

- В чём?

Штайнер прячет конверт обратно в карман нераспечатанным. Достаёт визитку, тонкую, плотную, без логотипа: имя, номер. На обороте, едва ощутимый под пальцем, тиснёный медвежий след.

- Подумайте. - Он вкладывает визитку Глебу в ладонь. - Мы знаем вас дольше, чем вы полагаете, Глеб Аркадьевич.

Дверь машины закрывается мягко, почти беззвучно. Красные огни уходят по трассе и тонут в сумерках.

Дома Глеб первым делом смотрит на луг. Иней давно сошёл, круги растаяли вместе с ним. Но у крыльца, в грязи, остались отпечатки: широкая пятка, пальцы, когти. След босого мужика, сказал бы Тимофей.

Глеб топит печь. Визитку Штайнера кладёт на подоконник, рядом с банкой мёда от Тимофея, как кладут улику. Садится к таблице. Открывает. Закрывает.

Два гостя за день. Один просит молчать. Другой просит кусочек тебя на ватной палочке. Оба знают про письмо.

В двадцать два сорок по березняку у дороги мечутся фары. Машина идёт медленно, ныряя на ухабах, и останавливается у калитки. Два коротких сигнала.

Глеб выходит на крыльцо с фонарём.

Машина старая, маленькая, по самые окна в грязи. Из неё выбирается фигурка в куртке с капюшоном и машет рукой.

- Человек с мёдом? - кричит Ася от калитки. - Вы адрес в письме забыли!

- Забыл.

- Пришлось искать. У журналистов свои методы. - Она уже идёт к крыльцу, джинсы мокрые и в грязи по колено, рюкзак через плечо. - Я весь день ваши числа проверяла. Хромосомы, кости, дни. Всё сходится. Это жутковато.

В горнице Ася останавливается посредине и медленно поворачивается кругом. Карта России с красными и синими булавками. Полки с тетрадями корешками наружу. Отцовская лоцманская фуражка на гвозде. Бинокль у окна.

- Вот это да, - говорит она тихо.

Глеб ставит чайник и выставляет на стол мёд, хлеб, вазочку с конфетами. Ася садится прямо в куртке, грызёт ноготь и смотрит на карту.

- Мне утром звонили, - говорит она. - Из охотуправления. Очень вежливо просили ничего не публиковать.

- Ко мне сегодня тоже приходило охотуправление. Тоже вежливо. Сфотографировало формулу.

- Светленький? Шутит?

- Шутит.

- А это что?

Она кивает на подоконник, на визитку. Глеб рассказывает про чёрную машину, про конверт, про ватную палочку. Ася берёт визитку, вертит, проводит пальцем по тиснёному следу, вбивает номер в телефон.

- Фонд долгожителей, - говорит она. - По этому номеру в сети пусто. Совсем. Так бывает у тех, кто очень старается.

Потом берёт со стола фантик от «Мишки на Севере», оставшийся с вечера, и разглаживает его ногтем по столешнице - тем же движением, каким разглаживает фантики Глеб. Он узнаёт свой жест у неё в руках, и уши у него горят.

- А почему у вас из сладкого только это?

- Тематически, - говорит Глеб. - Медведи на льдине, медведи в таблице, и я посередине.

Ася смеётся. Коротко, удивлённо, будто смех застал её врасплох, и прикрывает рот фантиком. Смеётся дальше, уже в голос, откинувшись на спинку стула, и смех у неё хриплый, прокуренный, живой.

Глеб смотрит на неё и улыбается в бороду.

Потом они садятся за стол по-настоящему.

Его таблица - числа. Её блокнот в клетку - имена. Ася раскрывает блокнот рядом с ноутбуком, и два столбца ложатся строка в строку. Глеб называет дату и место. Ася находит строку и тихо, почти шёпотом, говорит имя. Глеб слушает. Строка - имя. Строка - имя.

На Потёсове Ася замолкает дольше обычного, и Глеб ждёт.

Потом он показывает ей листы. Интервалы. Сорок шесть хромосом, двадцать три пары. Двести шесть костей. Двести шестьдесят шесть дней вынашивания. Восьмое ноября, Дмитриев день. Ася проверяет каждое число по своему телефону сама, шевеля губами, и кивает: сходится. Снова кивает. Снова.

Чайник остывает. Ходики отбивают полночь, потом час, потом два.

Ася откидывается на стуле, трёт глаза кулаками, как ребёнок, и смотрит на Глеба поверх листов.

- Хорошо, - говорит она. - Кости. Вынашивание. Это всё про тело, про то, как человек получается.

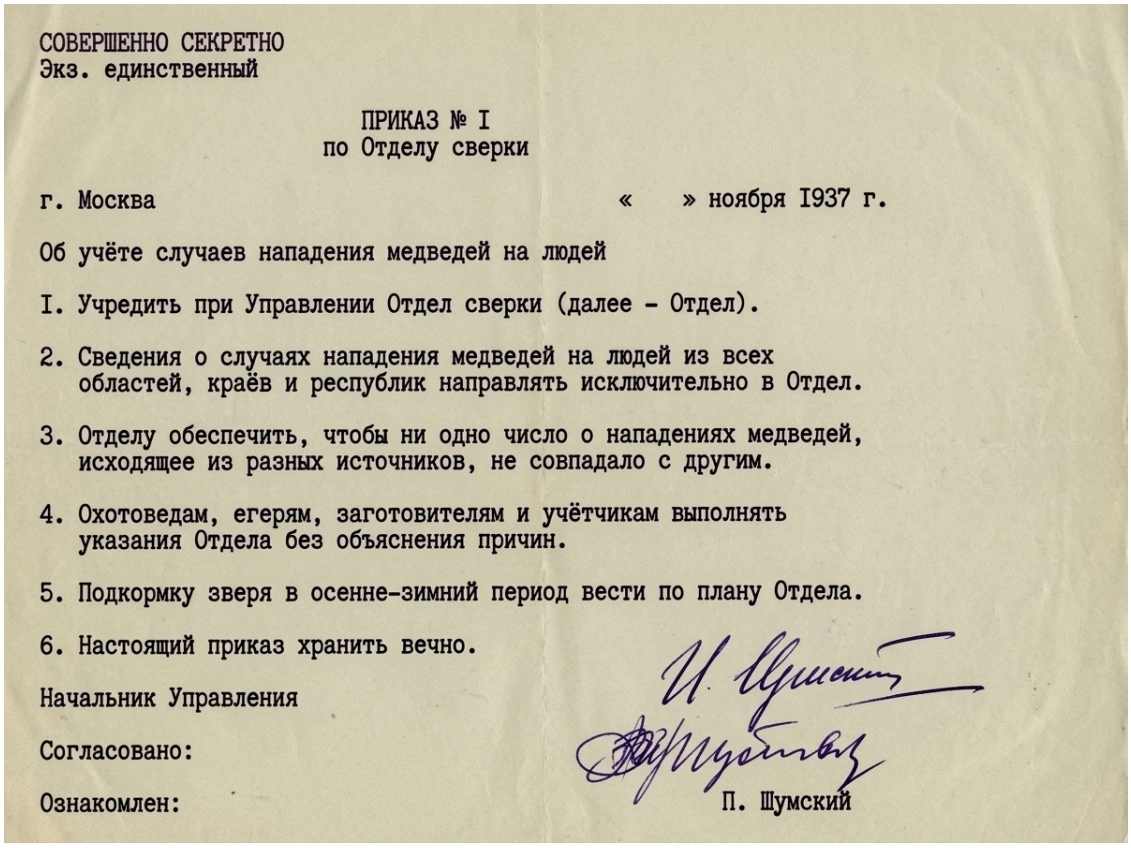
Она стучит пальцем по листу.

- А дальше что?

Глеб поворачивается к карте.

Глава 16. Приказ номер один

1930-е годы. Москва



СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Экз. единственный

ПРИКАЗ № I
по Отделу сверки

г. Москва « » ноября I937 г.

Об учёте случаев нападения медведей на людей

I. Учредить при Управлении Отдел сверки (далее - Отдел).

2. Сведения о случаях нападения медведей на людей из всех областей, краёв и республик направлять исключительно в Отдел.

3. Отделу обеспечить, чтобы ни одно число о нападениях медведей, исходящее из разных источников, не совпадало с другим.

4. Охотоведам, егерям, заготовителям и учётчикам выполнять указания Отдела без объяснения причин.

5. Подкормку зверя в осенне-зимний период вести по плану Отдела.

6. Настоящий приказ хранить вечно.

Начальник Управления

Согласовано:

Ознакомлен: П. Шумский

Телефон в коридоре зазвонил в десять минут двенадцатого.

Звонок был длинный, требовательный, и под ним коммунальная квартира в переулке у Покровских ворот разом перестала дышать. За фанерными дверями смолкли голоса, кашель, скрип кроватей. Полоски света под дверями гасли одна за другой, будто их задували.

Пётр Шумский вышел в коридор в нижней рубахе и снял трубку.

- Шумский? - спросил незнакомый голос. - Вас просят в Управление. Машина внизу.

- Сейчас?

- Машина внизу, - повторил голос, и в трубке загудело.

Мать стояла в дверях их комнаты, в платке, накинутом поверх ночной рубашки. Ни о чём не спросила. Нагнулась, вытащила из-под кровати узелок, собранный ещё весной и с тех пор стоявший там наготове, развязала, достала сухарь и сунула ему в карман пальто. Потом застегнула на нём пуговицы, снизу вверх, как застёгивала в детстве перед школой.

Пётр не сказал ей ни слова. Она ему тоже.

Дверь соседей приоткрылась на палец и закрылась.

Внизу, у подъезда, стояла чёрная «эмка» с погашенными фарами. Шофёр открыл заднюю дверь и всю дорогу молчал.

Москва лежала пустая. Шёл первый снег, мелкий, сухой, и кружил в свете фонарей над мостовой. Город был белый, тихий, чужой, и «эмка» шла сквозь него, как лодка по тёмной воде.

Управление занимало старый купеческий особняк в переулке у Китай-города. На втором этаже, в конце коридора, горел свет. Коридор был длинный, дубовый, натёртый мастикой, и шаги Шумского отдавались в нём, как на пустом вокзале.

На полпути он прошёл мимо двери, за которой ещё в октябре сидел его начальник, Николай Ильич. Табличку с двери свинтили. На лакированном дереве остались две светлые дырочки от шурупов и прямоугольник чуть темнее, там, где табличка годами закрывала дерево от солнца.

Шумский задержал на них взгляд на полшага дольше, чем было можно.

Перед дверью кабинета он поправил галстук и постучал.

В кабинете горела зелёная лампа. На столе стоял графин с водой и два стакана, перевёрнутых вверх дном. За весь разговор к графину так никто и не притронулся.

Со стены смотрели портреты. Шумский опустил глаза.

Начальник Управления, полный, лысеющий, в серой толстовке, поднялся навстречу, вытер лоб платком и снова сел. В углу, в кожаном кресле, сидел человек в гимнастёрке без знаков различия. Курил «Казбек», смотрел в окно, на снег. На Шумского он не взглянул.

- Садитесь, Пётр Андреевич. - Начальник подвинул стул. - Вы ведь у нас по учёту зверя? Пушно-меховой институт, с отличием. Николай Ильич вас хвалил. - Он осёкся и промокнул лоб. - Хвалил, да.

На стол легла папка. Серая, картонная, с завязками. На обложке: «Отчёт полевой экспедиции. Восточная Сибирь. 1936». Ниже стояла фамилия автора, залитая чернилами так густо, что бумага под ними покоробилась.

- Прочтите.

Шумский читал, придерживая лист ладонью, чтобы рука на виду не дрожала.

Таблицы. Районы, даты, нападения медведей на людей за три года. Столбцы аккуратные, честные, такие вёл бы он сам. Сводки по месяцам, по возрастам, по расстояниям от жилья. И на последней странице, от руки, ровным карандашом, вывод:

«Числа складываются в порядок. Медведи читают нас по нашему же счёту. Пока наш счёт сходится, они читают дальше».

В кабинете тикали напольные часы.

- А автор? - спросил Шумский.

- Отозван, - сказал начальник и снова промокнул лоб.

Человек в гимнастёрке впервые поднял глаза на Шумского.

- Числа не должны сходиться, - сказал он. Голос у него был негромкий, ровный, почти домашний. - Никогда. Ни в одном отчёте. Ни в одной сводке. Понимаете?

- Зачем? - спросил Шумский и сам испугался своего вопроса.

Человек в гимнастёрке затянулся, выпустил дым к лампе и долго смотрел, как дым тает в зелёном свете.

- Затем, чтобы вы долго жили, товарищ Шумский.

Начальник кашлянул.

- Вы же учётчик. Вы понимаете в цифрах.

- Я понимаю, что они должны сходиться.

- Теперь - наоборот.

Начальник подвинул к нему лист. Машинопись, лиловые строчки через копирку, пустое место там, где должно стоять число. А внизу, под «Согласовано» и неразборчивой подписью, - «Ознакомлен» и его фамилия, отпечатанная на машинке заранее. До того, как за ним приехала машина.

Шумский обмакнул перо в чернильницу и расписался.

Потом начальник положил перед ним две телеграммы. Обе из одной северной области, обе об одном и том же случае: медведь на лесозаготовках, два человека. В обеих одна и та же цифра. Двое.

- Начинайте, - сказал человек в гимнастёрке.

Перо было тяжёлое, казённое, с медным наконечником. Шумский поднёс его к двойке в одной из телеграмм и долго держал так, над бумагой. С пера сорвалась капля.

Двойка под чернилами стала тройкой.

Тройка.

Клякса рядом расплылась по промокашке, синяя, лохматая, похожая на зверя.

Через месяц от этого кабинета к Уралу, к Енисею, к Амуру пошли циркуляры с грифом. Охотоведы на дальних участках, егеря на кордонах, заготовители пушнины, учётчики в районных конторах получили указания, которые не нужно было понимать, нужно было выполнять. На опушках выросли подкормочные площадки с овсом и падалью. В районных конторах завелись карточки учёта, и если в одной карточке о случае стояло «двое», в другой, о том же случае, стояло «трое», или «один», или прочерк.

Числа расходились, как трещины по весеннему льду.

Медведи держались в лесу. Полвека.

А в ту ночь, под утро, начальник Управления

отдал Шумскому ключ.

Сейф стоял в углу кабинета, высокий, зелёный, с медной ручкой и медной табличкой: «Ф. Сан-Галли. С.-Петербургъ». Шумский положил на полку папку зоолога, сверху приказ. Начальник поставил на обложку штамп. Лиловые буквы легли криво: «Хранить вечно».

Дверца закрылась с глухим тяжёлым звуком. Ключ повернулся дважды.

Шумский вышел на улицу. Светало. Снег лёг за ночь ровно, на всё сразу: на мостовую, на крыши, на чёрную «эмку» у соседнего подъезда, которая стояла с погашенными фарами и ждала другого.

В кармане пальто лежал сухарь.

Старый профессор из пушно-мехового, сибиряк, рассказывал на лекциях, что у них в Сибири такой сейф воры зовут медведем. Студенты смеялись.

Глава 17. Вознесеновка

24–25 сентября 2026 года. Дорога и село Вознесеновка

 # 25 сентября. Вознесеновка, Красноярский край. Медведь убил женщину во дворе её дома. Погибла одна.

Глеб стоит у карты спиной к Асе, и под свитером у него ходят лопатки.

- Хромосомы, - говорит он, глядя на карту. - Пары. Кости - двести шесть дней. Вынашивание - двести шестьдесят шесть, двадцать третье сентября. Всё про то, как человек получается. Значит, следом - рождение. Двести шестьдесят седьмой день. Двадцать четвёртое. Вчера.

Он проводит ладонью по бороде.

- А в конце любой человеческой истории что?

Ася молчит. Глеб отвечает себе сам:

- Вознесение. Двести шестьдесят восьмой день. Вся жизнь за одни сутки, без середины.

Он обводит взглядом карту края, районы к востоку от города, и Ася ищет вместе с ним. Школьная карта для таких мелочей крупная: районные центры, реки, железная дорога, а сёла россыпью без подписей.

Глеб берёт со стола планшет и вбивает в поиск одно слово и край. Поиск думает секунду.

Вознесеновка. На восток, в сторону Канска. Двести сорок семь километров.

Ася смотрит на угол экрана. Два сорок одна.

- Это сегодня, - говорит она. - Глеб. Двадцать пятое уже наступило.

Номер дежурной части района она находит за минуту. Гудки идут долго. Потом сонный мужской голос.

- Дежурная часть.

- Здравствуйте. Вознесеновка, ваш район. Сегодня там может быть медведь. У жилья. Предупредите людей, пожалуйста.

- Девушка, а вы кто?

- Журналист. Вешнякова.

- А сведения откуда?

Ася поднимает глаза на Глеба. Он кивает.

- Из таблицы.

- Из какой таблицы?

- Из правильной.

В трубке молчат. Потом голос говорит вежливо, медленно, как говорят с пьяными и с детьми, что сигнал принят, спасибо, всего доброго.

Гудки.

Ася сжимает телефон так, что пластик скрипит. Потом хватает с вешалки куртку.

Глеб берёт планшет, тетрадь и термос, в который ещё вечером налил чай. Обувается на крыльце, с третьего раза попадая ногой в ботинок.

Дверь хлопает, и в горнице над картой остаётся гореть лампа.

Ася гонит на восток.

Трасса пустая, ночная, мокрая. Редкие фуры идут навстречу с горящими гирляндами над кабинами, и каждая обдаёт машину водяной пылью. В низинах лежит туман, и фары упираются в него, как в вату. Дворники стучат.

Глеб держит на коленях планшет. Синяя линия навигатора тянется на восток по трассе, а перед Канском сворачивает в районные дороги. В углу экрана время прибытия: семь ноль пять.

Семь ноль пять. Ася запоминает эти цифры, как запоминают обещание.

На втором часу пути она замечает в зеркале фары. Две точки, далеко позади, на одном и том же расстоянии. Ася прибавляет, точки тоже. Сбрасывает - они тоже. Висят в зеркале неподвижно, как две звезды.

- Глеб.

Глеб оборачивается, долго смотрит в заднее стекло.

- Охотнадзор, - говорит он.

- Тот, светленький?

- Скорее всего.

Ася прибавляет ещё. Стрелка ползёт за сто тридцать. Машину ведёт на мокром асфальте, и Глеб упирается ладонью в торпеду.

- Сколько ещё?

- Навигатор говорит - сто сорок.

- Это много?

- Два с половиной часа. Если повезёт.

«Если повезёт» Ася гонит из головы.

Фары в зеркале всё там же.

К шести бензин на нуле. Ася сворачивает на заправку у поворота на районную дорогу: четыре колонки, магазинчик, гудящие лампы под навесом, иней на стёклах.

Та самая машина встаёт у соседней колонки. Серая, служебная, забрызганная грязью до крыши.

Из неё выходит Денис. Без улыбки. Светловолосый, с бритым затылком, в старой куртке охотуправления, застёгнутой до горла. Трёт подбородок.

Ася выходит ему навстречу, оставив дверь распахнутой.

- Вы знали?

- Я знал то же, что и вы. - Денис кивает на Глеба в машине. - Ваш математик в два сорок искал в сети Вознесеновку. У нас отследили. С трёх ночи я знал.

- И что?

- И я еду.

Глеб опускает стекло.

- Вы звонили в район?

- Мне звонить не положено. - Денис смотрит в темноту за колонками. - Мне положено ехать следом.

Ася берёт в автомате два кофе и один протягивает Денису, сама плохо понимая зачем. Денис берёт.

- Давайте за мной, - говорит он. - У меня маячок. Лесовозы на грунтовке уступать будут, а время у нас на исходе.

Он достаёт из бардачка синий маячок на магните и ставит его на крышу. Маячок вспыхивает, и иней на стёклах загорается синим.

Две машины уходят с заправки одна за другой.

К семи над полями светает: сначала серой полосой на востоке, потом розовой. Районная дорога сначала асфальтовая, в заплатах, потом гравийная, потом грунтовка. Навигатор ведёт уверенно, синяя линия бежит по экрану, время прибытия - семь сорок. Потом восемь ноль пять.

В начале девятого грунтовка упирается в воду.

Осенние дожди размыли низину, и дорогу на сотню метров заливает жёлтая глинистая жижа. Посреди неё стоит лесовоз, увязший по оси, с брёвнами, сползшими набок, поперёк колеи. Водитель сидит на подножке и курит.

Денис выходит, разговаривает с ним, машет рукой назад.

Объезд.

Навигатор пересчитывает маршрут и ведёт через соседнюю деревню, полевыми дорогами, вдоль березняка. На полпути сеть пропадает, и синяя линия на экране застывает. Время прибытия гаснет.

На развилке машина Дениса встаёт. Денис опускает стекло и кричит назад:

- Связь пропала! Куда?

Ася смотрит на Глеба.

Глеб смотрит на застывшую картинку, потом на солнце, потом на березняк.

- Направо. Солнце там, восток там, река внизу. По старой картинке село за рекой.

- Ты уверен? - спрашивает Ася.

- Нет. - Пауза. - Направо.

Ася высовывается в окно и показывает Денису рукой: направо.

Направо. Брод через мелкую речку, вода по ступицы. Подъём в глине, машину стаскивает назад, Ася коротко, по-мужски ругается сквозь зубы и даёт газу. Денис впереди машет рукой из окна: давай, давай.

Часы на приборной панели: 8:40. Потом 9:50. Потом 10:30.

На экране планшета там, где должно быть село, висит серое пятно.

В одиннадцать сорок на взгорке показываются крыши Вознесеновки. У крайнего двора стоит полицейская машина, и люстра на крыше переливается синим и красным.

Крайний двор от улицы отделяет штакетник, когда-то голубой. На штакетник намотана жёлтая лента. Скорая уже уехала. Соседи стоят вдоль улицы кучками, по двое, по трое, женщины в платках поверх курток, мужчины без шапок.

Во дворе огород. Картошка выкопана наполовину: ровные ряды разрыхлённой земли, потом нетронутая ботва. У грядки лежит перевёрнутое ведро, и клубни раскатились из него по чёрной земле, до самой межи.

На цепи у будки воет пёс. Рыжий, лохматый, дворовый. Воет на одной ноте, долго, и замолкает, только чтобы набрать воздуху.

Денис показывает полицейским удостоверение и отходит с ними к машине. Говорят вполголоса. Охотники, слышит Ася, уже ушли по следу, к реке.

Ася стоит у ленты. Держится рукой за забор. Краска под пальцами шершавая, облупленная.

К ней подходит соседка, пожилая, в пуховом платке, с покрасневшими глазами, и говорит, глядя на огород:

- С утра. В девятом часу. Картошку копала. Пёс лаял, а он у неё всегда лает, на всё подряд лает, кто ж его слушает. Кто ж знал.

Она называет имя. Ася повторяет его про себя, шевеля губами, как повторяют чужой номер телефона, чтобы запомнить без бумаги.

В девятом часу.

Навигатор обещал семь ноль пять.

Глеб стоит у Аси за спиной, большой, неподвижный, и взгляд у него на ведре. Ася чувствует его спиной, как чувствуют печь в доме.

Пёс на цепи замолкает, ложится, кладёт морду на лапы и смотрит на огород.

Ася садится за руль и сидит, глядя перед собой.

Лобовое стекло в грязи, сквозь грязь видна улица и жёлтое пятно ленты. Руки лежат на руле. Ключ так и торчит в замке зажигания.

Глеб садится на пассажирское, и закрывает дверь тихо, придерживая.

Ася плачет.

Сначала беззвучно, потом в голос, лбом на руле, как плачут дети, которых обидели насовсем. Плечи ходят. Волосы падают на руль. Две недели назад, после звонка бабушке, она пла-

кала одна, на полу кухни, спиной к холодильнику. Здесь рядом человек, и от этого плакать легче и хуже одновременно.

Глеб сидит, уронив на колени огромные бесполезные руки. Потом достаёт из-под ног термос. Отвинчивает крышку, наливает чай, и пар поднимается к запотевшему стеклу.

Он держит крышку с чаем в ладони и ждёт.

Ася поднимает голову. Лицо мокрое, красное. Она берёт чай обеими руками и держит у губ. Шепчет имя, которое узнала у соседки.

Глеб кивает.

Его рука ложится на рычаг коробки передач, рядом с её рукой, которая соскользнула туда с колен. Рядом. Близко. Между ладонями - ширина пальца.

В двух шагах от машины останавливается Денис. Снимает кепку и стоит с ней в руке, глядя на лобовое стекло, за которым двое сидят и молчат.

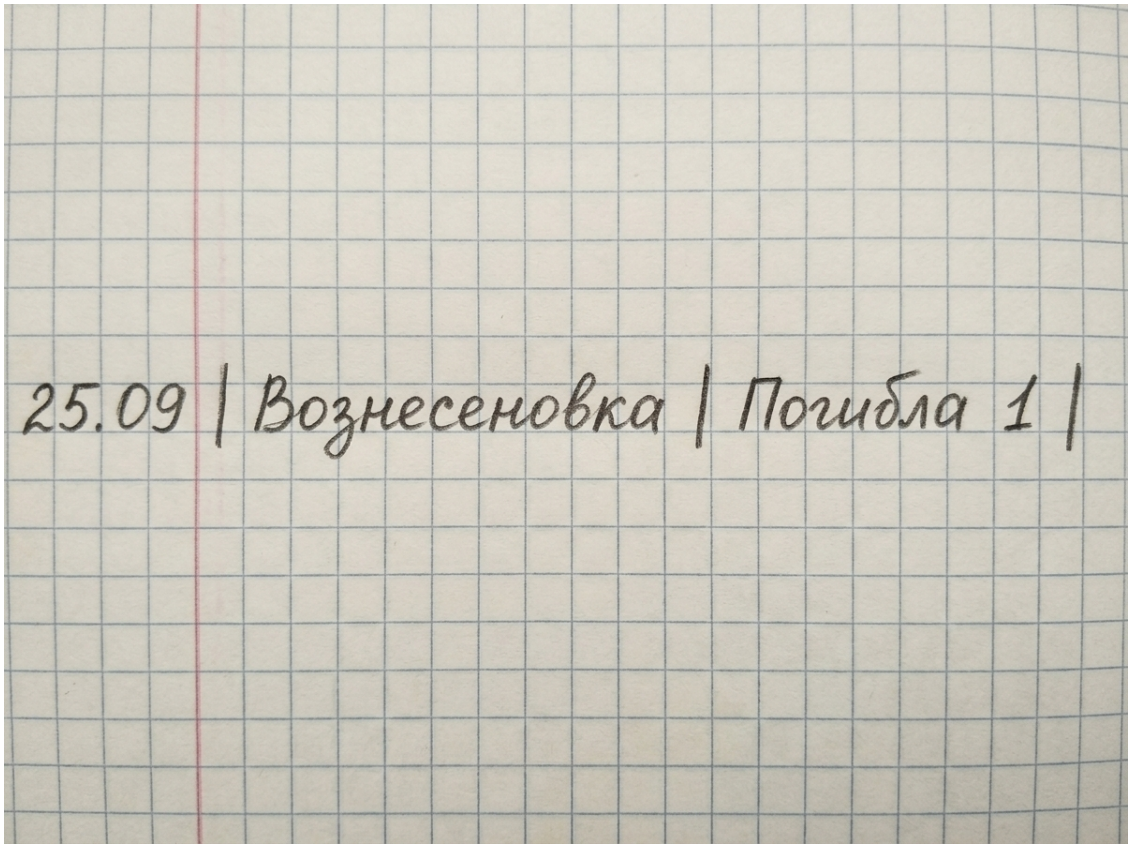
Потом надевает кепку и уходит к полицейским.

Ася пьёт чай. Он уже остыл.

Обратно едут молча.

На запад, в закат. Та же глина, тот же брод, тот же объезд через соседнюю деревню. Потом гравий, асфальт в заплатах, трасса. Фуры. Денис остался в селе с полицейскими, и в зеркале теперь пусто.

Тетрадь у Глеба на коленях. В сумерках, когда трасса выпрямляется, он открывает её и пишет строку, медленно, крупно, чтобы карандаш в машине держал линию.



Рядом мелко: «предсказано».

Ниже, отдельно: «опоздали на три часа».

Карандаш замирает. Глеб смотрит на дорогу.

- Я посчитаю следующий, - говорит он. - И мы поедем раньше.

Ася кивает. Держит руль обеими руками, крепко, и смотрит вперёд, в красную полосу заката над трассой.

Глава 18. Медвежий Лог

26–28 сентября 2026 года. Медвежий Лог под Красноярском

 # 3 сентября. Ходырево, Вологодская обл. Мужчина залез на дерево и кричал, пока медведица с медвежонком не ушли. Пострадавших нет.

В субботу Ася приезжает в десять утра. Лицо серое, под глазами тени, в руке телефон. Машину она бросает у калитки поперёк дороги, как бросают, когда некогда.

- Смотри, - говорит она с порога и протягивает телефон экраном вперёд.

Одно крупное издание, недельная сводка: с начала года медведи убили в России двадцать одного человека.

Глеб садится к ноутбуку, открывает таблицу и считает погибших. Мыльву и Магадан, спорные, он откладывает в сторону.

Двадцать один.

За полгода это первый раз, когда чужое число совпадает с его числом. Энциклопедия писала шесть. Агентство - семнадцать. Следователи - шесть. Издание Аси - десять. Теперь двадцать один, и у него двадцать один.

- Двадцать один, - говорит Ася. - Как у тебя. Наконец кто-то посчитал правильно.

- Наконец.

- Ты чего?

Глеб медленно опускает крышку ноутбука.

- Совпало, - говорит он. - Раньше у всех было по-разному.

Ася ждёт продолжения, а Глеб молчит и трёт ладонью бороду.

За ночь в ленте прибавилось три строки: Черёмушки, улус в Бурятии, Широкая Падь. Везде раненые. Глеб снова открывает ноутбук и вносит их одну за другой. Счёт погибших от этого остаётся прежним.

У калитки тормозит знакомая серая машина.

Денис стучит один раз, для порядка, и входит. В руке пакет беляшей из придорожного кафе, промокший жиром насквозь. Глаза у Дениса красные, как у человека, который вторые сутки на ногах.

- Двадцать один у вас? - спрашивает он с порога.

- Двадцать один.

Денис садится на табурет у печки, кладёт пакет на колени и долго молчит.

- У начальства от вашего двадцати одного с утра давление, - говорит он наконец.

- Почему? - спрашивает Ася.

- Начальство не докладывает.

Глеб встаёт и идёт к карте на стене. Стоит перед ней, заложив руки за спину.

- Вознесение - двести шестьдесят восьмой день, - говорит он карте. - А после смерти по-старому считают дни. Третий, девятый, сороковой. Третины, девятины, сороковины. - Он поворачивается к ним. - Двести шестьдесят восемь плюс три. Двести семьдесят первый день. Двадцать восьмое сентября. Понедельник.

- Где? - спрашивает Ася.

- Про место формула молчит.

Денис разворачивает беляш, держит его в руке и заворачивает обратно.

- Я в Вознесеновке ведро видел, - говорит он, глядя в окно. - С картошкой.

В горнице становится так тихо, что слышно, как в печи оседают угли.

Денис достаёт телефон, находит нужное и кладёт телефон на стол экраном вверх.

Служебная сводка охотнадзора по краю за сутки. Районы, строки, числа. Одна строка выделена жёлтым: Медвежий Лог, сорок километров от Красноярска. Медведь третью ночь ходит по огородам. Задрал собаку на цепи. Охотовед Брагин просит разрешение на отстрел.

- Вот где, - говорит Денис.

- Медвежий Лог, - читает Ася вслух.

Глеб наклоняется над телефоном и читает строку дважды.

- Совпадение в названии - пустое, - говорит он. - Совпадение дня - нет.

Денис забирает телефон и встаёт.

- Сводка, если что, для служебного пользования. - Он надевает куртку. - Я вам её не показывал.

В воскресенье в десять они выезжают на машине Аси. Денис едет следом на своей серой. Сорок километров: трасса, поворот, гравийка вдоль ручья, и потом дорога ныряет вниз, в лог.

Село лежит на дне лога, как в ладони. Склоны в березняке и пихтах, по дну ручей, вдоль ручья одна улица. Три десятка домов. Половина с заколоченными окнами, у других дачные теплицы под мутной плёнкой и бани у самой воды. Огороды тянутся вверх по склонам до самого леса, и лес стоит над ними тёмной стеной.

У правления, белого кирпичного домика с выцветшим флагом, их ждёт охотовед. Крепкий, кривоногий, с обветренным красным лицом, в старом камуфляже. Карабин он носит на сгибе локтя, как зонтик.

- Брагин, - говорит он и протягивает руку по очереди каждому. - Николай Михайлович. Можно Михалыч.

Ладонь у него твёрдая и тёплая, как нагретая на солнце доска.

Он ведёт их вдоль улицы и показывает. У изгородей следы, старые и свежие, вдавленные в подмёрзшую грязь. Две доски в заборе выломаны. Пустая будка у Сидоровых, рядом цепь, разорванная посередине, звено разогнуто, как проволока.

- Третью ночь ходит, - говорит Брагин. - Сначала по огородам. Потом к собакам. Позавчера Тузика у Сидоровых взял, с цепи.

Он останавливается и кивает на склоны.

- При Союзе тут на каждом участке свой егерь сидел. Подкормочные площадки, овёс, солонцы. Учёт по следу каждую зиму, каждую голову знали. Медведь понимал, где ему кормиться, а куда соваться дорого. - Брагин сплёвывает в сторону. - Потом всё рассыпалось. Медведь умный: мы лес бросили, а он подобрал.

- А премия? - спрашивает Ася. - Говорят, за голову платят.

- Тридцать шесть пятьсот, - Брагин морщится. - Это не охота. Это базар.

Денис идёт рядом и разглядывает следы, присев на корточки.

- Мой дед егерем был, - говорит он, глядя в след. - В сети. Под Ачинском.

Брагин долго смотрит на его бритый затылок.

- Тогда ты наш, - говорит он.

Следы у изгородей сходятся к крайнему дому над логом.

В крайнем доме живёт дед Афанасий. Восемьдесят восемь лет, один, глуховат.

Дом старый, крепкий, с резными синими наличниками, под шиферной крышей. Окно горницы выходит прямо на лог, на ручей и на лес за ручьём.

Дед встречает их на крыльце в валенках и ватной жилетке, щурится и подставляет к уху ладонь лодочкой.

- Чего?

- Гости, дед! - кричит Брагин. - Из города!

- А. Ну заходите, раз гости.

В горнице жарко. На столе самовар, на стене в рамке фотография женщины в платке. Ходики. На лежанке рыжий кот, который при виде Дениса поднимается и уходит за печку. Кровать деда стоит под самым окном, на лог, застеленная лоскутным одеялом.

Дед разливает чай в стаканы с подстаканниками и пододвигает вазочку с сушками.

- Вероятность того, что зверь придёт к вашему дому в ближайшие двое суток… - начинает Глеб.

- Чего?

Ася наклоняется к самому его уху.

- Медведь, дед! Медведь ходит! К вашему дому!

- Ходит, ходит. Пусть ходит. - Дед смеётся беззубо. - Я тут восемьдесят восемь лет хожу, и он ходит.

- Уедем к родным! На неделю!

- Куда я от Маши. - Дед кивает на фотографию в рамке. - Пятьдесят лет у этого окна сплю. И ещё посплю.

- Дед, ночью он придёт!

- Сплю я крепко, девка, - говорит дед и прихлёбывает чай с блюдца. - Хоть из пушки пали.

Брагин молча поправляет на плече карабин.

К ночи Брагин расставляет людей.

Себя и Дениса он ставит за сараем Сидоровых, напротив дедова дома, у пустой будки. Оттуда видны огород, изгородь и край лога. Асю и Глеба сажает в машину на околице, на дороге, что спускается к ручью, и выдаёт им две вещи: рацию и тепловизор, чёрный, тяжёлый, как бинокль.

- Ты, математик, глазастый, - говорит он Глебу. - Смотри в эту штуку. Что тёплое и большое - сразу в рацию.

Ночь ясная, морозная. Стёкла машины затягивает инеем, и Ася протирает лобовое рукавом. Мотор заглушён: от него шум. В салоне холодно, пар изо рта.

В тепловизоре мир серый, зернистый, и в этом сером светится всё живое. Коровы в хлеву у соседей горят, как печки. Кот на крыльце деда - маленькая белая запятая. Мышь в стерне, пискнувшая и пропавшая. Окно горницы, за которым спит дед, едва тёплое.

- Ты считаешь? - шёпотом спрашивает Ася.

- Нет. Смотрю.

- Это у тебя бывает?

- С сегодняшнего дня.

Ася улыбается в темноте. Наливает из термоса чай, отпивает и передаёт крышку ему. Чай горячий, сладкий, с мёдом Тимофея.

К четырём часам она засыпает, привалившись к его плечу. Глеб сидит неподвижно. Плечо затекает, потом немеет рука до самых пальцев, а он всё сидит и держит тепловизор другой рукой, на коленях.

Ночь проходит пусто.

На рассвете в рации хрипит голос Брагина:

- Подходил. По ручью, за баней. Там у тебя мёртвая зона, математик.

У самой изгороди над логом, на инее, свежие следы. Зверь поднялся из лога, постоял у забора, развернувшись к дому, и ушёл обратно. Брагин присаживается над следом и долго смотрит вниз, в лог, где над ручьём лежит туман.

След уходит вниз, в туман.

В понедельник Ася отсыпается в машине до полудня, свернувшись на заднем сиденье под Глебовой курткой.

Денис и Брагин весь день ходят по огородам. Выбирают место, откуда видно и окно, и изгородь, и тропу из лога. Чистят карабины на крыльце правления, на расстеленной мешковине, пахнущей ружейным маслом.

- Под Ачинском у деда участок за рекой был? - спрашивает Брагин, протирая затвор.

- За рекой.

- Знаю участок. Хороший был участок. - Брагин щёлкает затвором. - Теперь там дачи.

Глеб сидит у деда Афанасия.

Дед кормит кота, ставит самовар и рассказывает, больше себе, чем гостю. Глеб понимает его через слово: дед говорит быстро, глотая окончания, и смеётся в самых неожиданных для Глеба местах.

- Весной пятьдесят пятого медведь к нам на пасеку пришёл. Отец за ружьё, а егерь, Степан Ильич, говорит: не трожь. Пальнул в воздух - тот и ушёл. И больше не ходил. Егерь своё дело знал. - Дед вздыхает. - Хорошее было время. Медведь в лесу, люди в селе, и всем понятно.

Вечером Брагин приходит к деду сам и кричит ему в ухо, что ночевать сегодня надо у соседей, у Сидоровых, через три дома.

- Чего?

- У Сидоровых ночуй, говорю!

- У Сидоровых храпят, - говорит дед. - Я у себя посплю.

И ложится, как всегда, на свою кровать под окном.

В девять в доме деда гаснет свет. Почти сразу из-за двери слышен храп, ровный, раскатистый, на всю горницу.

В двадцать три тридцать в тепловизоре, на дне лога, вспыхивает большое тёплое пятно.

Глеб нажимает кнопку рации. Голос садится до шёпота.

- Михалыч. Лог. Большое.

- Вижу, - отвечает рация.

Ася просыпается сразу, без перехода, и садится прямо.

Пятно поднимается по склону. Медленно, тяжело, с остановками. У изгороди замирает. Потом треск - доска ломается, звук приходит через секунду, с опозданием, как гром после молнии.

Пятно идёт через огород. Прямо к окну, за которым храпит дед.

Из-за сарая выходят двое. Брагин впереди, Денис чуть сбоку.

- Эй! - кричит Брагин. Голос у него неожиданно высокий, резкий. - Пошёл! Пошёл отсюда!

Пятно останавливается. Разворачивается на голос. И идёт на голос, быстрее, быстрее, всё больше в зерне тепловизора.

Выстрел.

Второй.

Пятно оседает у самого крыльца и гаснет медленно, как гаснет уголь.

Тишина. Только эхо гуляет по логу, от склона к склону, и уходит вниз, к ручью.

Глеб смотрит на экран телефона. Двадцать три пятьдесят две. Двадцать восьмое сентября.

Ася выскакивает из машины и бежит. Глеб бежит за ней, путаясь в мёрзлой ботве. У крыльца лежит огромная тёмная туша, и от неё в морозный воздух поднимается пар. Брагин стоит над ней с карабином у плеча.

Ася рвёт дверь дедова дома.

Из горницы, сквозь тишину, раскатисто, на всю избу, доносится храп.

Денис стоит у сарая и медленно опускает карабин. Руки у него трясутся только теперь, когда всё кончено.

Утром у ворот стоит машина районной охотинспекции. Туша накрыта брезентом, брезент побелел от инея.

Дед Афанасий выходит на крыльцо в валенках, с котом на руках. Щурится на солнце, на брезент, на людей у ворот.

- Чего палили-то ночью, мужики? - спрашивает он. - Свадьба, что ли?

- Свадьба, дед, - говорит Брагин. - Медвежья.

Дед долго смотрит на брезент.

- Ишь ты, - говорит он. - А я и не слыхал.

Ася смеётся и плачет одновременно, уткнувшись лицом в рукав. Брагин закуривает и отворачивается к логу. Денис отходит к машине, звонит начальству, говорит коротко и возвращается молча.

Глеб открывает тетрадь. Ставит дату. Пишет: «Медвежий Лог. Человек цел».

Таблица остаётся без этой строки. Таблица - для тех, к кому опоздали.

Под счётом погибших он обводит прежнее число. Двадцать один.

Глава 19. Счёт не может уменьшиться

29–30 сентября 2026 года. Дом математика и Красноярск

 # Конец сентября. Устье, Камчатка. Гибель жителя в лесу. Погиб один.

Из Медвежьего Лога выезжают в половине девятого. Дед Афанасий машет им с крыльца свободной рукой, а под мышкой у него кот, зажатый, как валенок.

Ася ведёт машину с опущенным стеклом и подпевает радио, перевирая слова. Двое суток почти без сна, а лицо у неё светится, как у человека, который впервые за месяц выиграл.

Глеб на пассажирском листает ленту на планшете.

Независимая хроника, которую ведут волонтёры, выложила свежую сводку за год. Двадцать погибших. Двадцать четыре раненых. Сорок два случая. Ниже разбивка по месяцам: один, два, один, один, один, четыре, два, семь, двадцать три.

- Сорок два, - говорит Глеб.

- Что сорок два?

- Случая. И хромосом у большой панды - сорок две.

- Панда-то тут при чём?

- У бурого медведя семьдесят четыре. У нас сорок шесть. У панды сорок две. - Он ведёт пальцем по экрану. - Двадцать погибших и двадцать четыре раненых - сорок четыре человека. Аутосомы.

Ася смеётся.

- У тебя всё хромосомы.

- Не всё. Август - семь. Сентябрь - двадцать три.

- Двадцать три?

- Двадцать три случая за один сентябрь.

Ася перестаёт подпевать. Протягивает руку и выключает радио на полуслове песни.

До самого дома они едут в тишине.

После обеда они садятся за стол вдвоём.

Его ноутбук и её ноутбук стоят экранами друг к другу, между ними банка мёда, на плите шумит чайник, который опять забыли снять. Под столом её колено иногда задевает его колено, и оба делают вид, что стол узкий.

Ася ищет быстро, в три вкладки сразу, и за час находит то, до чего Глеб добирался бы неделю.

- Енисейский округ, - читает она. - За двое суток добыли тридцать семь медведей. По краю - тридцать девять за день.

- В Потапихе погибшему было тридцать девять, - говорит Глеб.

- Или шестьдесят девять.

- Или шестьдесят девять.

Он пишет. Ася ищет дальше.

- Численность, - говорит она. - В девяностом году, по старому учёту, бурых медведей в России около ста тридцати тысяч. Сейчас - триста семь и девять десятых.

Глеб делит на краю салфетки. В два и три десятых раза.

- В крае около тридцати тысяч, - добавляет Ася.

Глеб достаёт из папки чистый лист миллиметровки и пишет наверху: «Лист 3. Счёт».

К вечеру Ася находит премию.

- Краевая выплата охотнику за медведя, добытого у жилья, - читает она, щурясь в экран. - Тридцать шесть тысяч пятьсот рублей.

Глеб делит на триста шестьдесят пять. Получается ровно сто.

- Сто лет, - говорит он. - Если считать днями.

Ася долго молчит. Потом говорит, глядя в экран:

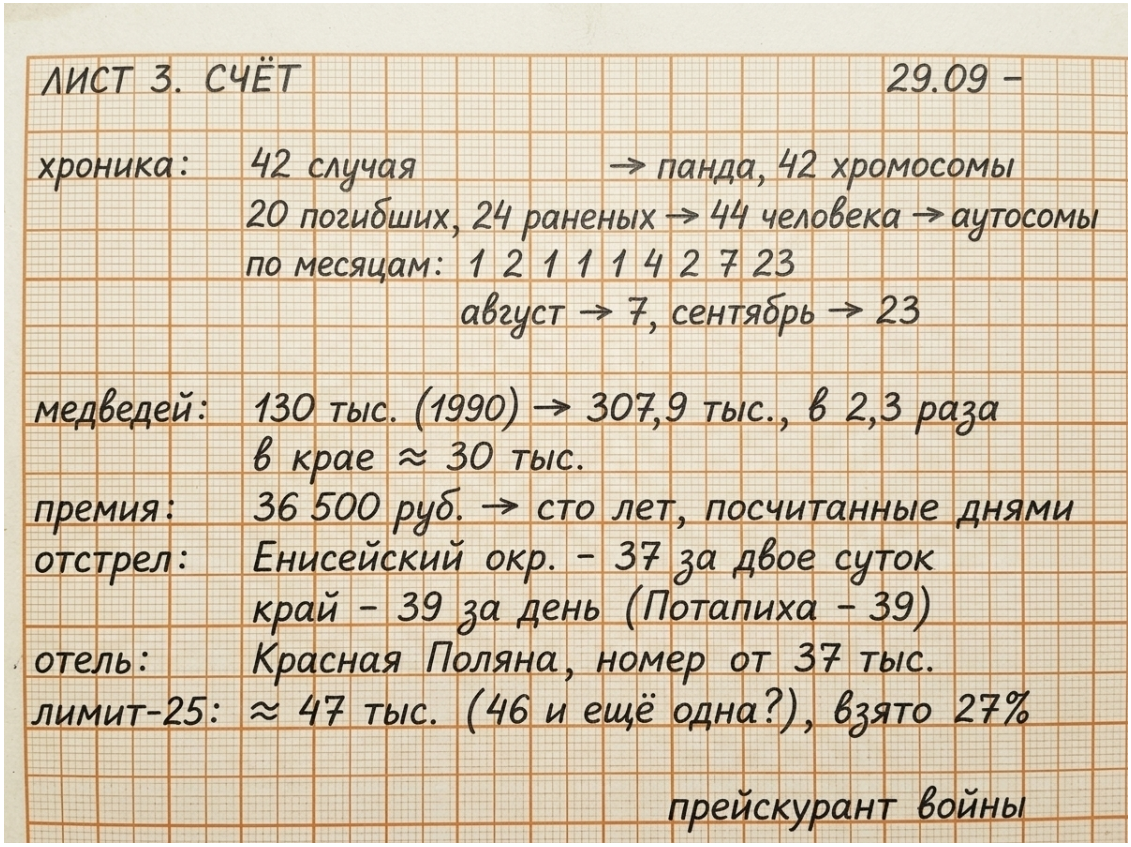
- У нас на планёрке, в начале месяца, Женька шутил. Про отель на Красной Поляне, куда медведь заходил. Номер там от тридцати семи тысяч.

- Медведь дешевле ночи в отеле, - говорит Глеб.

- Лимит на прошлый год - около сорока семи тысяч. Добыли двадцать семь процентов.

- Сорок семь. - Глеб пишет и ставит рядом в скобках: «46 и ещё одна?»

Он сводит всё на лист, строку за строкой, ровным почерком, и под чертой пишет два слова. Обводит их дважды.


ЛИСТ 3. СЧЁТ 29.09 –

хроника: 42 случая → панда, 42 хромосомы
20 погибших, 24 раненых → 44 человека → аутосомы
по месяцам: 1 2 1 1 1 4 2 7 23
август → 7, сентябрь → 23

медведей: 130 тыс. (1990) → 307,9 тыс., в 2,3 раза
в крае ≈ 30 тыс.
премия: 36 500 руб. → сто лет, посчитанные днями
отстрел: Енисейский окр. – 37 за двое суток
край – 39 за день (Потапиха – 39)
отель: Красная Поляна, номер от 37 тыс.
лимит-25: ≈ 47 тыс. (46 и ещё одна?), взято 27%

прейскурант войны

Ася смотрит на лист через его плечо.

- Ты страшные вещи пишешь красивым почерком, - говорит она.

За полночь она уезжает в город.

В среду в восемь утра звонит телефон.

- Двадцать два, - говорит Ася вместо приветствия. Голос у неё сиплый, злой. - Одно издание. Двадцать два погибших с начала года. Включаю громкую, смотри ссылку.

Глеб открывает ссылку. Заголовок, двадцать два. Ниже разбивка по регионам, столбиком. Он складывает. Двадцать один. Складывает ещё раз, медленнее, сверху вниз и снизу вверх. Двадцать один.

- По регионам двадцать один, - говорит он.

- Значит, один лишний.

- Значит, один живой.

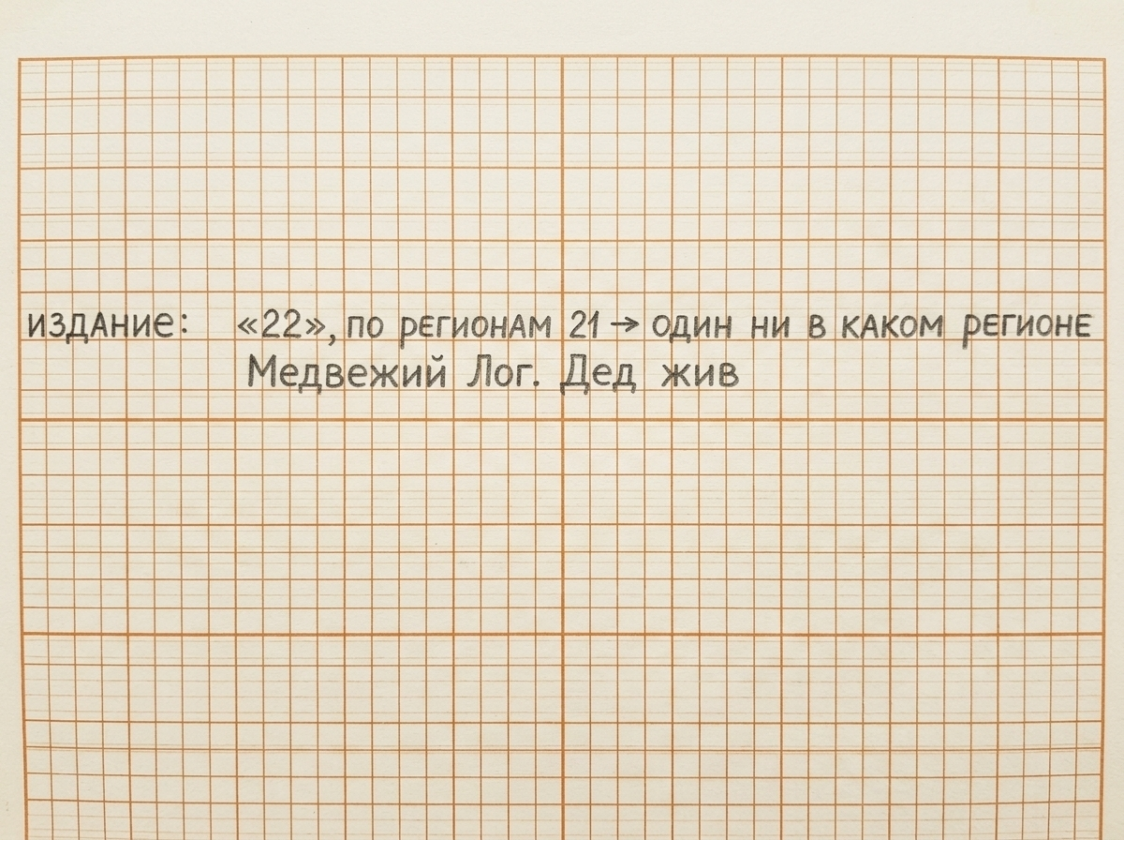
В тексте под заголовком одна строчка без региона: восьмидесятивосьмилетний житель села под Красноярском, ночь на двадцать девятое сентября.

Трубка молчит.

- Дед, - говорит Ася.

Она уже нашла и источник. В районном чате в ночь на двадцать девятое появился пост: у нас деда медведь задрал, всю ночь палили. Утром под постом три сочувствия и одна свечка. В Медвежьем Логу у всех свои дела, и пост так и висит.

Глеб берёт третий лист и дописывает под отелем ещё две строки.



Потом кладёт карандаш поперёк листа.

В десять у калитки останавливается серая машина. Денис выходит, закуривает и остаётся стоять у штакетника.

Глеб выходит к нему с планшетом. Утро сырое, над Енисеем лежит туман, и дым сигареты висит в нём неподвижно.

- Двадцать два - это ваши? - спрашивает Глеб.

Денис долго смотрит на реку.

- Это не я, - говорит он.

- А кто?

Денис докуривает. Тушит окурок о штакетник и кладёт его в карман куртки. Потом садится в машину.

Серая машина уходит вдоль реки и пропадает в тумане.

В час Ася забирает Глеба и везёт в город.

В её редакции он впервые. Стеклянная башня у реки, лифт с зеркалом, в котором Глеб видит себя целиком - бородатого, огромного, в штормовке, - и отворачивается. Потом этаж: столы, столы, люди в наушниках, экраны, на стене большой экран с графиками, которые ползут вверх и вниз, как кардиограмма. У кулера булькает вода.

Глеб стоит посреди редакции большой и чужой, как лодка, вытащенная на асфальт. На него оборачиваются.

Ася тянет его за рукав к стеклянной будке в углу.

Валерий слушает молча. Крутит в пальцах очки за дужку. Ася говорит быстро, рубя слова: дед живой, она видела его своими глазами, он спрашивал, чего палили, а в «двадцати двух» он мёртвый, и это уже в сорока перепечатках.

- Жив - это не новость, Вешнякова, - говорит Валерий, когда она замолкает.

- Человек жив!

- Я рад. Честно. - Валерий кладёт очки на стол. - Но счёт не может уменьшиться. Вверх - это новость. Вниз - это опровержение. Опровержения никто не читает. Двадцать два уже стоит в сорока лентах. Ты напишешь «двадцать один», и тебе ответят: у вас устаревшие данные.

- Монотонно неубывающая функция, - говорит Глеб.

Валерий поднимает на него глаза. Смотрит долго, потом смеётся, коротко, в первый раз за весь разговор.

- Во. Запишу себе на стену.

Стол Аси у окна. Блокнот в клетку, кактус в треснувшем горшке, кружка с отбитой ручкой. Глеб стоит у её окна, пока она дописывает заметку в ноутбуке, и смотрит вниз. Отсюда виден Енисей, широкий, серый, мост через него и на горе над городом - белая часовня, маленькая, на самой макушке.

Так вот что она видит каждый день.

На обратной дороге Ася читает с телефона, уткнувшись в экран, пока стоят на светофоре:

- Краевые следователи. Семь погибших в крае с начала года.

Глеб считает про себя, загибая пальцы на правой руке.

Потёсово - две женщины. Два пальца. Прииск Южный. Три. Пастух у забора под Сосновоборском. Четыре. Верхний Кедеж. Пять. Правая рука сжата в кулак. На левой - Потапиха. Вознесеновка.

Семь.

Пастух, которого ленты так и проглядели, у следователей в счёте. Седьмой.

Светофор переключается. Ася трогается и смотрит на его руки: правая в кулаке, на левой два загнутых пальца.

- Седьмой, - говорит Глеб.

В одиннадцать вечера лента приносит строку с Камчатки.

У села Устье, в лесу, погиб местный житель. Подробностей пока ноль.

Глеб вносит строку в таблицу. Дата - конец сентября, точнее лента пока сказать затрудняется. Место. Что произошло. Погиб один.

Погибших у него теперь двадцать два.

Устье - место, где река кончается. Где пресная вода уходит в солёную и становится морем. Конец реки. Конец сентября.

Глеб берёт третий лист и внизу, под прейскурантом, выписывает лестницу. Все числа, которые за месяц дали все, кто считал. Энциклопедия, издание Аси, агентство, волонтёры, субботнее издание, сегодняшнее.

лестница: 6 · 10 · 17 · 20 · 21 · 22 ·

После двадцати двух он ставит точку.

Карандаш висит над листом. Глеб кладёт его на стол.

Лестница на третьем листе обрывается на двадцати двух, и место для следующей ступеньки остаётся пустым.

Глава 20. Двадцать третий

1 октября 2026 года. Дом математика

 # --- | --- | --- | --- | странность

После Устья Глеб делает то, что делает в последний день каждого месяца.

С полки над столом он снимает амбарную книгу в зелёном коленкоре. На обложке, на бумажной наклейке, его рукой: «Медведи. 2026». Страницы разлинованы по линейке на пять колонок: дата, место, что произошло, жертвы, теги.

Таблица живёт в ноутбуке, и там всё: раненые, отпор, медведь у забора, медведь в отеле. А в амбарную книгу в последний день месяца Глеб переписывает набело только погибших. Строка - человек. Отец так переписывал вахтенный журнал: черновик ведут на ходу, а набело пишут, когда вахта сдана.

«Что набело, то навсегда», - говорил отец.

Сентябрь длинный. Потёсово, две строки. Прииск Южный. Хуртай. Байкал. Пастух у забора. Алымово. Верхний Кедеж. Красноярье, две строки. Полуночная, две. Камчатка. Потапиха. Вологодская. Вознесеновка. Тыва.

Глеб выводит каждую цифру медленно, крупно, как отец выводил время вахты. Ходики тикают. Печь остывает, от окна тянет холодом. К часу ночи буквы начинают плыть, и Глеб трёт глаза кулаком и пишет дальше.

Устье он пишет последним.

Потом голова его опускается на сгиб локтя, и карандаш, выпав из пальцев, катится по столу.

Глеб просыпается от холода.

За окном серый рассвет, а лампа на столе всё ещё горит, жёлтая и ненужная. Печь холодная. Шею заклинило, и голову он поворачивает вместе с плечами, как старик.

Карандаш лежит на полу у ножки стула.

Амбарная книга раскрыта на сентябре.

По привычке, прежде чем закрыть книгу, Глеб сверяет итог. Ведёт пальцем по строкам от января вниз и считает. Тельдек - один. Мухинский - два. Озёрный. Алтай, палатка у реки. Потом сентябрь, строка за строкой. Вознесеновка - двадцатая. Тыва - двадцать первая. Устье - двадцать вторая.

Палец идёт ниже.

Двадцать три.

Под строкой Устья стоит ещё одна.

В колонке даты пусто. В колонке места пусто. В колонке «что произошло» пусто. В колонке «жертвы» пусто. А в последней колонке, его почерком, его карандашом, одно слово: «странность».

Глеб открывает ноутбук. В таблице погибших двадцать два.

В книге - двадцать три.

Лампа так и горит над столом, и он забывает её погасить.

Из ящика стола Глеб достаёт отцовскую лупу в латунной оправе и наклоняется над строкой.

Петля в «т», которую он ставит с третьего класса. Нажим, от которого ломаются грифели. Наклон вправо, к краю листа, будто буквы торопятся. Тот же карандаш: на торце следы его зубов.

Почерк его.

Он перебирает ночь. Переписывал. Пастух. Вознесеновка. Устье. Голова на руке. Дальше пусто, как в этой строке.

С полки он снимает тетрадь сна, серую, тонкую. В ней зимние месяцы, записанные часами: четырнадцать, тринадцать, пятнадцать. Летние строки пустые. Последняя запись - «18.09 - 0», первая за много лет бессонная ночь, с половицами, мёдом и обрывом.

Глеб пишет ниже: «30.09 - ?»

Потом спускается к реке.

Вода у берега обжигает холодом. Глеб набирает её в ладони и умывается, фыркая, как отец по утрам на катере. Потом умывается ещё раз, хотя лицо уже мокрое.

С бороды в Енисей капает вода.

В десять звонит Ася. В трубке шумит редакция, хохочут, звонит другой телефон.

- Я до вечера, - говорит она быстро. - Валерий завалил. Ты как?

- У меня двадцать три.

Пауза.

- Как двадцать три? У тебя двадцать два. Устье.

- В книге двадцать три.

- В какой книге?

- Набело.

- Глеб. Откуда двадцать три?

- Не знаю.

Ещё одна пауза, длиннее. Шум редакции в трубке, как прибой.

- Я приеду вечером.

- Работай. Приезжай завтра.

- Глеб…

- Завтра.

Ладонь его лежит на перилах крыльца и сжимается, пока он говорит это слово.

Гудки.

С берёзы у крыльца срывается жёлтый лист и ложится на перила рядом с его рукой.

К одиннадцати Глеб раскладывает на столе всё своё хозяйство. Три листа миллиметровки. Амбарную книгу. И школьный учебник биологии из отцовского шкафа, раскрытый на той же странице, что и две недели назад.

Двадцать три пары. Сорок шесть хромосом.

Всё, что даёт формула, - про человека. Хромосомы. Кости. Вынашивание. Рождение. Вознесение. Третины. Человек от начала до конца, записанный числами.

Значит, и смертей ей нужно столько, сколько пар. По одной на каждую.

Двадцать три.

По-честному у него двадцать два. «Двадцать два» издания - это с живым дедом и без Устья. Настоящие двадцать два - с Устьем. До двадцати трёх одна строка.

Последний узел формулы - восьмое ноября. Дмитриев день. Двадцать третья строка - на восьмое ноября. Она уже стоит в книге, пустая, и ждёт.

Кого ждёт, Глеб обходит даже в мыслях, как обходят яму на дороге.

На рисунке в учебнике пары стоят рядами, по номерам, тёмные палочки, похожие на рассыпанные спички. Двадцать две пары одинаковые у всех. Двадцать третья - отдельно, в конце, та, что делает человека мужчиной или женщиной. Та, что делает его - им.

Глеб кладёт ладонь плашмя на страницу. Ладонь у него большая и накрывает все ряды, кроме последнего.

Из-под ладони видна одна двадцать третья пара.

В три у калитки останавливается серая машина. Денис входит без звонка, без стука, с серой картонной папкой под мышкой.

Папка старая, с тесёмками, завязанными на бантик. На обложке выведено от руки: «Чистовик. 2026». Ниже лиловый штамп, чуть наискось: «Хранить вечно».

Денис кладёт её на кухонный стол. Сам садиться отказывается. Стоит в куртке, руки в карманах, и смотрит на ходики.

- Это настоящий счёт, - говорит он. - У нас его так и называют. Чистовик.

- А у меня - набело, - говорит Глеб.

Денис коротко кивает, как будто ждал именно этих слов.

Глеб развязывает тесёмки. Внутри распечатка, шрифт как у пишущей машинки, по линейкам таблицы. Год, по месяцам. Даты, места, люди. Глеб ведёт пальцем вниз, по строкам, и его палец узнаёт каждую. Тельдек. Мухинский. Озёрный. Алтай. Потом сентябрь.

Двадцать три строки.

Последняя - пустая. Дата пустая, место пустое, последняя колонка пустая. Просто строка.

- Мне сказали в неё ничего не вписывать, - говорит Денис, глядя на ходики. - Сказали - заполнится сама.

Глеб молча берёт со стола амбарную книгу и кладёт её раскрытой рядом с папкой.

Две таблицы. Две пустые строки, одна возле другой. Машинописная - гладкая, чистая. Карандашная - с одним словом в последней колонке.

Денис наклоняется, долго смотрит на карандашное слово.

- Это вы писали?

- Я.

- Когда?

- Не помню.

Денис выпрямляется. Смотрит на ходики ещё раз и завязывает тесёмки на папке, быстро, бантиком, как прежде.

- Её к шести надо вернуть, - говорит он уже у двери. - Её здесь сегодня и не было.

Серая папка уезжает в серой машине. Амбарная книга остаётся раскрытой на кухонном столе.

В пять Глеб спускается к реке и идёт вдоль берега, по гальке, туда, где неделю назад, после семи витков вокруг дома, медвежий след уходил в воду.

Сумерки. С того берега тянет дымом. Огни Сосновоборска загораются один за другим, и остров на реке темнеет, становится плоским, как вырезанным из картона.

Тимофей говорил на пасеке: восьмое ноября - Дмитриев день, а накануне суббота, родительская. Своих поминают. Покойников.

Восьмое ноября. Пустая строка. Его почерк. Его слово в последней колонке, «странность», которое он ставит только тем случаям, где кончается объяснение. Пустая строка у Отдела, которая заполнится сама.

Глеб останавливается у самой кромки. Здесь обрывался след. Вода подходит к носкам ботинок, отступает, подходит снова.

Мокрые ботинки и холод он перестаёт замечать.

Обратно он поднимается в темноте, наощупь, по корням. Наверху, на обрыве, горит одно окно - его.

Глеб садится за стол.

Амбарная книга раскрыта на последней строке. Ходики. Лампа. Река за окном, которую слышно, если долго молчать.

Он берёт карандаш и подносит его к колонке «дата». Держит над пустой клеткой.

Кладёт карандаш.

В доме тихо. В печи потрескивает, остывая, последнее полено.

Глеб говорит вслух, ровным голосом, в пустой дом:

- Двадцать третий - это я.

Часть вторая. Сигнал

Глава 21. Забор

2–3 октября 2026 года. Забор закрытого города у Сосновоборска

 # 29 августа. Окраина Новокузнецка. Медведь сломал руку женщине, 68 лет, кормившей бездомных собак. Ранена одна.

Ася приезжает в девять, как он и просил: завтра.

Входит с холодом на куртке, с пакетом, в котором хлеб и два стакана кофе с заправки, и останавливается на пороге горницы. Глеб сидит за столом в том же свитере, что вчера, борода нечёсаная, глаза в красных прожилках.

- Ты спал? - спрашивает она.

- Немного. Вот здесь.

Он кладёт ладонь на стол, рядом с амбарной книгой, и раскрывает книгу на сентябре.

Ася ставит кофе и наклоняется. Ведёт глазами по строкам, по датам, по местам, вниз, до Устья. Под Устьем ещё одна строка. Пустая. В последней колонке одно слово, карандашом.

Его почерком.

- Двадцать три, - говорит она тихо.

- Двадцать три.

- Ты сам написал. Во сне. Ты же двое суток толком не спал, Глеб, ты переписывал до часу ночи, у тебя рука сама…

- Рука моя.

Ася кладёт ладонь на пустую строку, плашмя, закрывая её целиком, как закрывают глаза покойнику. И тут же отдёргивает руку.

- И что это значит?

Глеб смотрит в окно, на реку.

То, что он сказал ночью вслух в пустом доме, лежит у него во рту, как камень. Он его там и оставляет.

- Формула говорит «что» и «когда», - говорит он. - Где и в какой день. А «зачем» - молчит.

- И где искать «зачем»?

- У седьмого.

- У какого седьмого?

- Пастух. Седьмой у краевых следователей. Его проглядели все ленты, а у них он есть. Если это всё письмо, то самое тихое слово в нём - он. Двадцать пять километров отсюда.

Ася долго смотрит на него, будто ждёт чего-то ещё. Потом закрывает амбарную книгу.

Глеб смотрит, как сходятся половины переплёта.

Деревня, откуда в сентябре вышло стадо и вернулось без пастуха, стоит в пологой низине у бора. Дома старые, с палисадниками, огороды уже выкопаны, на заборах сохнут перевёрнутые банки.

Выпас опустел. Коровы стоят по дворам и мычат через заборы, тягуче, обиженно: гонять их на траву некому, и сено в стайках раньше времени идёт в дело.

У колонки, где вокруг сыро и натоптано, стоит старуха с бидоном. Та самая, с крайнего двора. В ватнике, в платке, бидон держит двумя руками перед собой.

Бидон полный. Носить молоко теперь некому.

- Собака? - переспрашивает старуха, когда Ася спрашивает про Дымку. - Сидит. Как вкопанная. У забора, на бетон глядит.

- С сентября?

- С того самого дня. Мужики её от него тогда оттащили, домой привели, на цепь посадили. Она цепь перегрызла - и опять туда.

- А кормите?

- Носим. Ест. А домой - ни в какую. Позовёшь - посмотрит и сидит.

Старуха ставит бидон на землю, развязывает сумку и достаёт буханку. Отламывает половину, крепкими пальцами, без ножа, и протягивает Асе.

- Отнесите ей. Нюрой меня зовут. Баба Нюра.

Вдоль забора идут пешком.

Забор начинается сразу за выпасом и уходит в обе стороны, сколько хватает глаз: серые бетонные плиты в два человеческих роста, швы между ними забиты мхом, поверху в три ряда колючая проволока. Через каждые сто шагов на бетоне выцветшая жестяная табличка: «Запретная зона». За забором тишина и пустое небо.

Выпас зарос: трава по колено, сухая, жёсткая, с репьём. Березняк вдоль опушки рыжий, листья летят на бетон и сползают по нему вниз.

Километра через два Ася останавливается.

У подножия забора, в траве, лежит серая лайка с белыми бровями. Лежит мордой к бетону, как будто ждёт, что в нём откроется дверь. Рёбра проступают под шерстью. Вокруг трава примята кругом: лёжка, выдавленная за три недели.

Дымка поворачивает голову и рычит. Низко, без злобы, лёжа.

Ася садится на корточки в нескольких шагах. Кладёт хлеб на траву перед собой и отводит руки на колени. Ждёт.

Глеб стоит позади и тоже ждёт.

Тишина тянется долго. Потом Дымка поднимается, подходит, берёт хлеб и ест, жадно, по-собачьи давясь. Отходит, садится, смотрит на Асю. На Глеба. На березняк.

Потом встаёт и идёт вдоль забора, к березняку. Через десяток шагов оглядывается.

- Зовёт, - говорит Ася.

Дымка доходит до края березняка, останавливается и ждёт их там, повернув голову.

Избушка стоит на опушке, в сотне шагов от забора, спиной к лесу. Сруб в одно окно, крыша в мху, дверь на щеколде. Щеколда откинута, дверь приоткрыта ветром.

Дымка проскальзывает внутрь первой.

Внутри всё, как он оставил. Кнут на гвозде у двери. Эмалированная кружка на подоконнике, с чёрным ободком у края. Нары, на нарах овчина, на гвозде ватник. Печка-буржуйка, остывшая насквозь, на ней пустой чайник. Пахнет холодной золой, дёгтем, овчиной.

Дымка запрыгивает на нары, кружится на овчине и ложится клубком, носом в хвост.

В избушке полутемно: окно одно, и в него сочится серый свет из-под берёз. Глеб включает фонарь, ведёт лучом по стенам и останавливается над нарами.

На бревне, на уровне глаз, вырезаны черты. Семь. Глубокие, длиной в ладонь, неровные, будто их вели ножом или когтем - по дереву уже и угадать трудно. Они стоят на бревне россыпью, будто их ставили по образцу.

Глеб сдвигает фонарь вбок, почти вплотную к бревну, и в косом свете проступает ещё одна. Восьмая. Тонкая, мелкая, у самой шестой.

- Ася. Рулетку из машины. В бардачке.

Ася приносит. Глеб меряет расстояния между чертами и диктует, а Ася записывает в свой блокнот в клетку. Потом он фотографирует бревно, открывает на планшете звёздную карту, ставит фотографию поверх и крутит её пальцами, подгоняя точки на экране к чертам на стене.

Ложатся. Все семь. Четыре - чаша, три - ручка.

Ковш.

Восьмая, тонкая, стоит у шестой, как Алькор у Мицара.

Рулетка выскальзывает у Глеба из пальцев, лента с щелчком сворачивается в корпус и стукает о пол.

Он отводит фонарь, и восьмая черта пропадает. Подносит сбоку - проступает снова. Отводит - пропадает.

Когда они выходят из избушки, уже темно. Ехать обратно по грунтовке ночью Ася отказывается, и баба Нюра, увидев их у колонки второй раз за день, машет рукой: ко мне, места хватит.

Изба у неё тёплая, низкая, с ковром на стене и иконой в углу. На столе картошка в мундире, солёные огурцы, хлеб и молоко из того самого бидона, густое, с желтизной.

- Пейте, - говорит баба Нюра. - Всё равно скиснет.

Ходики на стене тикают громко, как в доме у Глеба.

- Баба Нюра, - говорит Глеб. - Черты на стене в избушке. Над нарами. Давно они там?

- Черты-то? - Старуха отламывает хлеб. - А кто ж их знает. Сколько себя помню, были. Пастух избушку у объездчика взял, лет тридцать назад. А объездчик - у деда какого-то, тот ещё до войны там жил. И всегда они были, черты эти. Мы девчонками бегали смотреть. Думали, медведь драл.

- А кто их сделал?

- Так кто ж его знает. Говорю: всегда были.

Спать их кладут в маленькой комнате за печкой: Асю на кровать, Глеба на раскладушку у стены. Баба Нюра крестится на угол, гасит свет и долго ещё ворочается за перегородкой.

В окно светит луна. Полоса лунного света ложится на пол между кроватью и раскладушкой, узкая, белая.

- Глеб, - шепчет Ася в темноте. - Что ты понял про ту строку?

Тишина. Ходики.

- Глеб.

Тишина.

Ася поворачивается к стене. Пружины кровати скрипят и затихают.

Полоса лунного света лежит на полу между ними, как черта.

Утром трава у забора белая от инея, и каждый шаг по ней оставляет тёмный след.

В избушке пахнет холодом. Дымка лежит на нарах, на хозяйской овчине, и при их входе поднимает голову и снова кладёт. От забора она ушла сюда. Похоже, здесь и останется.

Свет падает в окно косым столбом, и в столбе висит пыль.

При дневном свете Глеб видит то, что вчера с фонарём проглядел. Дерево внутри черт серое, гладкое, обветренное, как старый шрам, затянувшийся давно. Свежий срез на бревне белел бы. Эти черты старше пастуха. Старше объездчика, наверное. Старше, чем тот дед, что жил тут до войны.

Глеб снова меряет, теперь при свете, и цифры совпадают со вчерашними до миллиметра.

Ася тем временем фотографирует Дымку на нарах. Собака смотрит в объектив спокойно, по-хозяйски, будто это теперь её избушка.

Знак ждал. Сколько лет - неизвестно. Ждал, пока в этой избушке поселится тот, кого потом проглядят все ленты.

Глеб выходит на порог.

По тропинке вдоль забора, по белой от инея траве, к избушке идёт человек. Пешком.

Это Денис. Серую машину он оставил в деревне, у колонки, и прошёл два километра вдоль бетона. Куртка охотуправления расстёгнута, на ботинках иней.

Он кивает Глебу, Асе и входит в избушку. Останавливается в дверях.

Дымка поднимает голову и рычит на него, тихо, низко, с нар.

Денис смотрит на стену. На семь черт. Потом его взгляд сдвигается к шестой и задерживается у неё на восьмой, тонкой, которую при дневном свете видно, если знать, куда смотреть.

Он знает, куда смотреть.
Денис стоит в дверях долго. Глеб и Ася ждут.
- У нас этот случай заведён под шифром, - говорит он наконец. - «Алькор».
- Кто назвал? - спрашивает Ася.
- Наверху.
- Почему Алькор?
Денис молчит. Смотрит на восьмую черту.
- Мне объяснили одной фразой, - говорит он. - Ещё в сентябре, когда дело заводили.
Дымка на нарах перестаёт рычать и кладёт морду на лапы.
- У нас говорят, - говорит Денис, - у седьмого всегда есть невидимый спутник.

Глава 22. Ящик, которого не было

7 июля 1917 года. Вэттис, Швейцария

 # Из отчёта о раскопках. Пещера, именуемая местными жителями Драхенлох, то есть «Драконова дыра», расположена над деревней Вэттис в долине Тамины, кантон Санкт-Галлен, на высоте 2445 метров над уровнем моря, в толще сеуэрского известняка. Вход обращён на восток. Пещера состоит из шести залов, обозначаемых ниже римскими цифрами от I до VI ; общая протяжённость около семидесяти метров. Первые костные остатки доставлены в долину местным учителем 7 июля 1917 года.

Отец разбудил его в половине третьего, когда за окном было черно и тихо, только Тамина шумела внизу, под деревней, как шумела всегда.

- Вставай, Тони. Пойдём наверх.

Тони было девять лет, и наверх его брали впервые. Он оделся в темноте, путаясь в рукавах, сунул ноги в ботинки на гвоздях и вышел за отцом на улицу. Отец нёс рюкзак, ледоруб и карбидную лампу, ещё не зажжённую. Мать стояла в дверях в платке и молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.